

**Исцеление от гомосексуальности.
Случаи репаративной терапии -
Джозеф Николоси**

Исцеление от гомосексуальности. Случаи репаративной терапии - Джозеф Николоси

- [Об авторе](#)
- [Введение](#)
- [1. Альберт — мальчик в мужском теле](#)
- [2. Том — женатый мужчина](#)
- [3. Отец Джон — двойная жизнь](#)
- [4. Чарли: поиск мужской сущности](#)
- [5. Дэн — рассерженный мужчина](#)
- [6. Стив — в поисках символов мужественности](#)
- [8. Роджер — «хочу ли я быть здесь?»](#)
- [9. Мужчины вместе — как происходит исцеление в группе](#)
- [Приложения](#)
- [Мужская дружба](#)
- [Отношения с женщинами](#)
- [Суть гомосексуальности](#)
- [Потеря привязанности и проработка скорби в репаративной терапии](#)

*ФРЭНКУ НИКОЛОСИ,
замечательному отцу, подготовившему меня к написанию этой книги,
строгому в воспитании, щедрому душевным теплом*

Об авторе

Джозеф Николоси, Ph.D., — основатель и директор психологической клиники имени Фомы Аквинского, а также соучредитель Национальной американской ассоциации по исследованию и терапии гомосексуализма. Доктор Николоси окончил Новый институт социальных исследований и Калифорнийский институт профессиональной психологии. Он — член Американской Психологической Ассоциации и Калифорнийской Психологической Ассоциации. Доктор Николоси — автор «Репаративной терапии мужского гомосексуализма» и многочисленных статей в области психологии. Читает лекции, ведет частную практику в Энсино, штат Калифорния.

Введение

Эта книга создана с использованием записей, сделанных во время психотерапевтических сеансов, и иллюстрирует основные принципы моей предыдущей работы «Репаративная терапия мужского гомосексуализма», имевшей технический характер. В ней вы найдете ясные примеры того, как я работаю с клиентами, столкнувшимися с искажениями их подлинной мужской сущности.

Потребовалась редактура некоторых словесных описаний и упрощение клинических случаев для того, чтобы ярче выделить главные аспекты репаративного процесса. Также, в целях соблюдения конфиденциальности клиентов каждый клинический случай составлен из деталей историй нескольких клиентов со схожими проблемами. Ни один из представленных примеров не соответствует полностью истории отдельно взятого клиента. Любое сходство с чьей-либо биографией является совпадением.

Во всех случаях я старался сохранить точные слова своих клиентов, поскольку лишь они могли

рассказать о своей борьбе и разочарованиях, прорывах и успехах в репаративной терапии. Сохраняя речь своих клиентов, я попытался передать человеческую драму, которая лежит в основе репаративной теории и терапии.

Движение за права геев добилось успеха во многом благодаря использованию историй отдельно взятых людей. Когда все теоретические доводы, подтверждающие и опровергающие то, что гомосексуализм является патологией, были представлены Американской Психиатрической Ассоциации в 1973 году, именно социополитическая точка зрения оказала наибольшее влияние. Выслушав рассказы некоторых геев о неудавшемся лечении, ассоциация психиатров исключила гомосексуализм из диагностического списка.

Теперь, спустя ровно 20 лет, мы предлагаем свидетельства противоположного характера, т. е. рассказы мужчин-гомосексуалистов, которые, идентифицировав себя как геев, столкнулись с разочарованием в жизни, а затем с помощью психотерапевтической поддержки разрешили проблему гендерной идентификации, лежащей в основе большинства случаев гомосексуализма. Хотя у каждого клиента своя уникальная история, я отобрал восемь человек, являющихся представителями основных типов личностей, которые встречались мне на протяжении двадцати лет моей работы. За это время мне довелось работать с 200 пациентами. Каждый из нас обладает чертами, встречавшимися в этих восьми людях: хрупкостью Альберта, цельностью Чарли, злостью Дэна, нарциссизмом Стива и противоречивостью Роджера.

Многих может удивить директивный стиль моего терапевтического вмешательства. Частично такое впечатление может возникать из-за того, что записи приходилось компоновать в процессе редактирования. Некоторыми деталями иногда приходилось жертвовать во имя краткости и ясности.

С другой стороны, репаративная терапия *всё-таки* требует более настойчивого вмешательства терапевта — «благотворного провоцирования», которое отходит от традиции отстраненного размытого психоанализа и необходимо, чтобы заменить мужское влияние. Терапевт должен бросать вызов пациенту и сочетать это с дружеским поощрением, следуя модели поведения «отец-сын», «наставник-ученик». Это неотъемлемый принцип репаративной терапии.

Репаративная терапия объясняет не все формы гомосексуальности, а только синдром «доминирования», с которым я встречался в своей практике.

Данная терапия предназначена не для всех гомосексуалистов. Некоторые из них могут предпочесть гей-аффирмативную терапию. Многие гомосексуалисты предпочитают верить, что они «были рождены такими», таким образом уклоняясь от трудностей, которые мы будем разбирать в этой книге. Тем не менее, пока не было найдено решающего доказательства в поддержку биологического объяснения гомосексуализма. Хотя многие мужчины в силу особенностей своего темперамента могут быть предрасположены к пассивности и ранимости (и, как следствие, к нарушению гендерной идентификации, которое может привести к гомосексуальности), мне всегда казалось, что выражение «я родился таким» на самом деле надо понимать как «я просто не хочу замечать проблемы развития, которые сделали меня гомосексуалистом».

Эта книга была написана в тот момент, когда политические, юридические и психотерапевтические аспекты гомосексуализма подверглись беспрецедентному обсуждению в обществе. Сейчас, когда книга уже должна выйти в печати, поднята шумиха вокруг геев в армии, геев среди бойскаутов, законодательных поправок относительно прав геев в Орегоне и Колорадо. В каждой области психологии предпринимаются попытки объявить репаративную терапию нелегальной и неэтичной на том основании, что она не даёт никаких результатов и

приносит клиенту больше вреда, чем пользы.

Любой психотерапевтический метод, пытающийся лечить гомосексуализм, сталкивается со скептицизмом. Это можно понять, если вспомнить историю лечения гомосексуализма. Применявшиеся в прошлом методы лечения, вызванные враждебностью к гомосексуалистам, включали электрошок, кастрацию и операцию на мозге. Значительная часть социальной несправедливости, которой подвергались гомосексуалисты, осуществлялась теми, кто относил гомосексуализм к нарушениям психологического развития.

Мы не собираемся способствовать реакционной враждебности. Однако, между наукой и политикой должна быть проведена граница, и наука не должна поддаваться политическому давлению со стороны гомосексуалистов.

Недавно была образована Национальная комиссия по изучению и лечению гомосексуализма (NARTH) для борьбы с политизацией научных и терапевтических аспектов гомосексуализма. NARTH будет защищать терапевтов, которые работают с гомосексуалистами, желающими пройти лечение. Уже в первые месяцы после основания этой организации ее членами стало больше сотни дипломированных психологов, психиатров, семейных консультантов и социальных работников. NARTH будет защищать право терапевтов продолжать изучение и усовершенствование терапевтических методик, предназначенных для мужчин и женщин, борющихся с гомосексуальными наклонностями, чувствами и поведением, не желающих принимать такие проявления как часть своей истинной личности.

Я хочу выразить признательность своим предшественникам, занимавшимся психоаналитическими исследованиями в области пре-эдиповой, побудительно-репаративной традиции, которые помогли мне понять моих клиентов, особенно доктору медицины Сандору Радо, доктору медицины Ирвингу Биберу, и доктору медицины Чарльзу В. Сокаридесу.

1. Альберт — мальчик в мужском теле

Альберт осторожно, с неуверенным видом вошел в мой кабинет, словно сам не знал, зачем пришел поговорить со мной. Он бросил на меня быстрый, робкий взгляд и тут же принялся сосредоточенно рассматривать пейзаж за окном.

«Рад встрече, мистер О’Коннор». Я жестом предложил ему присесть, и, после некоторого замешательства, он опустился в кресло.

Я сел на стул напротив Альберта и взглянул в бледное лицо этого опрятно одетого, несколько полноватого молодого человека. Альберт оглядел комнату и сказал: «Мне нравятся ваши растения. Ваш кабинет похож на ботанический сад».

Мне всегда нравился зеленый цвет. Стены в моем кабинете темно-зеленые и украшены репродукциями итальянских картин эпохи расцвета Возрождения. Над кушеткой висит репродукция «Мадонны с младенцем» да Винчи нежного, мягкого янтарного оттенка. В итальянских терракотовых горшках пышные зеленые растения, которые возвышаются над венецианскими окнами до самого потолка. По двум противоположным стенам кабинета стоят два массивных шкафа из темного ореха, заставленных книгами и горшками с папоротником и плющом, каскадами ниспадающими вниз. Я знал, что Альберту понравится обстановка. По телефону он сообщил мне, что работает в оранжерее.

Затем он сказал: «Это похоже на мою комнату дома, вся эта зелень». По его лицу скользнула болезненная улыбка. «Где бы я ни был, я всегда стараюсь окружить себя зеленью и цветами».

Альберт говорил несколько женственным голосом, с печальными интонациями потерявшегося ребенка.

Он начал рассказывать. «Сегодня к нам в питомник пришла пожилая женщина и принесла умирающий папоротник. «Вы не даете ему достаточно света», сказал я ей. «Папоротникам нужно много света, но только рассеянного». Она была так признательна. Мне нравится помогать людям». Он удовлетворенно улыбнулся. «Я часто чувствовал себя как тот умирающий папоротник. Обо мне неправильно заботились».

Я ощущал хрупкость, почти болезненную слабость в Альберте, который остался жить где-то в прошлом, в наполненном мечтами детстве. Альберт все еще жил с родителями на заброшенном ранчо в Малибу, где он вырос. У него был лишь один брат, сводный, который давно покинул родной дом и женился.

Во время наших первых занятий Альберт был молчалив. Иногда он подолгу сосредоточенно глядел на меня своими карими глазами, будто не зная, что сказать. Только спустя несколько недель он, наконец, начал чувствовать себя достаточно комфортно, чтобы рассказать о своих сильных сексуальных влечениях. Альберт чувствовал себя маленьким мальчиком, заключенным в мужское тело и осаждаемым желаниями, в которых он не хотел себе признаваться. По мере того, как он излагал свою историю, образ маленького мальчика разрушался. В его рассказах начали возникать интимные детали, и в такие моменты его голос становился визгливым, почти истеричным.

В один дождливый день Альберт принялся рассказывать о являющихся характерными для гомосексуалистов переживаниях, которые я называю *отчуждением от своего тела*. Большинство гомосексуалистов несколько отстраненно воспринимают собственное тело, в то время как гетеросексуалы обычно ощущают себя в своем теле комфортно. Именно эта естественность привлекает гомосексуалистов в гетеросексуалах. Отчужденность Альберта от собственного тела была чрезвычайно острой. Он вырос в доме, где мужское тело считалось постыдным и неприличным.

В тот день он опустился в свое кресло с некоторой вызывающей решимостью, заявив своим детским голосом: «У меня была плохая неделя, и меня осаждали странные чувства. Мне с трудом удалось с ними справиться». Он добавил с виноватой интонацией: «Я ощущал себя похотливым».

«Это была плохая неделя, потому что вы ощущали себя похотливым?»

«Да. Я не могу спать. Я испытывал злость и не знал отчего». Он продолжил: «Я понимаю, что моей реакцией на сексуальное влечение всегда является страх, а не злость».

«Ваша злость — защита от страха, но страха перед чем? Почему сексуальные влечения пугают вас?»

«Я не знаю», беспомощно прошептал он. «Все физические ощущения вызывают у меня конфликтные переживания, стыд».

Я кивнул, продолжая слушать.

«Мама всегда поднимала шум из-за всего, чтобы было связано с телом».

«Неужели?»

«Да. Когда я был маленький, она всегда устраивала истерики, если мне случалось намочить кровать. Когда мне случалось заболеть, она созывала всех тётушек и дядюшек и бывала на грани нервного срыва. А однажды, когда она застала меня и моего кузена за своего рода сексуальной игрой, она просто пришла в ярость».

«Что случилось?»

«Мой кузен начал это. Все те годы, что он делал это со мной, я не связывал секс с развратом. Я никогда не думал, что он использует меня. На самом деле я считал его лучшим другом».

«Сколько Вам было, когда это началось?» спросил я.

«Около девяти, а моему кузену было пятнадцать. Он бы очень навязчив в сексуальном плане. Он всегда находился возле меня. Я был в том нелюдимом возрасте, когда у меня не ни с кем не было дружеских связей. И, можно сказать, что я жаждал любви», признался он. «Я вынужден простить себе то, что принимал секс за любовь. Я позволял своему кузену делать вещи, которые я считал неправильными, которые я ненавидел. В душе я обливался слезами, но продолжал подыгрывать ему и позволял ему делать все, что он только ни хотел».

Я спросил: «Как часто это случалось?»

«Много раз. Всякий раз, когда он приходил к нам в течение многих лет».

«А где были Ваши родители? Разве они не были в доме?»

«Я не знаю, где они были. Понятия не имею. Всё это время я ощущал себя беспомощным. Если бы я не поступал так, как того хотел мой кузен, он не был бы моим другом. Он — прирожденный манипулятор. С самых малых моих лет он вертел мной как хотел. Долгое время я вел себя так, будто у меня с ним хорошие отношения, Но внутри я не желал их. Хотя я думал, что я получаю любовь, всё, чего он добился, — вызвал во мне ненависть».

Альберт продолжал: «В конце концов, мой кузен оттолкнул меня. Раз или два я оказался в похожей сексуальной ситуации с другим парнем в старших классах. Я удовлетворил его, чтобы заставить быть моим другом. Не знаю, почему я позволял мужчинам манипулировать собой. Я думаю потому, что они казались мне такими смелыми и интересными, и после мы проводили время вместе». Альберт имел в виду мужскую склонность к приключениям, веселью, которой недоставало в жизни правильного мальчика.

«А что сделала Ваша мать, когда застала Вас в тот раз с кузеном?»

«Она наказала меня.... Побила ремнем и заперла на пару часов в туалете. Я думаю, что из-за этого у меня развилась клаустрофобия. Она сказала, что Бог разрушил целый город из-за вещей, которыми я только что занимался».

Альберт продолжал: «Как я сказал, после тех случаев с кузеном, секс у меня был только два раза. Всякий раз я вел себя так, будто мне это нравилось, но в душе я ненавидел это. Я думал: «Я не хочу этого. От этого больно». И тут же я думал: «Да ладно! это не больно. Было больно тогда, когда меня совращали в детстве». Я все еще ощущаю себя ребенком, когда дело доходит до секса.»

Я объяснил Альберту теорию репаративного побуждения, рассказал ему, что его сексуальная игра с мальчиком была попыткой изучить и укрепить собственное мужское начало через контакт с другими мужчинами. Как большинство мужчин, выбравших репаративную терапию,

Альберт почувствовал облегчение и воодушевление, поняв, что его гомосексуальное поведение было лишь попыткой преодолеть собственную оторванность от своего мужского начала.

Из описаний Альберта я понял, что у него было очень одинокое детство. Он мало общался с другими мальчиками, и ни мать, ни отец не воспитывали в нем мужественность. Чувствуя себя неадекватным в качестве мужчины, он попытался найти поддержку, любовь и одобрение через гомосексуальный контакт. Стыд, который мать внушила ему, только усилила в нём отчужденность от собственного мужского начала.

«Вы должны чувствовать себя более расслабленным, больше принимать свое тело», сказал я ему.

«Я знаю», ответил Альберт. «Я чувствую себя, как будто я за рулем большого грузовика, но у меня нет водительских прав. Я чувствую себя так, будто я мальчик в мужском теле». Его мальчишеский голос вдруг огрубел и стал громче. «Это вправду очень тяжело для меня. Я всегда испытываю ужасную вину, когда перестаю контролировать себя».

«Вы чувствовали, что Ваши родители не воспринимают Ваше мужское тело?».

«Я всегда ненавижу бриться. Всегда ненавижу, когда возбуждался. И до сих пор ненавижу это».

Словно впервые в жизни найдя кого-то, кто мог понять и выслушать его, Альберт свободно рассказывал мне о самых сокровенных и давних причинах своих страданий. «Всякая телесная функция кажется проблемой». Его слова сыпались ломким стаккато. «Всякий раз, когда это происходит с моим телом — когда наступает возбуждение, я становлюсь очень напряженным. Я знаю, что я потеряю контроль и начну мастурбировать. Потом я пугаюсь, что кто-то может узнать об этом. Я всегда стараюсь добиться оргазма, перед тем, как поехать куда-нибудь. Я боюсь, что если буду ночевать у друга или отправлюсь с кем-то в поход, мне присниться эротический сон. Я прихожу в ужас при мысли, что кто-то увидит, что я кончил в постели. Когда я иду в туалет в питомнике, я молю, чтобы там никого не было. В конце концов, я захожу в кабинку и пытаюсь помочиться».

«Вы стесняетесь помочиться».

«Что?» переспросил он с удивлением.

«Вы стесняетесь помочиться в общественном туалете. Это проблема ассертивности, уверенности в себе, связанная с гомосексуализмом».

Он замолчал, потом сказал: «Я чувствую себя ужасно из-за того, что я человеческое существо, которое способно возбуждаться и иметь эрекцию. И что еще хуже, я думаю о сексе с мужчинами».

Затем он произнес дрожащим голосом: «Чем я заслужил такое унижение, мистер Николоси? Какое преступление я совершил?»

«Ваше преступление», ответил я, «состоит в том, что у вас мужское тело».

«Мои сексуальные желания унижительны для меня», признался он и простонал: «Я безумно, безумно, безумно стыжусь их. Мастурбация — это мой способ наказать своих родителей за то, что они не рассказали мне о сексе, мой способ отомстить маме, папе, и нашей церкви за то, что они подавили мою сексуальность».

«Это бунт против того, что вас растили как бесполое существо», отметил я. «Ваше мастурбирование — это вызов».

«Да», сказал Альберт с гордостью в голосе. «Это способ сказать «Да пошли вы!» по поводу одной из самых болезненных сторон моей жизни. Уже пятнадцать лет я веду эту битву. Это способ заявить моим родителям: «Вы никогда не знали мужской части меня или не хотели, чтобы она существовала, и потому я нашел способ выпустить ее наружу».

«Мы знаем, что гомосексуалисты склонны мастурбировать чаще, чем гетеросексуалы. Это попытка совершить ритуальный контакт с пенисом... соединиться с утраченной мужественностью».

Альберт кивнул, задумавшись. «У меня столько страха внутри», признался он. «Я боюсь быть мужественным, боюсь быть мужчиной. Одна мысль преследует меня: «Ведь ты не можешь быть таким!»»

Он обмяк, вздохнув с унынием. «И зачем я говорю себе всё это?»

«Это сценарий, которому Вы следуете», сказал я.

«Почему сексуальность естественна для всех, кроме меня?» спросил он. «Почему я не могу быть взрослым, как другие?» И тут же ответил сам себе теми же словами, которые я мог сказать ему. «Я до сих пор не могу построить взрослые отношения с матерью и отцом. Рядом с ними я ощущаю себя ребёнком».

Я достаточно часто слышу такие слова от своих гомосексуальных клиентов. «Я могу быть хорошим мальчиком для мамы и папы, но не могу быть рядом с ними мужчиной».

Шли месяцы. Альберт продолжал делать маленькие, но значимые успехи. Он постепенно самоутверждался и перестал мучить себя за свои сексуальные желания.

Случай с Альбертом — яркий пример человека, неспособного принять свои естественные мужские желания. Однако, многие гомосексуалисты описывают похожее детство, в котором они воспитывались как чистые правильные мальчики, лишённые сексуальных желаний. Логично, что ошибочная самоидентификация передаётся мальчику от матери. Отец, который мог бы стать единственным источником мужской самоидентификации, остается безучастным, не вмешиваясь или не замечая чрезмерного влияния матери.

Как правило, гомосексуалисты вырастают рядом с постоянно тревожащимися матерями. Эти навязчивые, суетливые матери желают лучшего для своих сыновей, но не способны распознать их истинные потребности.

«Я помню, мама всегда старалась говорить мне оптимистичные вещи, но я знал, что они не были правдой. Однажды меня обидели мальчики, с которыми я гонял мяч. Мне было примерно восемь, и я был несколько неуклюж в игре. Помню, мама сказала: «Да эти мальчики тебе и не нужны. Ты намного лучше их».

Он печально рассмеялся. «После ее утешений мне стало лучше, но даже тогда я подозревал, что она лжет. Но я принял их, потому что от её слов мне стало легче».

«А что было ложью?»

«Что я был лучше этих мальчиков и, следовательно, не нуждался в играх с ними».

Хотя мать Альберта была чрезмерно назойлива и заботлива, она при этом была парадоксально небрежна. Альберт рассказал мне, как однажды в детстве у него была ушная инфекция. Мать желая, как можно быстрее сделать все, что полагается, вызвала у сына передозировку лекарств, непрерывно пичкая его антибиотиками. В результате у него возникла острая реакция на пенициллин, из-за чего Альберт до сих пор испытывает трудности.

Альберт размышлял: «Я осознаю, насколько родители лишили меня чувства собственного достоинства».

«Только Вам я могу показать уродливую сторону себя», сказал он с грустью и замолчал, а затем растерянно добавил. «Это странно. В последнее время я чувствую, что все больше и больше отдаляюсь от родителей. Но несмотря ни на что, я всё еще люблю их».

Я ободрил его: «Нет. Это не странно. Сейчас Вы вскрыли важные, долгое время умалчивавшиеся проблемы. Наконец-то Вы пытаетесь объективно взглянуть на своих родителей и на то, как они на Вас повлияли. Вам нужно отойти в сторону, чтобы сделать это».

Он вздохнул с огорчением. «Я хотел бы встречаться с Вами каждый день в течение месяца, чтобы перебороть в себе это. Я хочу взять отпуск с работы и избавиться от всей этой ерунды».

«Вы не можете ускорить процесс обучения тому, как правильно воспринимать себя», сказал я ему. «Нелегко изменить то, как мы видим себя. Это требует труда, это медленный процесс, основанный на небольших последовательных продвижениях вперед».

Альберт выглядел разочарованным. «Что ж, я хотя бы научился немного контролировать свою непреодолимую тягу к мастурбации. Теперь для этого больше не требуется бороться с собой. Однажды я прожил дольше года, воздерживаясь от мастурбации. Я молился, совершал долгие прогулки, делал всё, что угодно, чтобы отвлечь себя от потребностей своего тела. Это научило меня смирению. Но потом я начал терять контроль. Меня постоянно посещали гомосексуальные фантазии. Я все время думал о сексе. Каждое слово, которое могло ассоциироваться с сексом, я воспринимал именно в этом плане. Всякий раз, когда я слышал слово «кончить», я думал об оргазме. Я очень испугался. Как раз тогда я пришел к Вам».

Я прервал его. «Хотя Вы сдерживали желание мастурбировать целый год, оно продолжало довлеть над Вами. Если Вы хотите научиться контролировать это, Вам нужно научиться относиться к этому спокойно и быть более терпимым к себе».

Он продолжил свои откровения. «Когда я выходил из под контроля, то начинал неприлично выражаться. Я мог бы писать самые грязные порнорассказы, какие только можно представить». Он хихикнул. «Настоящую порнографию». Потом добавил: «Реакцией была ненависть. Гнев. Это был не я. Я всегда был набожным как святой Франциск». Он цинично улыбнулся. «Специалист по цветам и растениям».

Альберт явно страдал от обсессивно-компульсивного невроза. Полученная во время терапии возможность поверять свои «грязные тайны» другому мужчине сняла напряжение.

Он сказал, вновь впадая в истерику: «Как я могу выбраться из лабиринта, в котором я нахожусь, когда мне кажется, что я и должен быть таким? Мои родители хотят, чтобы я был хорошим мальчиком. Моё тело тянет меня в противоположную сторону. Это кажется неотъемлемым противоречием».

«Действительно, Вы живете в соответствии с этим противоречием», отметил я. «Вы пытаетесь быть хорошим мальчиком и в то же время вы человек, испытывающий тягу к мастурбации». И

добавил: «И Вы пытаетесь отделить себя от собственного пола, словно шизофреник».

Альберт задумчиво сказал: «Я думаю, значительная часть моего поведения была реакцией на наказания, которым меня подвергали лишь за одно то, что я мальчик. Помню, как я думал: «О Боже, может быть, родители любили бы меня больше, если бы я был девочкой?»».

«Почему они любили ли бы Вас больше, если бы Вы были девочкой?»

«Я не знаю». Его интонация выдавала растерянность. «Но вполне определенно, моя мама не знала, что делать со мной потому, что я был мальчиком. Что касается моего отца, то его это вообще вряд ли волновало. Он уделял мне очень мало внимания. По-настоящему он оживлялся только тогда, когда общался с Дэвидом, сыном от первого брака».

Альберт замолчал, а потом вспомнил еще одно обстоятельство из своего детства. «Моя мама заправляла всем в доме. Она всегда командовала моим отцом и мной. 24 часа в сутки. Она полностью доминировала над отцом, также как и надо мной. Сомневаюсь, что хоть какие-то его слова могли бы повлиять на меня».

В его голосе снова зазвучали истерические нотки. «Почему я не могу вспомнить вещи, которые мы с отцом делали вместе? Почему эти воспоминания запрятаны так глубоко в памяти, так далеки?» Он ответил себе сам: «Потому что каждое воспоминание об отце вытеснено мамой. Она надо всем доминировала... все находилось под её контролем».

Он почти перешел на крик: «Почему, по-вашему, я такой беспомощный? Потому что я всё еще в её власти. Каждый день она довлеет надо мной, командует всем».

«Вы абсолютно правы», сказал я.

Он немного успокоился и заговорил уже более спокойно: «Это не моя жизнь. Я живу её жизнью. Серьезно! Каждый день я сталкиваюсь с ситуацией, когда я должен поступить так, как *поступила бы мама*. Когда я ем печенье на кухне, я слежу за тем, чтобы крошки не упали на линолеум. «Крошки привлекают муравьев, Альберт». Раковину в ванной надо протирать после себя, чтобы в ней не осталось волос. «Хорошие мальчики оставляют ванную после себя в таком же виде, в каком она была до них. Ко мне постоянно приходят мысли о том, как *поступила бы мама*». Вот почему Альберт идентифицировал себя с растениями, за которыми ухаживал.

«Я понимаю, что мне предстоит сделать выбор», сказал Альберт. «Я могу предпочесть быть очень милым и поверхностным, общаясь с вами, либо быть предельно честным и использовать это время для своего лечения».

«Верно», ответил я. «Суть терапии в том, чтобы постепенно вспомнить причину страданий. Затем постепенно вернуться к прежнему «Я», от которого боль Вас отделила».

«С тех пор, как я пришел сюда», сердито сказал Альберт, «я чувствую себя как ребенок, более неконтролируемый и эмоциональный. За последние несколько недель я плакал чаще, чем за последние несколько лет».

Я объяснил, что терапия воскрешает скрытые чувства и это вполне нормально.

«Недавно я дошел до точки, когда почти перестал контролировать свои эмоции.... и всё из-за Вас», резко сказал Альберт.

Я не был уверен, что расслышал сарказм в его голосе, потому решил не спрашивать об этом. «Что вы чувствуете, когда плачете?», спросил я.

«Стыд, конечно. Когда я был маленьким мальчиком, я дал себе слово не плакать и сдерживал его». В его голосе сквозила гордость. «Но эти слёзы идут из самой глубины... вызваны настоящей болью, глубокой раной, словно меня оторвали от чего-то, разлучили с чем-то, по чему я очень тоскую».

«Вы всё еще можете вернуться к тому, по чему вы тоскуете».

«Как?»

«Через осознание источника Ваших проблем. А затем через новые отношения».

«Новые отношения?»

«Да, потому что одного понимания недостаточно, чтобы изменить человека».

«Что для этого нужно?» спросил Альберт.

«Новые впечатления меняют человека. Вам еще не приходилось иметь близких отношений с мужчиной, которые не были бы связаны с сексом. Над этим Вам предстоит поработать дальше».

Альберт всегда приходил на сеанс вовремя. Никогда не опаздывал ни на секунду, словно дорожил каждым мгновением. Однажды он сказал мне, уже более твердым, уверенным тоном: «С Вами я добился большого прогресса. У меня как вспышки молний, бывают моменты озарения. Я чувствую, что делаю успехи».

Однажды он рассказал мне о том, о чем не говорил прежде. «На самом деле это моя мама предложила мне пройти терапию. Она видела, что я одинок и несчастен, и подумала, что мне будет полезно поговорить с кем-нибудь. Я не так много зарабатываю в питомнике, поэтому она и папа дают мне деньги».

Я бы удивлен. Она не казалось женщиной, которая могла бы пожелать, чтобы её сын начал копаться в собственной душе. Естественно, она не подозревала о его истинных проблемах.

«Ваши родители проявили понимание», сказала я.

«На самом деле решение приняла мама», добавил он. «Папа просто согласился с ним».

Учитывая, что, как говорится в Голливуде, обед не подают за «спасибо», я спросил: «И как Вы относитесь к тому, что родители оплачивают Ваши занятия?» Меня беспокоило, что щедрость родителей могла повлиять на самооценку Альберта.

«Нормально!» воскликнул он. «Из-за них я оказался в такой ситуации, так пусть они же меня из нее и вытащат».

Это имело смысл, учитывая обстоятельства, в которых находился Альберт. Удовольствовавшись на время его ответом, я сделал в записях пометку с напоминанием следить за признаками возможного родительского вмешательство.

«Я заметил, что в последнее время стал обращать больше внимания на мужчин», сказал мне Альберт. «Я постоянно прокручиваю в голове разные картинки, отчего мне только хуже».

становится. Вчера я ходил на рынок, И мне понравился один парень, примерно моего возраста. Меня одновременно тянуло к нему словно магнитом и в то же время что-то отталкивало меня».

«Я думаю, что причина, по которой Вас влечет к мужчинам, заключается в том, что в Вашем сознании нет подходящего мужского образа, и Вы ищете его вовне».

Альберт кивнул. «Иногда кажется, что в этом влечении больше любопытства, желания узнать, каковы же мужчины!» В его голосе зазвучало отчаяние.

«Но что внутри Вас отталкивало Вас от него?»

«Та часть, которая боится мужчин». В Альберте проявилось противоречивость, столь характерная для заболевания. Даже эротизируя мужчин, он ощущал себя рядом с ними некомфортно.

Затем, словно пытаясь убежать от болезненного противоречия, Альберт вернулся в блаженный мир своего раннего детства. Я решил не мешать этому.

«Я хотел бы забыть все проблемы, связанные с сексом и взрослой жизнью», сказал он. «Я хотел бы вернуться к любви, которая была для меня столь естественна, когда я был младенцем и был рад простому факту своего существования. Позже сложности жизни превратили всё в кошмарный сон».

«А что именно испортило столь счастливое существование?» спросил я.

После некоторого молчания Альберт ответил: «Я думаю, что когда я потерял внутреннее ощущение связи с матерью, появился страх. Когда я перерос маму, не осталось взрослого, с которым я мог бы идентифицировать себя. У меня было ощущение, будто меня оставили в подвешенном состоянии, бросили».

«В некотором отношении, Вы и были брошены. В критический период Вашего развития — во время *фазы гендерной идентификации* — Вы должны были отделиться от своей матери и с помощью Вашего отца развить мужскую идентификацию. Именно Ваш отец олицетворяет требования внешнего мира. Как сказал Фрейд, отец олицетворяет Принцип Реальности. Но Вы никогда не получали от него или какого-либо другого мужчины необходимую поддержку».

Альберт неожиданно снова поменял тему, вернувшись к более приятным воспоминаниям своего детства. «Раньше я много рисовал. Я был хорошим художником. Предметом картин были в основном всякие женские вещи: розы, яркие птицы, балерины в балетных пачках. Не солдаты или машины, а образы красоты. Я никогда не рисовал мужчин. В моём воображении не складывались четкие их образы. Я даже не был уверен, как должен выглядеть мужчина. Когда я пытался нарисовать Святое Семейство, младенец получался нормальным, с нормальным младенческим лицом. Но большего всего времени я уделял Пречистой Деве Марии. Складкам ее одеяния, ее волосам, носу, губам. Я старался создать совершенную, самую прекрасную мадонну. Принимаясь же за Святого Иосифа, я не знал что делать. Я просто не мог нарисовать его лицо. Потом я помню, как в возрасте 11 или 12 лет я пытался нарисовать порнографические картинки, и был очень неудовлетворен ими, потому что не мог изобразить мужчину. Меня раздражало это, потому что мужчины выходили у меня женственными. Я попытался нарисовать порнографическое изображение мужчины, но в итоге он получился похожим на мадонну».

С деланной набожностью я заметил: «Конечно, изображение мадонны было более угодно богу, чем порнография».

«Наверное», рассмеялся Альберт. «Вероятно, поэтому некоторые геи увлекаются разработкой одежды для женщин. Они все еще смотрят на своих матерей, как на мадонну». Он добавил: «Моя мама всегда умудрялась осложнить мое восприятие людей. Можно сказать, что я перестал отличать, что во мне от нее, а что от самого себя. Даже сейчас, разговаривая с клиенткой в питомнике, я воспринимаю ее как... Я чувствую себя как она, таким же, как она. Это похоже на беседу двух женщин. И я не хочу этого. Это напомнило мне о случае, когда, будучи подростком, я пригласил девушку, с которой в то время встречался, в кафе. Внешне это выглядело как встреча парня и его девушки, но внутри я ощущал себя таким же, как она. Фу! Терпеть не могу такое! Когда я вспоминаю об этом, я испытываю отвращение».

Я был рад слышать, как Альберт описывает свой дискомфорт; он постепенно отдалялся от женской самоидентификации.

«Знаете», сказал Альберт, «иногда у меня возникает желание быть собой. Быть мужчиной. Я пытался улучшить свою физическую форму и начал делать силовые упражнения в гараже, где я занимаюсь физкультурой. Вспотев, я раздеваюсь до трусов. И тут в гараж входит мама и говорит: «Здорово! Давай заниматься физкультурой вместе». Я говорю ей: «Но я не хочу, чтобы мы вместе занимались физкультурой». Я стою перед ней потный, в одних шортах и качаю гири, но её это не смущает. Мы с мамой записаны в один и тот же спортивный клуб, и она хочет, чтобы мы ходили туда вместе. Она выросла в семье, которая всегда держалась вместе», сказал он, «поэтому у нее представление, что члены семьи должны всегда быть рядом друг с другом».

«Может быть, Вам стоит объяснить ей, как Вы себя при этом чувствуете», сказал я. «Она никогда не была молодым парнем, поэтому она не может понять, как вы себя ощущаете».

Жалобы Альберта на родителей типичны для мужчин-гомосексуалистов: в детстве он страдал от нехватки общения с отцом и одновременно получал повышенное внимание со стороны матери. Он не мог смириться с отсутствием в своей жизни отцовского влияния и в то же время противился назойливости и вмешательству со стороны матери. Отец никогда не пытался занять свое место, а мать препятствовала тому небольшому влиянию, которое он мог оказать на сына. Я дал Альберту совет: «Объясните своей матери, чего Вы пытаетесь добиться».

Альберт приуныл. «Проблема в том, что я не знаю, как сказать ей». Он казался растерянным. «Мне кажется, она просто не слышит меня. Все разговоры заканчиваются ссорой».

«Это отнимает у Вас энергию», отметил я.

«Да, точно. Никто не умеет высасывать энергию так, как моя мама».

Я повторил: «Никто не умеет высасывать мужскую энергию, так как Ваша мама».

Альберт громко вздохнул, его лицо стало печальным, когда он погрузился в мысли, которых избегал.

Я решил воспользоваться моментом и предложить ассоциацию: «И поэтому Вы боитесь приближаться к женщинам».

«Правда?» спросил он с детской наивностью.

«Да. Потому что Вы не доверяете женщинам. У вас есть платонические отношения с Вашими подругами, но когда Вы сближаетесь с женщиной, Вы боитесь потерять контроль над ней. Вы боитесь, что она лишит Вас Вашей личной свободы, как Ваша мать».

Затем я спросил: «Вы можете поговорить со своей матерью и рассказать ей, как Вы себя чувствуете рядом с ней?»

«Она не понимает меня», сказал он тихо, но твердо. «Если я попытаюсь объяснить ей, что мне необходимо быть более независимым, она почувствует себя ненужной и обиженной».

«Но есть ли что-то, о чем Вы готовы поговорить с ней?»

«О нехватке кое-чего, некоторых нуждах».

«Отлично. В любом случае, это суть гомосексуальной проблемы. Поговорите с ней о Вашем желании развить чувство собственной мужественности».

Альберт продолжил: «Уже в течение двух недель я катаюсь на велосипеде вместе Джеком, парнем, с которым я познакомился в велосипедном клубе. Мы проезжаем десять миль вдоль побережья перед тем, как я иду на работу в оранжерею».

«Отлично. И Вам нравится общаться с ним?»

«Да, я встаю утром. При этом я не чувствую себя так, будто меня надо за ноги вытаскивать из кровати. Мне действительно нравится вставать рано, на самом рассвете, когда воздух на берегу еще прохладный. Мы с Джеком хорошо ладим, и особенно здорово то, что меня не волнует, что он думает обо мне. Но я всё еще немного стесняюсь этих велосипедных прогулок. Меня беспокоит, что кто-то может взглянуть на меня и сказать: «Да этот парень — педик!» Иногда меня беспокоит, что я могу врезаться в камень и слететь с велосипеда. Но когда я разгоняюсь, эта мысль исчезает. Я говорю себе: «Просто наслаждайся тем, что делаешь». И когда я перестаю следить за собой, перестаю думать о том, как я выгляжу, ко мне приходит ощущение силы».

«Вы хорошо продвигаетесь. В Вас горит огонь, и теперь важно не дать ему угаснуть. После того, как вы разожжете большой костер, он может угаснуть, если в него не подкладывать дрова. Огонь — это импульс, побуждающий вас двигаться дальше. Дрова — это новые задачи. Одно из бревен — это задание поговорить с Вашей матерью. Другое — продолжать Ваши велосипедные прогулки. И еще одно — поддерживать ваши отношения с мужчинами-гетеросексуалами. Всё это будет поддерживать огонь».

Спустя несколько месяцев Альберт вошел в мой кабинет и начал оживленно рассказывать. «В прошлый раз, когда мы с Вами встречались, со мной произошло нечто совершенно невероятное». Его голос теперь звучал сильнее. Несмотря на его возбуждение, на этот раз его интонация была лишена истерических ноток. Он больше не избегал моего взгляда и говорил, глядя мне в лицо.

«Во время прошлого занятия я ощущал себя слабым и одиноким. Наверное, я жалел самого себя. Но Вы дали мне взбучку. Вы задели меня за живое и, должен признаться, от этого было больно! Затем, через четыре дня, Стив из нашей группы позвонил мне и тоже устроил мне выволочку».

«Неужели?» Мне было приятно, что Стив осмелился столь решительно вмешаться.

«Он всё втолковывал мне. Он наносил удар за ударом. Он сказал мне: «Тебе уже пора взяться за дело и начать бороться. Он сказал, что мне пора вырасти и перестать ныть. Я был уязвлен и спросил: «Что ты имеешь в виду? Не могу поверить, что я слышу это от тебя, Стив!» Но он не унимался: «Что ты плачешься всем подряд? Ты забыл книгу доктора ван ден Аардвега?»

Перестань относиться к себе так серьезно, черт возьми! Если ты хочешь перестать жалеть себя, то сначала преувеличь эту черту характера, а потом посмейся над нею». Слова Стива ранили меня».

Он вздохнул. «Конечно, после окончания разговора мне было очень тяжело. Казалось, будто меня предали.. Я получил двойной удар. Сначала Вы, затем он. Я думал: «Вот дерьмо!» Потом я начал размышлять. Стив попал в точку. Вы оба. Вы оба говорите одно и то же. И с тех пор всякий раз, когда меня охватывает жалость к себе, я намеренно раздуваю её до нелепых масштабов и смеюсь над собой».

Он продолжал: «Я уже рассказал Вам, что в последнее время искушение предаться длительной мастурбации охватывало меня очень редко. Мне кажется, я действительно начинаю понимать, что кроется за этим».

«Происходят перемены! Это так невероятно, даёт такое ощущение свободы! Впервые в жизни я чувствую себя живым!». Я был рад успехам Альберта.

Затем Альберт рассказал мне о своих посещениях велосипедного клуба. Он сказал: «Сначала я ощущал себя таким ничтожным рядом с этими любителями дальних поездок, но все же решил продолжать. На прошлой неделе я обратил внимание на одну девушку, которая присоединилась к нам во время поездки. Её нельзя назвать красавицей, на лице у неё были прыщи, но в ее характере было что-то, из-за чего меня влекло к ней. Это влечение не было сексуальным. Впервые я не чувствовал себя одной из девушек. Я был самим собой, независимым от стороннего влияния».

Впечатления от встречи с этой девушкой вызвали у него ассоциации с собственным телом, и он продолжил: «Даже сейчас, в этой комнате ничто в моем теле не вызывает робости».

«Почему?» поинтересовался я.

«Например, меня перестала смущать моя жестикауляция». Он помахал правой рукой в воздухе и спросил: «Есть ли в моем движении что-то гейское... женственное? В любом случае, меня не волнует, как вы его охарактеризуете».

«Да», сказал я. «пусть даже вы сорветесь, ну и что? Срывов может быть немало, но это не имеет значения. Важно учиться на своих ошибках и сокращать «время восстановления».

«Что вы имеете в виду под «временем восстановления?»

Я пояснил: «Это время, необходимое, чтобы после регресса вернуться к достигнутому уровню прогресса».

«Да, я как раз нахожусь на подъёме. Я чувствую себя так, будто вырвался на свободу». Он выглядел счастливым. «Даже просто находясь здесь, я знаю, что сейчас являюсь *настоящим* собой».

«Так Вы сейчас и являетесь *настоящим* собой», сказал я. «Естественным, равным остальным мужчинам, способным разговаривать с ними честно, открыто и по душам. Человеком, которому нет необходимости романтизировать других мужчин или завидовать им».

Я думал, что постепенно Альберт *действительно* становился свободнее.

На следующем занятии Альберт поднял важную тему. Едва успев сесть, он сказал мне: «Я

вспомнил, что моя мама всегда была напряженной, нервной, обеспокоенной, особенно моим здоровьем. Она была просто одержима этим беспокойством, частично оттого, что в детстве сама обладала хрупким здоровьем. В детстве у матери бывали острые приступы головной боли. Я думаю, она перенесла на меня ту панику, которую у неё вызывали головные боли. Когда я был маленький, у меня бывали боли в животе, и она всегда ударялась в панику из-за них. Для нее приступ болей в животе у меня был страшнее конца света. Она всегда вливала в меня эль или чай и на целую неделю оставляла дома, не давая ходить в школу. Любой чих вызывал преувеличенное беспокойство. Моя мама никогда не относилась к боли или заболеваниям как к чему-то, что было в порядке вещей, словно некогда наша семья совершила ужасное преступление и была наказана за него болезнью. Я думаю, поэтому для меня были так важны эти прогулки на велосипеде. Мне хотелось разрушить представление о своем теле как о чем-то хрупком. Прежде, когда мне приходилось достигнуть успеха, я никогда не наслаждался им. Он ощущался как хождение на канате, с которого в любой момент можно сорваться. Моя мама всегда напоминала мне, что я могу слететь вниз, и поэтому я никогда не был доволен, счастлив и ничему не радовался».

Безвыходное положение Альберта напомнило мне о важной концепции доктора Альтеи Хорнер о внутренней силе, которую она определяет формулой «Я есть, я могу, я сделаю». Величина этой силы передается родителями. Чувство внутренней силы мальчика неразрывно связано с его ощущением собственного мужского начала. Через свою мужественность мальчик обретает внутреннюю силу. Поэтому, если он не будет ощущать собственную мужественность, он будет чувствовать себя слабым.

Альберт сказал: «Я не только встаю спозаранку, чтобы покататься на велосипеде, сегодня мне захотелось выйти из дома и поиграть в баскетбол. В детстве я никогда не играл в него. Спустя все эти годы я все еще хочу почувствовать тяжесть мяча в своих руках и испытать ощущение, которое возникает, когда загоняешь его в корзину. Меня не волновало, что я могу показаться новичком».

Я заметил: «Нам известно, что подлинная трансформация происходит тогда, когда мы обнаруживаем различные мелкие проявления перемен. Все вместе они указывают на то, что что-то действительно меняется. В Вашей душе действительно что-то происходит».

«Я часто слышу, как говорят, что гомосексуалист не должен меняться», сказал Альберт с раздражением, «что гомосексуалист должен следовать своим чувствам независимо от того, нравятся они ему или нет». Его голос зазвучал гневно. «Но кто они такие, чтобы говорить, что кому-то нельзя меняться? Прежде я никогда не ощущал себя на своем месте. Понемногу я становлюсь другим человеком. Я становлюсь собой».

Курс терапии для Альберта закончился почти три года спустя после того, как он впервые вошел в мой кабинет. Его речь была более уверенной. В голосе больше не прорезались истерические нотки. Он даже поговаривал о том, чтобы выкупить питомник и стать его владельцем. Некоторые матери, такие как мать Альберта, придают слишком большое значение тому, чтобы их сыновья всегда были подле них в ущерб своей мужской индивидуальности. Как сказал Роберт Блай, «Женщины выращивают мальчиков, мужчины выращивают мужчин». Рядом с Альбертом не было человека, который мог бы сделать из него мужчину. Его отец не был достаточно сильным, чтобы нарушить нездоровую близость между матерью и сыном. Альберту пришлось эмоционально адаптироваться к ситуации, в которой отец оказался неспособным найти с ним общий язык. Для этого он в целях самозащиты отстранился от мужчин. Термин «защитное отчуждение», созданный британским психоаналитиком Джоном Боулби, был применен в отношении гомосексуализма психотерапевтом Элизабет Моберли. Он обозначает инфантильную попытку защититься от эмоционального страдания.

Болезненные отношения Альберта с отцом вылились в подобное защитное поведение. Травма (вызванная равнодушием, побоями или враждебностью) вызывает страх, который лежит в основе отчуждения. Когда мы становимся пленниками страха, мы отстраняемся от тех, кто является его причиной. Альберт перенес защитное отчуждение на свои отношения с другими мужчинами. Эмоционально дистанцировавшись от мужчин и мужественности, он стал романтизировать их. Они олицетворяли ту часть его характера, о которой он забыл.

Гомосексуалист никогда позволяет себе отождествить мужественность с самим собой, хотя он влюбляется в мужчин и заводит с ними интимные отношения. Он восхищается ею, романтизирует ее, он может даже внешне взять на себя мужскую роль, но он испытывает внутреннее сопротивление перед принятием собственной мужественности. Защитный механизм отчужденности проявляется и в отношениях с мужчинами в виде повышенной критичности, придирчивости и непостоянстве. Гомосексуалист может любить других мужчин, но к этому чувству примешиваются страх и враждебность. Таким образом, его отношения с мужчинами неизбежно противоречивы.

Только в долговременных отношениях, близких, неконфликтных, открытых и не основанных на сексе, гомосексуалист начинает избавляться от защитной отчужденности, являющейся причиной двойственного отношения к представителям собственного пола. Альберт начал преодолевать свою отчужденность через дружбу со многими мужчинами: мной, коллегами на работе, участниками группы поддержки.

Каждым из нас, и мужчинами, и женщинами, движет тяга к романтической любви. Это один из способов, которым природа обеспечивает выживание человеческой расы. Влечение усиливается нашей подсознательным желанием стать совершенным человеческим существом. В гетеросексуальных парах это сильное желание сводит вместе самодостаточных мужчину и женщину. Но в гомосексуальных парах это желание является проявлением попытки восполнить дефицит исходного пола. Таким образом, двое мужчин не могут принять друг друга безоговорочно и открыто. И дело не только в естественной анатомической несочетаемости, но и в неизбежной психологической неполноценности. Оба партнера вступают в отношения, чтобы восполнить один и тот же дефицит, таким образом символически желая восполнить нехватку собственной половой идентичности.

Через год Альберт сделал мне «контрольный» звонок. После окончания курса он присоединился к группе бывших геев, которая по его словам сильно ему помогает. При поддержке группы он продолжает изучать свои отношения с родителями в прошлом и влияние, которое они оказывают на него в настоящем.

Альберт рассказал мне о своей девушке, Хелене, с которой познакомился в питомнике. «Она любит африканские фиалки», сообщил он мне радостно. К тому моменту они встречались уже шесть месяцев.

Прежде, чем я успел задать вопрос, Альберт сказал: «Да, она знает обо всём». Он описал Хелену, как лучшего друга, который когда-либо был у него в жизни. «Я могу рассказать ей обо всем, что у меня на душе, и она всегда рядом, чтобы поддержать меня». Он сказал, что их отношения являются «чувственными, но еще не стали сексуальными».

Отношения Альберта с Хеленой довольно типичны для мужчины с гомосексуальным прошлым. Такие мужчины, как правило, не скоро переходят к интимной близости с женщиной. Их отношения с женщинами развиваются в три стадии: дружба, затем нежность, затем проявление этой нежности через сексуальность — в отличие от отношения гетеросексуального мужчины к женщине, сначала испытывающего к женщине сексуальное влечение, а затем

узнающего ее ближе.

Многие мужчины, бывшие в прошлом гомосексуалистами, ожидают, что их будет влечь к женщине так же, как гетеросексуалов. Однако, их подход всегда будет отличаться. Бывших геев необходимо убеждать в том, что из-за своего прошлого они могут выбрать другой путь к той же цели: сначала — дружбу, а после — секс.

Относительно своих гомосексуальных желаний Альберт сказал: «Теперь это сильно отличается от того, как было в прошлом. Теперь, ради Хелены, я поставил своей целью вызвать в себе гетеросексуальность, которую мне не удалось развить в себе полностью. Я чувствую свою ответственность перед ней. Теперь это касается не только меня, но и Хелены. И когда старые мысли появляются снова, я спрашиваю себя: «Так-так, что это такое?» Затем я анализирую их и понимаю, что тяга к мужчинам связана с моими собственными переживаниями, такими как: «Я боюсь», «Я устал», и т. д.

Альберт продолжал: «Мне кажется, такое влечение отражение того, что я недополучил в детстве, чего-то, что я заслуживал. И я получаю все больше и больше от посещения группы поддержки. Для меня это замечательный опыт».

Я спросил: «Означает ли это, что ваше влечение к мужчинам не угасло полностью?»

Неожиданно твердым голосом Альберт ответил: «Я считаю, что они могут возвращаться время от времени из-за того, что я испытал острую нехватку любви в детстве. Я полагаю, что моя эволюция будет происходить постепенно. Любовь и поддержка Хелены и общение с ребятами в группе очень важны в этом деле».

Продолжая рассуждать, Альберт, наконец, пришел к пониманию концепции ложной идентификации, виду самоидентификации, лежащему в основе признания себя гомосексуалистом. «Я продолжаю постигать проблемы своего воспитания и их влияние на меня в настоящем. В детстве меня приучили думать, что я — слабый, я — не мачо, я — маленькое ничтожество. В юности эти мысли превратились в вывод: «Ты должно быть гей». Теперь я отвергаю эту ложную идентификацию, которую мне навязали другие, образ, с которым другие люди заставили меня ассоциировать себя. Нет, я — не гей. Теперь, я намерен стать мужчиной, которым хочу быть, а не влюбиться в этого мужчину».

2. Том — женатый мужчина

Томас Уокер вошел в мой кабинет в Энсино. Это был невероятно привлекательный мужчина высокого роста. Кожа его лица была гладкой, загорелой и ухоженной; его глаза были яркого голубого цвета, с которым сочеталась спортивная рубашка нежного пастельного оттенка. На нем были тщательно отутюженные твидовые брюки и начищенные полусапожки из коричневой кожи.

Я протянул ему руку и улыбнулся. Том бегло, словно нехотя, ответил на рукопожатие и рухнул в обитое клетчатой материей кресло, на которое я ему указал.

Устраиваясь удобнее, он окинул взглядом комнату, будто оценивая ее. Затем, удовлетворив свое любопытство, он вынул из кармана пиджака пачку сигарет «Кэмел», наклонился вперед и начал свой рассказ.

«Во-первых, доктор Николоси, позвольте рассказать Вам факты. Мне сорок лет, из них пятнадцать я был женат. У меня двое детей: мальчик десяти лет и девочка семи лет. Я владею

компанией, торгующей спортивными товарами и, скажу откровенно, очень хорошо преуспел за те десять лет, что веду этот бизнес».

Он закурил сигарету, нервно затянулся и положил ее в пепельницу.

«Моя жена Синтия и я расстались несколько месяцев назад. У меня была связь с молодым парнем, работавшим в магазине, Энди. Ему 24 года». Он рассмеялся. «Я мог бы быть его отцом».

«Когда Синтия узнала, она была в ярости. Она сказала: «Я хочу, чтобы ты сегодня же собрал вещи и убрался вон из дома».

«Как давно это было?» спросил я.

«Полгода назад. Я бросил жену и детей, и теперь вынужден жить, мучаясь от одиночества».

После некоторого молчания он добавил: «Док, я действительно не люблю свою жену. Она хорошая мать, но она относится с острой неприязнью ко мне и всем, что со мной связано. Мы такие разные... Я целеустремленный и общительный, она же вся погружена в домашнюю жизнь, заботу о детях. И она контролирует все в доме. Я себя чувствую, как пленник, привязанный к тотемному столбу в доме».

Я кивнул. «А теперь расскажите мне, как она узнала о Ваших отношениях с Энди?»

«Одним субботним вечером я почувствовал, что мне нужно выбраться из дома. Мне было беспокойно — со мной такое часто бывает, поэтому я позвонил Энди и назначил ему встречу в гей-баре, куда мы часто ходили. Синтия остановила меня на выходе и спросила, куда я направляюсь. Впервые, не знаю почему, я просто выпалил ей всю правду. Я сказал ей, что я гей и иду на встречу со своим любовником. Она была потрясена. Она спросила: «За все годы, что мы жили вместе, почему ты ни разу не сказал мне об этом?» Сначала я не знал, что ответить. Потом признался: «Наверное, я думал, что смогу вести две разные жизни. Затем я признался ей, что моим любовником был Энди. Парень был для нас в некотором смысле другом семьи. Мы приглашали его на прошлое Рождество и на День Благодарения, потому что его родителей тогда не было в городе. Узнав, что моим любовником был Энди, Синтия пришла в бешенство. Она сказала: «То есть ты занимался сексом с этим пареньком за моей спиной в то время, как я старалась быть с ним гостеприимной?»

Том замолчал, дотянулся до сигареты, а затем откинулся назад в кресле. Оглядывая комнату и покуривая сигарету, он, казалось, наслаждался мгновением тишины. Потом он заговорил о сути своей проблемы: «Я действительно думал, что буду счастливее, покинув дом. Никаких требований ни от кого.... Я бы отвечал за свои поступки только перед самим собой. Но я чувствую себя бесполезным, пустым с тех пор, как бросил семью».

Он грустно покачал головой: «Секс с мужчиной обрекает на одиночество. Отношения между мужчинами недолговечны. Причиной этого частично является нечестность в такого рода отношениях. Постоянно присутствуют обман и измены. Именно поэтому я боюсь быть геем. Боюсь в итоге остаться в одиночестве, боюсь того, что придется возвращаться в пустой дом».

Следующие его слова прозвучали резко и неожиданно, словно он обвинял себя. «Я не знаю, зачем я пришел сюда, доктор Николоси. Все, что я знаю, — это то, что мне не нравится то, что я сделал со своей жизнью. Я лгал своей жене, лгал своей матери. Последние трое мужчин не задержались в моей жизни надолго. Даже Энди бросил меня. Теперь я остался один, со всем один. Я потерял детей. Теперь мне даже неловко посещать их. У меня нет настоящего дома.

Когда я возвращаюсь домой навестить детей, я начинаю думать: «Рассказала ли жена обо мне, о моей гомосексуальности друзьям?» Я в ужасной депрессии. Я не знаю, куда меня заведет моя новая жизнь».

Снова возникла пауза. Пожав своими широкими плечами, он сказал: «Я так долго жил во лжи, что не знаю, смогу ли излечиться. Может быть, я даже не хочу быть излеченным. Я мечусь туда-сюда, туда-сюда. Иногда я думаю, что на все это просто нет ответа».

«Тогда Вы, наверное, слышали, что я помогаю гомосексуалистам изменить ориентацию?»

Он кивнул. «Я слышал, что Ваш подход отличается от традиционного. Слышал о том, что многие психотерапевты, работающие с геями, не одобряют то, что Вы делаете. Но мне понравилось, что о Вас говорят, поэтому я здесь».

«Хорошо». Я был рад, что он с самого начала понимал, в чем состоит мой подход. «Потому что, если вы хотите, чтобы я помог Вам развестись с женой и устроить свою жизнь с любовником, то я не занимаюсь этим. С другой стороны, если Вы хотите понять, почему Вы стали гомосексуалистом и что Вы можете сделать, чтобы изменить это, мы можем начать прямо сейчас».

Том посмотрел на меня с одобрением и рассмеялся. «Мне нравится Ваш подход. Похоже, Вы не станете даром тратить мое время».

Он сделал глубокую затяжку и опустил сигарету в пепельницу. «С чего я должен начать?»

«Расскажите мне о том, что я должен знать, чтобы помочь Вам».

Через неделю, когда Том снова появился в моем кабинете, он выглядел серьезным и озабоченным чем-то. Машинально поздоровавшись со мной, он продолжил начатый на предыдущей неделе рассказ. По мере того, как он излагал свою историю, мне становилось понятно, что Том несколько отличался от большинства гомосексуальных клиентов, появлявшихся в моем кабинете. Как большинство клиентов, Том испытывал глубокую обиду на отца. Как и остальные, он испытывал внутренний дискомфорт в роли мужчины. Однако, в поведении Тома не было никаких признаков дефицита гендерной идентификации. У него не было проблем с уверенностью в себе в компании с другими мужчинами, и умел оказывать давление, если это нужно было для бизнеса. Обычно, он твердо шёл к намеченной цели. Он казался коммуникабельным и уверенным в себе, но внутри скрывал уязвимость, присущую многим другим гомосексуальным клиентам.

Однако, в личной жизни Том проявлял себя иначе, чем в деловых отношениях. С любимыми он становился пассивным, каковым он был с Синтией, Энди, детьми. Эта податливость была частью поведенческой схемы, установившейся в раннем детстве.

Том рассказал мне о своих проблемах во взаимоотношениях с мужчинами. «Многие замечательные люди тянулись ко мне и пытались подружиться со мной, но, когда они приближались слишком близко, я говорил им: «Назад!» Мне нравится держать их на расстоянии вытянутой руки, нравится, когда они моложе или слабее и я могу контролировать их. Наверное, поэтому мне так хорошо на работе — ведь там я босс», сказал он с ироническим смешком.

«Но потом, не знаю...» продолжал он, «Мне постоянно необходимо ощущение контроля, но что-то выходит из под контроля, когда дело доходит до секса. Понимаете, когда ваши отношения с мужчиной приобретают сексуальный оттенок, вы уже не можете быть просто

друзьями. В такой ситуации отношения неизбежно заканчиваются разрывом». Его голос зазвучал серьезно. «Мне кажется, сеансы психотерапии — единственный случай, когда я смогу быть откровенным с другим мужчиной, не опасаясь, что наше общение приобретет сексуальный характер».

«Вы отлично понимаете ситуацию», сказал я. «Основой репаративной терапии является обучение тому, как строить близкие отношения с мужчинами, исключая секс. Ведь, как и у всех гомосексуалистов, Ваша проблема не только сексуальная. Вам *что-то* нужно от других мужчин. Какие нужды Вы надеетесь удовлетворить с помощью этих отношений?»

Он подумал с минуту, а затем резко ответил. «Я хочу нравиться людям». Он произнес ответ с расстановкой, давая мне понять, насколько важно это для него. «Я испытываю особое воодушевление, когда привлекаю внимание мужчин. Когда я занимаюсь сексом с мужчиной, во мне что-то оживает». Он задумался, подбирая слова. «Сквозь меня словно проходит электрический ток, энергия от заряда мужской силы, который я получаю».

Я решил, что настало время объяснить Тому, что гомосексуальное поведение — проявление репаративного желания удовлетворить три основные эмоциональные потребности, которые не были удовлетворены в отношениях с отцом: потребность в любви, внимании и похвале. Как это часто бывает с экстравертными натурами, Том больше всего нуждался во внимании. «В детстве у меня не было друзей-мальчиков, так сложились обстоятельства. Так получалось, что мальчики моего возраста куда-то переезжали, и в итоге я оставался со своими сестрами. Почему-то мне всегда казалось, что у меня крадут друзей».

Я попросил его рассказать что-нибудь еще о своем детстве.

«Большая часть моего детства для меня сплошное мутное пятно. Я даже не могу вспомнить, каким было отношение родителей ко мне или какими были события моего раннего детства. От него осталась одна пустота».

«Вы можете вспомнить хоть что-то?»

После некоторой паузы он выпалил: «Однажды отец пообещал подарить мне кролика, но так этого и не сделал. Как-то моя сестра обещала взять меня на карнавал, но забыла. В моем детстве было мало радостных событий».

«Что еще?»

Он задумался на мгновение. «Когда мне было десять лет, один мальчик, который был старше, начал водить меня на свои занятия по бейсболу, и мне это было очень приятно. Позже он вовлек меня в сексуальные игры и все такое».

«Это интересно», заметил я.

«Что интересно?»

«Все, что Вы помните из своего детства, связано с предательством».

Том горько рассмеялся. «Наверное, это оттого, что я нахожусь в мрачном настроении после разрыва с Энди». Я почувствовал, что он пытается приуменьшить значимость моей интерпретации, и возразил, что вряд ли он вспомнил такие события именно по этой причине. В действительности, разочарования и предательство в детстве — часто повторяющиеся темы в рассказах моих клиентов. Впоследствии во взрослой жизни их преследует страх оказаться

уязвимыми.

Я спросил: «По мере взросления Вам приходилось чувствовать так, будто Вы вынуждены поступаться своей индивидуальностью? Ваша мать или Ваш отец когда-нибудь каким-то образом давали Вам понять, что вы должны измениться ради них, чтобы получить их любовь или внимание?»

В его глазах мелькнуло удивление. «Я не могу сказать. Я не помню их отношение ко мне или какие-то события из моего детства. Сплошная пустота».

Я не был удивлен. Дети, которыми манипулировали, очень туманно помнят свое детство, потому что их подлинные характеры были подавлены ложными личностями, которые они были вынуждены изображать. Я знал, когда Том станет доверять мне больше, воспоминания начнут возвращаться к нему. Но в данный момент было ясно, что он хочет лишь продолжать говорить, и я не стал возвращаться к этой теме. Чтобы сменить тему, я задал вопрос: «Вы хорошо знакомы с гей-средой?»

«Немного», сказал он. «Я познакомился со всеми ее сторонами, какие были мне доступны, — модные бары, поездки на Кастро-стрит в Сан-Франциско по выходным. Я даже провел неделю на круизном лайнере для геев — Синтии сказал, что отправляюсь в деловую поездку. Мне было любопытно, и я хотел попробовать всё».

«Что же Вы видели? Что Вы извлекли из этого?»

«Ну, мое личное впечатление такого, что большинство геев — очень несчастны. В гетеросексуальном мире между людьми больше связующих звеньев, которые заставляют их хранить верность друг другу. В мире геев больше возможностей для общения и сексуальных знакомств. И геев не имеют поддержки в виде социального института брака».

Я спросил: «Вы видите какие-либо внутренние проблемы во взаимоотношениях между мужчинами? Или поддерживать моногамную гомосексуальную связь тяжело из-за негативного отношения общества?»

Я хотел, чтобы Том уловил различие. Репаративная терапия не принесет пользы человеку, считающему, что распад гомосексуальных пар объясняется общественным предубеждением. Он должен быть движим глубокой личной неудовлетворенностью в гомосексуальной жизни.

«В гомосексуальных отношениях есть внутренние трудности», признался Том. «Причиной их является не только мнение общества». Он заключил: «Это связано с мужской натурой».

Том продолжал делиться мыслями, которые могли прийти в голову только человеку, ведущему двойную жизнь. «Мужчины с неохотой жертвуют чем-то, не так охотно и непринужденно, как женщины. Уступая главенство, женщины чувствуют себя комфортно. Часто они думают в первую очередь о своем мужчине и лишь после о себе. Они не так озабочены своим эго. Мужчины боятся близких отношений».

«Как по-Вашему, отношения между двумя мужчинами могут быть такими же глубокими, как отношения между мужчиной и женщиной?», спросил я.

Он сразу уловил основное различие. «Я так не думаю, потому что женщины привносят в отношения недостающие элементы. Они уравнивают те качества, которые привносят мужчины».

Я заметил, что ему легко сравнивать, так как он испробовал оба варианта. Затем я спросил: «Вы можете описать, чем секс между двумя мужчинами отличается от секса между мужчиной и женщиной?».

«Сексуальные отношения между мужчинами...», он долго подбирал слово: «...более *сексуальные*. Наверное, это звучит странно, но секс с женщиной умиротвореннее, сдержаннее. В сексе с женщиной больше дикого, животного удовольствия, в то время как с женщиной секс — более эмоционален, больше связан с духовными переживаниями».

«И что происходит после?»

«Исходя из своего опыта, могу сказать, что сексуальный аспект отношений недолговечен. В большинстве случаев такие отношения быстро выгорают».

«Это согласуется со многими исследованиями гомосексуальных взаимоотношений», сказал я, а затем спросил: «Сколько сексуальных связей с мужчинами у Вас было?»

«Я постоянно думал о сексе с мужчинами в молодости. Всё началось с того, что мой старший брат занялся со мной сексом, когда мне было восемь лет. Потом в течение года у меня то и дело был секс с соседским мальчиком. После этого было двое парней в старших классах, затем парочка в колледже. Потом я влюбился в Синтию и был верен ей в течение пяти лет, пока не родилась наша дочь. Вскоре после этого в моей жизни появился Энди».

Примечательно, что Том хранил верность жене до рождения первого ребенка. Случаи, когда проблема гомосексуального поведения мужа начинает проявлять себя в период первой беременности жены, характерны для мужчины с гомосексуальным прошлым.. Таким образом проявляется его стремление бежать от ответственности, в данном случае от бремени будущего отцовства. Мужчина, борющийся с гомосексуальными наклонностями, теряет, столкнувшись с необходимостью принять на себя роль мужа и отца. Эти чувства являются проявлением общей склонности уклоняться от ответственности, что является частой проблемой для мужчин с гомосексуальными наклонностями.

Преобладание такого типа поведения является убедительным доказательством того, что гомосексуальное отклонение — проблема, связанная не столько с сексуальной ориентацией, сколько с эмоциональной незрелостью. Иногда необходимо стимулировать способность клиента вступать в зрелые отношения и заботиться о партнере.

То, что Том сказал дальше, подтвердило мое предположение. «На протяжении всего времени, что длились мои отношения с Энди, я встречался с другими мужчинами. Иногда, особенно, когда мы с Энди плохо ладили, секс превращался в одержимость».

«Почему же Вы вступали в сексуальные контакты с незнакомцами, хотя при этом встречались с Энди?»

Он пожал плечами. «Не знаю», ответил он с грустью. «Так же как я не знаю, зачем я занимался сексом с Энди, будучи женатым на Синтии».

Он задумался на мгновение и продолжил: «Дома я не ощущаю себя значимым. Со своими же любовниками я чувствую, что обладаю некоторым контролем. Мне почему-то некомфортно с Синтией».

«Но знаете», вдруг заметил он, «несмотря ни на что, я все еще полагаюсь на Синтию. После того, как она меня выгнала, мы с Энди сняли квартиру. Потом Энди съехал — он не мог

переносить мои перепады настроения. Я был в такой депрессии, что позвонил Синтии, чтобы поплакаться ей в жилетку».

«Минутку», прервал его я. «После того, как Энди оставил Вас, вы рассчитывали на поддержку Синтии?»

Он кивнул, словно маленький мальчик.

«Вам это не кажется несколько... нелогичным?», спросил я. «У Вас интрижка с молодым парнем с работы, другом семьи, у жены за спиной. Он бросает Вас, и Вы ждете, что жена Вас утешит?»

«Я не знал, что делать, к кому обратиться», объяснил он. «В тот момент я, наверное, был слишком растерян и переживал глубокий кризис». Он задумался. «Теперь, когда Вы обратили на это внимание.... Не могу поверить, что я мог быть столь жестоким с ней. Ведь я действительно люблю ее. По этой причине я сохранял брак с ней. Мы были хорошими друзьями в течение восемнадцати лет».

Мне был очевиден нарциссизм Тома, но оставалась возможность иной интерпретации. «Вам никогда не казалось, что Ваша бесчувственность граничит с враждебностью?»

Он озадаченно взглянул на меня. Он довольно долго молчал прежде, чем признать: «Оглядываясь назад, я вижу, что это очевидно».

«Как Вы думаете, почему вы обидели ее? Из-за того, что были полностью захвачены собственным страданием?»

»Ну, как я уже сказал, с Синтией я перестаю быть самим собой. Когда я вхожу в ее дом, я становлюсь никем. Это *ее* дом, *ее* хозяйство. Поэтому, да, может быть, я хотел заставить ее чувствовать то же, что я чувствовал из-за Энди».

В ответе Тома я слышал жалобу, которую повторяли многие из моих женатых гомосексуальных клиентов: их удручало ощущение того, что главенство в семье перешло к жене, и это вызывало у них неизбежную неприязнь к своим супругам.

Он замолчал, я тоже ничего не говорил. Затем Том сказал с гордостью: «У меня все было хорошо до появления в моей жизни Энди. То есть до тех пор, пока он не обставил меня, взял у меня все, что мог, выставил меня старым дураком».

Я понял, что именно эта острая боль натолкнула Тома на мысль пройти лечение. Ему стало труднее жить на два фронта. Полученная душевная травма заставила его задуматься о своей жизни.

Мне хотелось вернуться к тому, о чем Том говорил ранее. «Расскажите мне о том, как Вы чувствуете себя дома с Синтией».

«Я никогда не чувствовал ее одобрения», сказал он. «И я всегда ощущаю какое-то беспокойство, когда нахожусь дома. Мне хочется вырваться оттуда. Сделать что-то сумасшедшее. Пережить какое-то приключение».

«Почему?», продолжал он, «вся свою жизнь я не могу найти себе места? Почему я такой беспокойный и нервный? Почему всё так быстро надоедает мне?»

Я постоянно слышу эту жалобу от гомосексуалистов. Они чувствуют, что не контролируют свою жизнь, что никто не понимает их, что они являются пленниками обманчивой личины вечно услужливого, податливого человека. Они пытаются освободиться от этой маски, дав волю своим сексуальным желаниям. Среди причин, провоцирующих гомосексуальное поведение, называют такие настроения, как скука, нервозность и депрессия. Когда отношения заканчиваются, они возвращаются к тому, что психиатр Гарри Гершман называет «состоянием спячки».

Защитники гомосексуалистов утверждают, что причина неудовлетворенности этих людей кроется в том, что они вынуждены создавать неестественные для них гетеросексуальные семьи. Но я убежден в том, что данная проблема объясняется не только необходимостью соответствовать общим нормам. Не только женатые гомосексуалисты испытывают резкие перепады настроения. Я наблюдал схожее поведение у гомосексуальных пар: беспомощность и неудовлетворенность в сочетании с гомоэротической эйфорией.

Настроение Тома неожиданно изменилось, и он резко выпалил: «Я так долго жил во лжи, что я уже не знаю, могу ли я измениться. Это кажется замкнутым кругом. Иногда я даже подумывал о самоубийстве, когда доходил до крайнего отчаяния».

Сказав это, он замолчал, а затем, пожав плечами, заметил: «Может быть, бог создал меня таким. Если я гей, то бог создал меня геем. Но почему же тогда ему нужно было, чтобы у меня были хорошая жена и хорошие дети?»

В его словах я почувствовал не только подлинное отчаяние, но и нотки искусственного драматизма. Я решил не говорить ему об этом, чтобы он не счел, будто я не понимаю его истинных чувств. Я знал, что фраза «Я был рожден геем» равнозначна высказыванию «Я не хочу вытаскивать наружу воспоминания из детства о том, что сделало меня гомосексуалистом».

«Нет гена гомосексуальности», сказал я, «Это лишь вопрос самоидентификации».

Однажды несколько месяцев спустя Том бодрым шагом вошел в мой кабинет и плюхнулся на стул. Он был в хорошем настроении, и, казалось, ему было приятно быть рядом со мной.

«Несколько лет назад я посещал консультацию у психотерапевта-гея. Я боролся со своей гомосексуальностью, хотел разделаться со своим браком, изменить представление о самом себе. Мы с Синтией плохо ладили. Пару раз я переезжал, чтобы жить отдельно. Я хотел порвать с ней. Мне было скучно. Единственное, что меня удержало, — любовь к моим детям. У меня были периоды совершенно дикого загула, и Энди сводил меня с ума. Хотя психолог не подталкивал меня к такому образу жизни, он и не пытался отговорить меня. В основном, он молчал и очень редко что-то комментировал», Том улыбнулся мне, «в отличие от Вас. Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы он давал больше советов. Например, «Эй, давай приведем твою жизнь в порядок, давай начнем делать всё правильно и перестанем заниматься ерундой».

«Как закончились эти сеансы?»

«Неожиданно, в день, когда моей дочери исполнилось шесть лет, а я и Синтия жили отдельно. Я был расстроен и испуган тем, что теряю свою семью, хотя мой психотерапевт говорил мне: «Ты не теряешь свою семью. Если ты будешь жить со своим возлюбленным, ты сможешь навещать детей». А я всё думал: «Но как же? Я не могу быть рядом со своими детьми, когда они просыпаются посреди ночи, плачут и зовут своего папу».

«Вы действительно *теряли* свою семью».

«Мне говорили, что важно, *как* вы проводите время со своими детьми», продолжал Том, «а я отвечал: «Эй, важно также и то, *сколько* времени вы проводите с ними. В день рождения своей дочери я пришел к этому психологу и сказал ему: «Знаешь, ты не можешь понять ситуацию, в которой я нахожусь. Я женатый человек. У меня связь с другим мужчиной, а моей дочери сегодня исполняется шесть. Ты понимаешь, что это означает? Ты можешь понять, что творится у меня в душе?» Я сказал ему, что больше не могу быть геем, если должен платить за это такой ценой».

«Вам казалось, что между Вами не взаимопонимания?»

«Да, мне кажется, он не знал, что делать со мной. Он не понимал меня».

В этот момент Том выпрямился в кресле, посмотрел мне в глаза и сказал: «Мне нужно найти лучший способ разрешить эту ситуацию. Вероятно, я всегда буду испытывать гомосексуальные влечения — Вы предупредили меня об этом. Но я понял, что у меня есть выбор, что все зависит от моей собственной силы воли. Я всё еще был бы не против заняться сексом с мужчиной, но цена слишком высока. Мой брак и мои дети очень важны для меня».

Наконец-то Том брал на себя обязательство преодолеть свою тягу к мужчинам. Я знал, что сторонники Движения за Права Геев отнеслись бы с презрением к подобному решению. Они бы сказали, что подобный поступок неискренен, лицемерен и т. д. Я же проникся глубоким уважением к Тому Джеймсу: он выбрал тяжелый путь, но я верил, что этот путь верен.

Том приходил два раза в неделю, никогда не пропуская сеансы. Несмотря на перегруженность лос-анджелесских дорог по пятничным вечерам, он умудрялся появляться точно вовремя. Обычно, он всегда был словоохотлив, но однажды он вошел в кабинет с безутешным видом и вяло опустился в кресло.

«Мне нужно что-то делать с моей жизнью. Я меня всё еще нет настоящего дома, и я живу в дешевом отеле. Мне одиноко и очень грустно».

Тому определенно надо было дать четкое направление. Я спросил: " У Вас когда-нибудь были близкие друзья среди мужчин?»

«Думаю, что есть», ответил он. Но, начав перечислять их, Том пришел к заключению, что хотя у него было много хороших знакомых, среди них не было настоящих друзей. Хотя он был общительным, дружелюбным, открытым и остроумным человеком, никто не знал его по-настоящему. Он использовал свою коммуникабельность как прикрытие.

Я сказал: «У Вас никогда не было бы надежных, доверительных отношений с человеком, рядом с которым Вы могли быть самим собой. Вместо этого Вы строили свои отношения вокруг секса, из-за чего они оказывались кратковременными и поверхностными».

«Я верил, что Энди был моим другом», продолжил он. «Но, размышляя об этом теперь, я понимаю, что это было иллюзией. В наших отношениях не было равновесия. Я был его начальником, был намного старше его... Я мог быть его отцом. Но чем больше я думаю об этом, тем сильнее убеждаюсь, что извлекал из этого выгоду». Том замолчал на мгновение, а затем добавил со вздохом: «Думаю, мы оба использовали друг друга. Знаете, что я думаю, Джо? Я много размышлял. Я использовал гомосексуализм как отговорку, возможность увильнуть».

«Что Вы имеете в виду?»

«Когда я перестаю думать о себе, как о гее, я вижу свою жизнь, самого себя в истинном свете.

И прикрывался этой проблемой, чтобы не взрослеть».

Я ждал, что он скажет дальше. «Ух! Мне не нужно думать об ответственности! Не нужно думать о своей семье, о других! Я гей!» В его голосе звучала едкая самоирония.

В ходе лечения многие мужчины обнаруживают, что, признав себя «геями», они находят правдоподобное оправдание тому, что уклоняются от обязательств, которые на них налагает взрослая жизнь. Для многих мужчин такая идентификация служит защитой от переживаний, связанных с близкими отношениями с женщинами и других трудностей взрослой жизни. Том использовал ярлык «гей», чтобы освободиться от тягостного бремени ответственности.

Том сказал: «Я всегда напускал на себя вид безрассудной храбрости. Но теперь я понимаю, что никогда не был по-настоящему смелым или способным открыто принять то, от чего я бежал».

Я молчал, желая, чтобы он продолжил.

«Меня охватывает депрессия и беспокойство. Я вижу, что лишь притворялся настоящим мужчиной. Я не верю, что смогу быть им, если продолжу жить такой жизнью. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь остепениться и смириться со своими семейными обязанностями».

Затем последовала долгая пауза. Наконец, он задумчиво промолвил: «Интересно, хочу ли я быть мужчиной, учитывая всё то, что это потребует от меня».

В его голосе зазвучала нотка грусти, когда он сказал: «Нет зрелища печальнее, чем старый педик».

Мне показалось, что Том начинает немного драматизировать, и решил снова заговорить об ответственности. «Вы много раз говорили о том, что чувствуете себя чужим в собственном доме, что это «дом Синтии»... Вы жаловались, что ощущаете себя аутсайдером, что Вы чувствуете уважение людей только на работе. Что не так в Вашем доме, что Вы не ощущаете себя там сильным, не обладаете авторитетом?»

«Я не знаю», признался Том, пожав плечами, «но, думаю, мне нужно обсудить это с Вами. Синтия позвонила мне и спросила, не хочу ли я попробовать вернуться».

«Что Вы ответили?»

«Ну, должен признаться, что я был рад слышать ее голос. Я действительно хотел бы, чтобы у нас всё наладилось. Я сказал ей, что попробую».

«Хорошо».

«Она хотела поговорить с Вами, чтобы обсудить, что можно сделать для сохранения нашего брака».

Я поговорил с Синтией по телефону тем же вечером, и она действительно сказала, что хочет встретиться со мной «ради Тома», хотя я не сомневался, что у нее были для этого и свои причины. Я как раз собирался отправиться в летний отпуск, поэтому мы перенесли встречу на сентябрь.

Наслушавшись жалоб Тома о том, как скучна и утомительна его семейная жизнь, я был удивлен тому, что Синтия оказалась очаровательной, дружелюбной, хорошо одетой блондинкой. Но затем, вспомнив, какое значение Том придавал внешности, я подумал, что мне

стоило ожидать того, что его жена будет чрезвычайно привлекательной.

Хотя мы с Синтией никогда прежде не встречались, мы сердечно поприветствовали друг друга, словно были старыми друзьями. Несомненно, тому, что между нами так быстро установился дружеский контакт, способствовало то, что мы близко знали одного и того же человека. Кроме того, она видела во мне союзника. Я не был безучастным психотерапевтом. Я был сторонником сохранения их брака и сдерживания гомосексуальности Тома. Некоторые психотерапевты говорят клиентам, что жена должна научиться принимать гомосексуальные связи мужа. Они обосновывают свой абсурдный совет тем, что «жена должна уважать истинную, бисексуальную натуру мужа». Я никогда не верил в существование бисексуальности. Для меня, так называемый бисексуал — это человек, не решивший до конца свои гомосексуальные проблемы.

Синтия сразу же принялась уверять меня, что пришла, чтобы помочь Тому. Я побудил ее рассказать о себе и своем детстве. Ей было о чем рассказать. Ее отец был алкоголиком, её мать была чудаковатой и ранимой женщиной. Мне было понятно, почему Синтию привлекла энергичность и уверенность, которую излучал Том.

Синтия рассказала о том вечере, когда она узнала об ориентации Тома. «Он просто взорвался и разом выложил мне всё о своей тайной жизни. Это было самое ужасное, что когда-либо случалось в моей жизни», призналась она. Её голос дрогнул, когда она добавила: «Сначала я не могла поверить в это».

Я спросил: «Как Вы отреагировали на его признание?»

«Я рассердилась... Это был способ подавить собственный ужас. То есть я хочу сказать, что не смогла полностью осознать смысл услышанного. Я попросила его уйти немедленно. Мне было так противно, что я не могу взглянуть ему в лицо. Потом мне стало грустно за него, за себя, за детей».

«У Вас когда-нибудь было подозрение, что у него проблема с этим?»

«Я очень смутно подозревала об этом», ответила она. «До того, как мы поженились, Том сказал мне, что у него был гомосексуальный опыт. Наверное, я просто не знала, что думать об этом. В течение всех этих лет он бывало уходил из дома по вечерам и возвращался поздно ночью. Иногда эта мысль приходила мне в голову, но я всегда отгоняла её».

«Вам теперь неприятен Том из-за того, что он сделал с Вами, с вашей семьей?»

«Том — хороший человек, и я очень его люблю. Но если Том чего-то хочет, он всегда это получает. Он — очень эгоцентричен». Она добавила со смешком. «У меня часто было чувство будто в семье три ребенка, а не два. Как и ребенок, Том всегда хотел, чтобы ему уделяли много внимания. Он может быть очень щедрым к другим людям, но при этом он непременно должен быть в центре внимания. Например, я знаю, что он любит детей, но иногда кажется, что он любит их за ту любовь, которую они могут дать ему. Он может сказать им: «Эй, в чем дело? Почему вы не подойдете и не поцелуете папу?» Если они чем-то заняты и не обращают на него внимания, он сразу обижается».

Описание, данное Синтией, было мне знакомо; я слышал такие же истории от жён мужчин, похожих на Тома. Такие люди часто женятся и успешно ведут бисексуальный образ жизни. Они проявляют склонность к эксгибиционизму и нарциссизму и иногда, по крайней мере, внешне обладают завышенным самомнением. Он намерен обладать сразу всем, т. е. сохранить брак и семью и при этом иметь гомосексуальные связи. Он довольно сильно отличается от обычных клиентов, которые, как правило, страдают от комплекса неполноценности,

неуверенности и ощущения беспомощности.

Я спросил Синтию: «Вы полагаете, у вас есть какие-то шансы?»

«Я очень люблю Тома», сказала она. «Вы нравитесь ему, и я надеюсь, что он сможет разобраться со своей проблемой».

«Вы думаете, что сможете простить его за все случившееся?»

«Всю свою жизнь я была вынуждена идти на компромиссы», ответила она. «Мне кажется, если мы будем двигаться в этом направлении, мы сможем быть счастливы. Он действительно начал проводить больше времени с семьей после того, как мы снова стали жить вместе. Но я всегда буду сомневаться в нем, если он задержится где-нибудь вечером...»

Она добавила, проявив присущую женщинам чувствительность: «Я знаю, когда между мной и Томом существует контакт. Я ощущаю разницу. Когда Том отдаляется от меня, это начинает меня беспокоить».

«Вы ощущаете разницу?»

«Конечно. Все эти годы, что длилась связь Тома с Энди, я чувствовала, что его энергия уходит куда-то, куда-то за пределы семьи».

Интуитивно Синтия попала в самую точку: многие мужья-гомосексуалисты признавались, что, когда у них появлялись любовники, они начинали избегать своих жён и общения с семьей. Как сказал один женатый человек: «Чувство вины становится препятствием. Когда я возвращался домой, выпустив пар, я начинал сторониться членов своей семьи. Долгое время после этого я считал себя недостойным того, чтобы принимать участие в делах своей жены или детей».

Отношение Синтии к произошедшему было сходно с отношением большинства жен, с которыми я работал. Многие месяцы жена будет чувствовать себя преданной, раненой в самое сердце и рассерженной, но в итоге она предпочтет сохранить брак. При этом важнее всего — чтобы муж проявлял честность и искренность. Часто жена готова принять всё что угодно, при условии, что муж честен с ней. Муж, который сможет объяснить, какие неудовлетворенные эмоциональные потребности скрывались за его гомосексуальным поведением, обретет в лице жены сильного союзника. Жены часто демонстрируют удивительное сочувствие, если ей предоставят возможность понять *причины* такого поведения.

Учитывая, сколько лжи было часто сказано многими из таких мужей, меня всегда удивляла гибкость и уступчивость жён, желавших сохранить брак. Любящая жена пройдет через огонь и воду вместе со своим мужем, если она чувствует, что её любят и уважают как равного партнера.

При оказании психотерапевтической поддержки женатым мужчинам с гомосексуальным прошлым, таким как Том, возникают специфические трудности. Таким мужчинам предстоит задача не только перебороть свои гомосексуальные наклонности, но также научиться ладить со своими женами. Такие мужчины ссылаются на множество причин, по которым они избегают своих супругов: «Она располнела», «Она — придирчива», «Она — злая», «фурия», «равнодушная», «непонимающая». Естественно, что у жены, которая чувствует пренебрежение мужа, есть свои защитные реакции, и она может на самом деле быть виновата во всем, в чем ее обвиняют. Может быть много причин, по которым муж избегает близости с женой, не последним из них является чувство вины. Но при проведении терапии необходимо уделить внимание этим барьерам между мужем и женой.

На нашем следующем занятии Том заговорил о том, что его беспокоит давняя его проблема, связанная с тем, что, находясь дома, он не может найти себе места и чувствует себя отчужденным от семьи. Он часто напускал на себя вялый или отстраненный вид, хотя на самом деле испытывал скуку, изолированность и обиду. Мои гомосексуальные клиенты часто упоминают скуку; я считаю, что это чувство является частью гомосексуального отклонения.

Я спросил: «А Вы можете объяснить, почему Вам скучно в Вашем собственном доме?»

«Я не знаю», ответил он, «посреди какого-то общего с семьей занятия я вдруг теряю интерес и хочу сбежать от них».

Я объяснил: «Скука возникает в ситуации, когда Вы не можете выразить себя».

Том выглядел удивленным. Я продолжал: «Многие люди считают, что скука результат того, что они ничего не делают или ничего не происходит. На самом деле внутри всегда *что-то* происходит, надо лишь признать это. Когда Вы почувствуете скуку в следующий раз, спросите себя: «Как бы мне хотелось выразить свои чувства сейчас? Что именно я не позволяю себе сказать или сделать?» Я думаю, Вы чувствуете себя ограниченным в действиях и беспомощным, а это состояние скрывает в себе элемент злости. Постарайтесь нащупать истинные чувства, которые прячутся под ощущением скуки. Если Вы подойдете к этому со всей честностью, то я уверен, Вам больше не придется испытывать скуку».

В последующие недели Том и Синтия значительно продвинулись в своей работе по достижению взаимной честности и равенства в своих отношениях. Если раньше оба они ощущали себя жертвами своего союза, то теперь были более уверены в своем браке. Важной частью лечения было заставить Тома пойти на контакт со своей женой и произвести переоценку ее роли в своей жизни. Многие годы он был настолько поглощен своими собственными проблемами, что в его мыслях просто не было места для нее. Теперь вместо того, чтобы отстраняться от нее, он делал попытки проанализировать свои чувства и выразить их. Этот процесс неизбежно должен был связать его с Синтией.

«Как же сильно я хочу решить нашу с ней проблему!» сказал он. «Полностью отрезать себя от гомосексуального образа жизни и общаться только с натуралами. Теперь я хотел бы иметь настоящего друга, а не любовника. Может быть, женатого парня с семьей. Мне нужны такого рода знакомства, если я собираюсь вести жизнь семьянина».

К этому моменту Том стал лучше разбираться в себе, своих приоритетах и начал верить в то, что способен жить в моногамном браке.

Он сказал мне: «Самое важное — это удержать мою семью вместе. Мои дети нуждаются в отце. Моей жене нужен муж. А мне нужна семья». Он пришел к выводу, что все его измены были бессмысленны и несущественны.

«Раньше мне было неприятно, что Синтия пытается регулировать мою жизнь, но, обдумав это, я понял, что не оставил ей другого выбора», сказал он. «Я пренебрегал своими семейными обязанностями».

«Верно», ответил я. «Дома Вы приняли на себя роль пассивного уклониста. Вы ощущали себя пойманным в ловушку семейных обязанностей и проявляли свое неприятие этой ситуации пассивным отказом участвовать в семейной жизни. Вы создали вакуум, который кто-то должен был заполнить. И, конечно, Синтия принялась за это. Затем вы обвинили её — несправедливо — в навязчивом контроле».

«Синтия стала меняться к лучшему», сказал мне Том. «Иногда она начинает жаловаться о домашних делах и детях и никак не может остановиться. Тогда я прерываю её и говорю о том, как это влияет на меня. Тут она спохватывается и отступает. Теперь она очень чутко подстраивается под моё настроение. Наши теперешние споры не идут ни в какое сравнение с прошлыми перебранками». Он добавил: «Потому что есть что-то такое, что удерживает нас от ссор».

«Что именно?» поинтересовался я.

Том подумал немного и ответил: «Я сам. Теперь я чувствую себя более цельным, более привязанным к своему месту в семье. Раньше у меня всегда было желание исчезнуть оттуда, скрыться, сбежать куда-то еще. Теперь такое настроение находит на меня нечасто. И когда оно появляется, я знаю, с чем оно связано».

«И с чем же?»

«С тем, что я не позволяю себе быть частью семьи». Том говорил медленно, тщательно обдумывая каждое слово. «С тем, что я не бываю честен с самим собой. С тем, что я отрезаю себя от людей, которые важнее всего для меня. Я так долго чувствовал себя изолированным от Синтии, словно она была далеко от меня».

«Просто избегали её», вставил я.

«Да. Я забивался в собственную раковину и отключал связь с остальными». Возникла долгая пауза. «Но потом», сказал он, «всегда бывали эти крошечные мгновения, когда я ощущал себя счастливым, замечал что-то прекрасное вокруг себя: что-то в своих детях или в поведении Синтии — и тогда я неожиданно понимал, насколько тонка моя раковина. Один из таких моментов произошел, когда мы с Синтией занимались любовью и после этого она начала плакать. Сначала я испугался, что сделал что-то не так. Её слёзы встревожили меня. Но она сказала: «Просто обними меня». Я понял, что все в порядке. Потом она сказала: «Когда мне бывает вот так хорошо с тобой, ты раскрываешь моё сердце, и вся моя душа распаивается для тебя. Я действительно хочу полностью принадлежать тебе, быть полностью открытой тебе. Но когда ты отдаляешься, когда ты не с нами, тогда вся семья держится на мне, и мне приходится быть сильной. Мне нужно двигать семью дальше, заставлять себя быть крепкой, жёсткой, чтобы вести бизнес и разбираться с делами. Но на самом деле я не хочу брать на себя мужскую роль или вырабатывать в себе эти мужские качества».

«В минуты такой близости», продолжал Том, «когда правда нашей жизни проступает наружу, я раскрываюсь ей, и она становится мягкой и женственной».

Он вздохнул: «Она раскрылась мне, и от этого мне было хорошо, но в то же время это пугало, потому что так она становится еще уязвимей. Поэтому я должен работать над собой, чтобы никогда больше не ранить ее». Он угрюмо поглядел на меня. «Это тяжелая обязанность».

«Недавно», продолжал он, «мы были на кухне, и она спросила: «Если ты снова сорвешься, ты скажешь мне? Я подумал с минуту и сказал «Да». Я хотел сказать: «Этого никогда не случится», но мужчина не может говорить «никогда». Но я работаю над тем, чтобы больше никогда не сорваться, и мог честно обещать ей, что признаюсь, если что-то произойдет. Всё, что я делаю сейчас, движет меня вперед. Я больше не испытываю прежнего отчаяния, безнадежности. Я знаю, что прячется за минутными срывами. Когда я не справляюсь, я знаю, почему не справляюсь, и знаю, что нужно делать, чтобы вернуться в прежнее русло. Понимая действие скрытых процессов, осознавая свои истинные нужды, я вижу, что причина не в самом

влечении к мужчинам, а в том, чего не достает во мне самом и что придает такую силу моей тяге к мужчинам. Дело не в каком-то красивом парне, что мне приглянулся, а во мне самом. Иногда я начинаю говорить себе (он придал голосу мелодраматический женственный оттенок) «Ох, я не могу противостоять искушению. Я родился таким!...» Но на самом деле это хитрость с моей стороны... *отказ* пройти через все необходимые мыслительные процессы, отказ вспомнить правду о самом себе. Я *позволяю* фантазиям завладеть мной». Теперь, когда Том знал правду о себе, он мог лишь притвориться, что забыл её.

Терапевтический курс Тома разбивался на три аспекта: анализ нереализованных эмоциональных потребностей, скрывавшихся за его гомосексуальным поведением; развитие отношений с мужчинами, несвязанных с сексом; прорыв сквозь эмоциональное отчуждение от Синтии. По просьбе Синтии Том попросил своего бывшего любовника Энди уйти из магазина и помог ему найти другую работу. Том был твердо намерен оставить Энди в прошлом и построить совместное будущее с Синтией и своими детьми.

В конце третьего года терапии мы заговорили с Томом о её завершении.

«Ну, что Вы скажете, док?» спросил он. «Я заслуживаю диплом об окончании?»

«Думаю, да».

«Я очень надеюсь, что не попадусь больше в старые ловушки, из-за которых пришел к Вам».

Я сказал ему: «Вы уже дали слово быть честным. Сейчас Вы честны перед собой так, как никогда не были в Вашей жизни прежде. Вы можете сорваться, у Вас может быть рецидив, но я не волнуюсь за Вас, потому что Вы сделали свои выводы. Вы обладаете пониманием ситуации. Главное, будьте честны перед собой и перед Синтией».

Том кивнул с серьезным видом.

«Сделанные Вами выводы уже не могут быть забыты», сказал я, «Вы утратили возможность вернуться назад, начиная с того момента, когда вошли сюда».

Том медленно произнес глухим голосом: «Мне было приятно время, проведенное с Вами, Джо. Вы дали мне много важного. Я буду скучать по нашим разговорам, по Вам».

Я осознал, что расставание вызывает у Тома противоречивые чувства. Когда наше последнее занятие подходило к концу, я сказал ему: «В любое время, если Вам будет нужно, Вы можете вернуться — пусть даже ради одного единственного сеанса».

«Спасибо», сказал он, поднявшись и крепко пожав мне руку. «Я буду скучать по Вам, по парням из группы». В его голосе прозвучала напускная веселость, но, подойдя к двери, он оглянулся с грустным видом.

Спустя два года после окончания курса терапии Том узнал, что является носителем ВИЧ. Я поддерживал связь с Томом и Синтией, в течение последующих трех лет, время от времени получая от них звонки. Иногда мы обсуждали с ними различные проблемы: трудности в их общении, вопросы, связанные с воспитанием детей, особенно часто мы обсуждали их сына Шона, вступившего в переходный возраст.

Вскоре у Тома стали проявляться симптомы СПИДа, и, когда стало ясно, что он скоро умрет, Синтия попросила меня снова вести для них семейную консультацию. Настало время подготовить детей. Том и Синтия попросили меня помочь им при разговоре с детьми. Когда все

четверо собрались за столом, я осознал, насколько крепкой семьей они были. В течение двух часов было задано множество вопросов, пролито много слёз, сказано много теплых слов.

Я навещал Тома у него дома в последние недели его жизни, когда он уже совсем ослабел. Прошло пять лет после окончания им курса психотерапии. Однажды, когда я уже собирался уходить, он отозвал меня в сторону. Его голос звучал необычайно твердо. Он сказал мне: «Если бы не Вы, я не был бы сейчас здесь, с моей семьей. Мне выпало счастье умереть в окружении своей жены и детей».

«Спасибо тебе за эти слова», ответил я.

«И еще, док», подмигнул он, «тебя, наверное, обрадует, если я скажу тебе, что сдержал обещание, данное Синтии».

Месяц спустя Синтия позвонила мне после обеда. Ей голос был глухим и печальным. Она сообщила, что Том умер утром того дня.

После смерти Тома я продолжал поддерживать связь с Синтией и детьми, приложив все свои усилия, чтобы помочь им пережить время скорби. Она рассказала мне, как близки они стали с Томом, и о том, что последние годы их совместной жизни были самыми лучшими. Также улучшились отношения Тома с детьми, которые ухаживали за ним, когда из-за слабости он уже не мог выходить из дома. Синтия также оказывала ему любящую заботу. Он умер в своей постели, окруженный заботой семьи и монахини из прихода, пришедшей, чтобы причастить его.

Репаративная терапия помогла Тому отказаться от своей тайной жизни. Она позволила ему постичь самого себя и выработать принципы, по которым он смог жить дальше.

3. Отец Джон — двойная жизнь

Отец Джон был католическим священником пятидесяти двух лет, обладавший чрезвычайно красивым, глубоким и выразительным голосом. Он был настоящим оратором, наверное, самым красноречивым человеком из всех, кого мне доводилось консультировать. Я легко мог представить его за церковной трибуной, произносящим со своим приятным ирландским акцентом пламенную проповедь.

Он происходил из дружной ирландской семьи и обладал едким чувством юмора, которое часто использовал для того, чтобы посмеяться над собой. Но, несмотря на свою склонность высмеивать абсурдные стороны жизни, он был глубоко духовным человеком, запутавшимся в борьбе с тем, что он называл своей «темной стороной».

На первом сеансе он сообщил, что иногда его непреодолимо влечет в сауны для гомосексуалистов и в магазины «голубой» литературы. Торопясь как можно быстрее сознаться во всем, он не успевал выговаривать слова.

«Моя страсть к порнографии как магнит выманивает меня из дома по выходным. Каждую неделю в пятницу вечером я еду в мой любимый магазин». Он зло усмехнулся. «Книжный балаган».

«Он так называется?» переспросил я.

«Да-да... Это хорошо известное гомосексуалистам местечко, расположенное на бульваре Санта-Моника, и это действительно *балаган*», поведал он мне. «Это супермаркет, если можно

так выразиться, где можно найти порнографическую литературу на любой, даже извращенный, вкус».

Он продолжал: «В общем, я беру две или три видеокассеты с мужским порно и отправляюсь в дешевенький мотель, где я снимаю комнатку. Мотель «Тропикана Пикс», добавил он с деланной высокопарностью. «Я привожу с собой видеомагнитофон и подключаю его к гостиничному телевизору». Он быстро взглянул на меня и продолжил уже несколько сконфужено: «Затем, уединившись, я провожу то, что называю мастурбационным марафоном. Иногда я звоню в службу эскорта, чтобы они прислали молодого парня. Ну, вы понимаете, для секса». Он посмотрел на меня и, сделав глубокий вдох, признался: «Но после этого меня мучает чувство стыда».

Затем отец Джон дал меткое объяснение психологическому механизму воздействия порнографии: «Порнография анестезирует, она притупляет боль, даёт мне «дозу» радостного возбуждения».

Узнав его лучше, я понял, что священник сочетал в себе множество противоречий. Его убеждения не были типичны для служителя церкви. Он критиковал католическую церковь за то, что она не оказывала ему поддержку в его борьбе с собственной гомосексуальностью. Он также был обижен на бога, и это чувство часто проскальзывало в его речах.

Случай отца Джона не был похож на скандальные истории священников, нарушивших свои обеты. Это не был случай, когда священник вел себя так, словно его ничто не отличало от мирян. В борьбе отца Джона с его гомосексуальностью было примечательно то, что, заставляя его прорываться через порочный круг греха, вины, исповедания и очередного грехопадения, она вела его к еще большей близости к богу. Было парадоксально, что отец Джон постиг бога, именно борясь со своей гомосексуальностью.

В первые три месяца терапии казалось, что отец Джон делает большие шаги вперед. Но в действительности он лишь пытался соответствовать своему представлению о примерном пациенте. Однажды он пришел и сказал мне правду: «Я был нечестен с Вами. На самом деле моё состояние ухудшается». Он признался, не без иронии в голосе: «Я притворялся, что с Вашей помощью начинаю новую жизнь».

После короткого, напряженного молчания он продолжил: «Я пытался проделать с Вами то же, что делал со своими наставниками: пытался соответствовать Вашим ожиданиям. Но я боялся заглянуть в собственную душу. Правда в том, что я почти отчаялся победить в этой схватке». Со вздохом он опустил голову. «Я думаю, что где-то в глубине души я не хочу становиться лучше. Я отмахиваюсь от мыслей о собственном существовании. Отмахиваюсь от Вас. Думаю про себя: «Я не справлюсь с этим. Я слишком слаб. Со мной нужно обращаться бережно и нежно». Я даже хочу, чтобы Бог не вмешивался в мои дела».

«Не знаю», в его выразительном голосе сквозила грусть. «Столько лет я притворялся настоящим мужчиной, но это было лишь прикрытием. Где-то в глубине души я не верю в то, что могу быть таким. Может быть, я и не хочу быть мужчиной. Почему-то я просто не могу представить, что могу жить нормальной жизнью».

«Во всякой мифологии и великих литературных произведениях», сказал я, «герой сначала отказывается от своего предназначения. Даже Иисус молил о том, чтобы быть освобожденным от креста: «Да минует меня сия чаша»

Отец Джон продолжил печальным голосом: «На мою жизнь до сих пор в значительной степени

вливают извращенные, подростковые фетиши. Я не знаю, почему я так озабочен мыслями о мужских пенисах. Я знаю, что это нелепо, но их вид зачаровывает меня».

Он замолчал. Пауза длилась так долго, что я решил заговорить сам: «Попробуйте преодолеть эту фиксацию, сосредоточившись на функции пениса, его анатомической совместимости с вагиной, его предназначении для размножения».

«Это подростковая озабоченность, вот о чем я должен напоминать себе», неловко произнес он.

«Верно. Большинство гомосексуалистов чрезмерно фокусируются на пенисе. Часто гомосексуальное поведение напоминает игру двух мальчиков — «Покажи мне твой, а я покажу тебе свой». Это проявление фетишизма. Пенис имеет важное символическое значение. Это символ мужественности, в которой Вы нуждаетесь, но которой не обладаете. Какая-то травма, недостаток в Вашем развитии нуждаются в компенсации через фиксацию на фаллосе. Это часть гомосексуальности».

Отец Джон задумался. «Большинство геев, которые я знаю, зациклены на своих пенисах. Они восхищаются собственными телами. Один гей сказал мне: «Мой пенис — это мой лучший друг». Как это всё грустно».

«Верно. У гомосексуалиста мужественность не стала частью его идентичности. Он отчужден от собственного тела. Ему кажется, будто пенис — это отдельная часть его».

«Но почему так происходит? Откуда в гомосексуальной среде берутся «любители больших размеров»? Откуда такая заикленность на пенисе?»

«Вероятно, в детстве отношение семьи вынудило мальчика отвергнуть свою назревающую мужественность. Желание сохранить свои отношения с матерью прежними потребовали отказа от мужского поведения. Поэтому теперь он хочет уберечь своё уязвимое мужское начало. Он все время боится, что кто-то отнимет это у него».

Я продолжал: «Гендерная ориентация мальчика зависит от его места в семье. От того, как к нему относится его мать. От того, как к нему относится его отец. От того, какую оценку оба родителя дают его мужественности».

Отец Джон кивнул. Всё это время он внимательно слушал: «Я вспоминаю свою бедную мать, благослови её Бог. Она делала всё, что было в её силах, Потому что, раз отец был не способен удовлетворить мои эмоциональные потребности, значит, так же он не мог удовлетворить и её потребности. Его словно и не было в доме. Мне нужен был кто-то, и мать стала как бы женщиной-отцом, к которому я мог бы обратиться».

Он помолчал. «Я знаю, что она была разочарована в своем браке. Ей было одиноко, и она обратила всё свое внимание на меня, чтобы восполнить это».

Он с улыбкой погрузился в воспоминания: «Часто она доставала несколько сэкономленных долларов. Мы одевались для прогулки, и она сообщала отцу: «Мы с Джонни пошли транжирить». Под словом «транжирить» она подразумевала, что мы направлялись в кино. Я надевал свой воскресный костюм, а она — шляпку и перчатки. Так раньше было модно. После этого мы шли в небольшой ресторанчик и обедали, болтая обо всём, что только приходило в голову. Когда мы возвращались домой, отец сидел перед телевизором и даже не замечал, что мы вернулись. Мама и я были счастливы, словно вернулись со свидания».

Он замолчал, словно ему в голову пришла какая-то мысль, и поделился ею со мной:

«Интересно, не были ли мой отец и дед гомосексуальны?» Я часто слышу подобный вопрос от своих клиентов. Хотя их родные вряд ли были гомосексуалистами, ощутимая в них нехватка мужественности вызывала такие подозрения. «Я понимаю, что мой отец просто не умел дарить любовь, потому что его собственный отец никогда не бывал дома, когда мой папа был маленьким. Он был странствующим плотником. И мой отец никогда не рассказывал о своём деде».

Я вспомнил, что отцы гомосексуалистов очень редко рассказывают своих отцах. Часто неправильные отношения «отец-сын» унаследованы от деда или прадеда. И дело было не только в том, что у отца Джона был недостаточно хороший отец. Чересчур доверительные отношения с матерью также повлияли на то, что он, будучи ранимым и чувствительным мальчиком, вырос гомосексуалистом.

Отец Джон грустно покачал головой. «Я всегда чувствовал, будто в нашей семье не хватало отца. В нашем доме не ощущалось мужское присутствие. Моя мать всегда старалась восполнить пустоту. Ей приходилось играть не только собственную роль жены и матери, но также заполнять место, освобожденное отцом». Он добавил: «Я рос с чувством, будто мама была одновременно и отцом, и матерью». В его голосе прозвучало возмущение, словно ему казалось, что с его матерью обошлись несправедливо.

Я заметил: «Мать никогда не может заменить отца. Между матерью и сыном происходит совершенно другой эмоциональный процесс, чем между отцом и сыном. Для того, чтобы вырастить мужчину, нужен мужчина».

«Мне кажется, я всегда понимал это». Он вздохнул, но в его голосе еще звучала злость. Меняя тему, он сказал: «Самым сильным чувством, которое я испытывал в детстве, был страх».

Я слышал эти слова почти ото всех клиентов, обращавшихся ко мне по поводу гомосексуальности. Почти у каждого из них преобладающим чувством в детстве, задолго до осознания своей сексуальности, было ощущение уязвимости и неуверенности.

Время сеанса истекало. Я спросил отца Джона: «Вы посещаете меня уже три месяца. Вас удовлетворяет всё то, что мы делаем для Вас?»

Он признался: «Знаете, я не делал всё, что в моих силах. Я ждал».

«Ждали чего?»

«Просто ждал. Всё хорошее, что когда-либо случалось со мной, приходило само по себе».

Отец Джон затронул одну из фундаментальных проблем, связанных с гомосексуальным отклонением, а именно, избегание болезненных испытаний жизни. Настало время приняться за одну из важнейших составляющих терапии: воспитания решительности.

«Надеюсь, Вы не судите обо мне по моей пассивности», угрюмо произнес отец Джон.

Я покачал головой. «Я не собираюсь делать суждения о Вас. Но меня беспокоит то, как подобное настроение влияет на Ваши возможности и на Вашу готовность взять ответственность за свою собственную жизнь. Эта пассивность — часть Вашей идентификации, которую необходимо изменить».

Он был озадачен моими словами. «Не могли бы Вы пояснить?»

«Репаративная терапия не касается одного лишь секса», ответил я. «Мы здесь для того, чтобы составить полную картину того, как сформировалась Ваша идентификация. Для того, чтобы излечить гомосексуальность необходимо изменить Ваше восприятие себя как пассивной, беспомощной жертвы. Настоящие перемены потребуют чего-то больше, чем отказ от сексуальной жизни. Нам нужна более широкая трансформация».

«Что ж, я готов», заверил он. «Гомосексуальная одержимость поглощает всю мою жизнь. Я хочу излечиться от нее раз и навсегда. Хочу наконец-то ощутить себя цельным человеком».

«Но это то, с чем Вам придется бороться. Всегда. И я не говорю об одной неделе. В какие-то дни Вам будут предстоять крупные сражения, в другие — сражения помельче. Но каждый день будет происходить какая-то битва», предупредил я его. «Иначе, как говорится, ничего не выгорит».

Критики утверждают, что в репаративной терапии в качестве инструмента для подавления гомосексуального поведения применяется чувство вины. Парадоксально, многие мужчины, такие, как отец Джон, на начальном этапе терапии проходят через порой необходимую и здоровую фазу, при которой вместо подавления гомосексуальных наклонностей происходит их усиление. Хотя на первый взгляд такое поведение противоречит целям терапии, этот этап позволяет клиенту оценить самостоятельно, какие последствия подобное поведение имеет для его жизни. В то время, как некоторым мужчинам нет необходимости проходить через данный этап, чтобы понять, что такой образ жизни не для них, другим нужно самим убедиться в том, какое влияние гомосексуальность может оказать на их личную жизнь. Для них реализация гомосексуальных наклонностей служит способом понимания самих себя и усиления той решимости, с которой они приступили к терапии, на ранних её этапах. Секс имеет большое значение для уровня самооценки у мужчин, и когда терапия начинает внушать клиенту уверенность, он может направить это чувство в сексуальное русло. Кроме того, на этапе установления психологического контакта между психоаналитиком и клиентом, последний сильнее проявляет свою гомосексуальность для того, чтобы испытать своего терапевта и убедиться в том, что может доверять ему.

В течение первых трех месяцев терапии отец Джон испытывал противоречивые чувства. Иногда он был готов глядеть на свою жизнь объективно, иногда погружался в состояние пассивного сопротивления.

Однажды утром он сказал мне. «В прошлую субботу мне нечем было заняться, и я решил прокатиться. Я сделал то, чего не делал уже несколько месяцев — пошёл в гей-бар. Сначала я чувствовал себя немного скованно, а потом подумал: «К чёрту всё!» и решил расслабиться. Пропустил кружку пива. Затем ко мне подошел парень примерно моего возраста. Мне было приятно, и мы начали разговаривать...»

Я прервал его: «Что было приятно?»

«Ну, что кто-то... какой-то парень... подошел ко мне первым. Подошел ко мне в таком месте, где на людей моего возраста обычно никто не обращает внимания. В общем, мы стояли там и разговаривали почти час. Он сказал, что женат. Мы нашли общий язык и потом отправились в мою комнату в «Тропикана Пикс». Мы сидели там на диване и проболтали еще три часа. Разговаривали обо всем. У нас оказалось много общего. Мы хорошо понимали друг друга. Он понравился мне... очень милый, добрый парень».

«Похоже, между Вами действительно возникла симпатия», сказал я. «Что было дальше?»

«Ничего», ответил отец Джон. «Потом мы пошли в спальню и просто занялись сексом. Безопасным сексом», добавил он. «Мастурбировали друг другу».

«Вы собираетесь встретиться с ним еще раз?»

«Нет. Я не думаю».

«Но ведь вы, кажется, подходили друг другу. У вас была основа для будущих отношений. Вы имели много общего».

«Не думаю. В тот момент мне было приятно, но я не думаю, что захочу продолжения» Он вздохнул. «Клянусь Богом, Джо. Меня уже не волнует, если я кончу тем, что буду заниматься сексом с мужчинами. Иногда мне кажется, что сопротивляться этому не имеет смысла».

«Почему Вы занялись сексом с тем парнем?»

«Я не знаю».

Его равнодушие начинало раздражать. Я ждал.

Наконец последовал ответ: «Просто казалось, что это надо было сделать. Наше пребывание там подразумевало это».

«Ваше пребывание?»

«Да. На диване, в мотеле».

«У Вас было желание заняться с ним сексом?»

«Не совсем. Думаю, я просто позволил этому случиться».

«Из-за давления с его стороны?»

«Нет. Он был также пассивен, как и я».

Изучая мотивы поступков отца Джона, к нашему обоюдному удовлетворению мы обнаружили признаки того, что его навязчивые мысли о сексе с мужчинами ослабли; однако, он всё еще не научился проводить четкую линию между мужской дружбой и сексом. Трудности с осознанием этой границы подразумевали более глубокие проблемы, связанные с самоидентификацией. Я помнил, что он сказал мне на одном из первых занятий: «Я не чувствую себя настоящим мужчиной, и я не думаю, что однажды смогу быть им. Может быть, я и не хочу быть мужчиной». Сможет ли отец Джон снова стать человеком, способным принимать мужское одобрение и внимание и при этом терпеть отсутствие секса?

Как многие из моих гомосексуальных клиентов, отец Джон жил в эмоциональной изоляции. Он жаждал мужского внимания и поддержки, но вместо этого вынужден был мириться со случайными сексуальными контактами.

«Отсутствующие составляющие Вашей мужской самоидентификации будут восполнены через дружбу с мужчинами, а не секс с ними. Вы не залечите свои раны при помощи секса. Посмотрите, что случилось с Вами в субботу. Вы сидите на одном диване с незнакомцем, беседуете с ним три или четыре часа. Он Вам очень симпатичен, потом вы занимаетесь сексом.... И что вдруг? Вы не хотите больше его видеть. В этом есть какое-то противоречие. Как Вы сами оцениваете такое поведение? По-вашему, оно нормально или нет?»

Отец Джон ответил: «Я не думаю, что это так или иначе меня беспокоит. Я не уверен, что меня отправят в ад только за то, что у меня один раз была близость с мужчиной».

«Послушайте», резко сказал я. «Давайте перестанем обманывать себя, прибегая к эвфемизмам. Давайте не будем называть *близостью* то, что было обычным сексом. Как это можно называть близостью, если Вы больше не хотите видеть того человека?»

Он заговорил громче. Теперь его голос звучал рассерженно. «Я не собираюсь сейчас отвечать на Ваш вопрос обо мне, потому что я не знаю ответ».

«Вам кажется, что я начал давить на Вас?»

Казалось, мой вопрос заставил его успокоиться. «Нет», ответил он. «Всё хорошо, Джо».

«Это нормально, что Вы не можете ответить на мой вопрос сейчас. Я признателен Вам за то, что Вы ответили честно».

Мы оба замолчали. «Какие чувства у Вас вызывает посещение таких мест?»

«В определенной степени мне это нравится. В течение нескольких часов я чувствую себя удовлетворенным. И для того, чтобы следовать своим чувствам, есть причина. Такова моя жизнь сейчас. Я осознал эти чувства. Я принял их и начал понимать их. Возможно, это самое большее, что я могу от себя требовать, — понять их».

Он пожал плечами. «Знаете, иногда я думаю: «Что ж, такова моя жизнь. Неважно, как я стал таким, но я такой. Мне нужно перестать биться головой о стену, пытаюсь измениться». Но, с другой стороны, терапия мне сильно помогла. Эмоциональный подъем, который я испытываю в последнее время, моя возросшая самооценка в значительной мере проистекают из того, что благодаря сеансам я начал понимать самого себя. Можно сказать, что правда освободила меня. Но, знаете ли, Джо, меня беспокоит то, что хотя идеи, лежащие в основе Вашей терапии, могут быть верными и полезными, и, Вы правы, я действительно пытаюсь восполнить внутренний дефицит, но терапевтический процесс может оказаться безрезультатным. Может оказаться, что бесполезно менять себя». Он внимательно посмотрел на меня: «Так что насчет процесса?»

Не дав мне ответить, он продолжил: «Я вспоминаю себя, когда я был маленьким мальчиком, не знавшим ничего кроме стыда, страха и одиночества, которому не с кем было поговорить, который не имел настоящих друзей, и который, прячась за амбаром, доставлял сексуальное удовольствие двоюродному брату, бывшему на восемь лет старше его. Я не был самостоятельной личностью. Я боялся до смерти. Я плыл по течению, опустошенный и одинокий. Общение и дружба для меня сводились к тому, что я прочил тому подростку».

«Постоянно это глубокое-глубокое ощущение отчужденности», сказал я.

«Да», отреагировал он. «Секс вывел меня из состояния отчужденности. Джо... эта часть меня, может быть, никогда не изменится. Может быть, я всегда буду искать легкий способ успокоения. Я не хочу связывать себя чувством вины из-за того, что я делаю — если я снова буду делать это».

«Я хочу быть реалистом», продолжал он. «Я хочу развиваться дальше, хочу изменить свою жизнь, но до определенного предела. Я хочу заниматься сексом, когда я хочу заняться сексом, и я не хочу испытывать чувства вины по этому поводу».

Затем он добавил: «Наверное, я просто пытаюсь дать Вам понять, что хочу, чтобы Вы возразили

мне. Хочу, чтобы Вы сказали мне: «Ты не можешь поступить так!».

«Почему?», спросил я.

«Я хочу, чтобы Вы сказали, что моя цель состоит вовсе не в этом. Во мне сейчас говорит ребенок, мальчишка, испытывающий своего отца».

«Именно так», согласился я.

Отец Джон замолчал, а затем неожиданно разразился бранью. «Я знаю, что я не какая-нибудь баба, но также я знаю, что никак не могу называть себя мужчиной. Так кто же я, чёрт возьми? Гибрид мужчины и женщины? Или просто маленький мальчик в теле лысеющего мужика средних лет?»

«Страдающий мальчик», попытался я его успокоить. «Страдающий мальчик в мужском теле».

«Конечно». На лице отца Джона отразилось удовлетворение. «Мы много раз обсуждали это в теории, и теперь я понимаю это. Вы правы: надо разобраться с этим маленьким мальчиком». Он вопросительно посмотрел на меня. «Но я хочу знать, какая связь между тем несчастным пятилетним мальчиком, каким я был, и моим теперешним сексуальным поведением. Почему я стал таким?»

«Чтобы заполнить внутреннюю пустоту».

«Возможно, Вы правы», признал он. «Но причиной моего сексуального поведения является боль, но не сегодняшняя. Сейчас у меня нет причин для страданий. Мои родители давно умерли, благослови их Бог. Я встал на путь религии. Я могу честно сказать, что я никогда не был в лучшем положении прежде».

«Человек, который испытывает неприемлемые чувства, живёт с пустотой, которая появилась в нем еще при ранних отношениях», объяснил я.

Отец Джон повернулся ко мне и заговорил с горечью: «Но как я оказался втянутым во всё это? Порномагазины, тяга к вещам, которые мне ненавистны, двойная жизнь, ведя которую, я предаю клятву, данную мной, когда я стал священником.... Почему я полон противоречий?»

4. Чарли: поиск мужской сущности

Одним из самых умных и проницательных людей, которых я имел удовольствие знать, был Чарльз Кинан, или Чарли, как он просил меня называть его. Чарли имел худощавое телосложение, и в его поведении проскальзывала легкая манерность, но это определенно не указывало на слабых характерность. Чарли был необычайно стойким и целеустремленным человеком.

В свои тридцать два года Чарли возглавлял крупную университетскую биомедицинскую библиотеку, в которой он проработал несколько лет. Он был начитан, и обладал хорошей литературной речью и прекрасным образованием.

На первом же занятии Чарли пересек комнату и быстро сел в кресло как человек, который точно знает, чего хочет. «В последние десять лет я заигрывал с гомосексуальным образом жизни», сказал он. «Уже год я нахожусь в гомосексуальной связи. Парня зовут Дерек. Это не плохие отношения, мы хорошо ладим, но я хочу жить полной жизнью. Я понимаю, что это еще не вся жизнь».

«Что Вы понимаете под полной жизнью?» спросил я.

«У меня не будет жены, не будет детей и не будет отношений, вместе с которыми я хотел бы вырасти».

«Какого же рода отношения Вы ищете?»

«Ну... я просто понимаю, что в том, что один мужчина может дать другому, чего-то недостает».

Он сделал паузу и вздохнул, пытаясь подобрать верные слова чтобы продолжить: «Знаете, большинство геев, с которыми я встречался, утверждают, что гомосексуалисты родились такими. Но когда мне говорят, что я такой из-за какой-то генетической причины, это унижает мое достоинство. Я достаточно долго вел гомосексуальный образ жизни, чтобы придти к выводу, что когда мужчина тянется к мужественности столь жадно, что готов высосать ее из другого парня, то здесь, несомненно, присутствует проблема».

«Я не хочу быть геем», — продолжил он со злостью. «Я никогда не поверю, что это было решено за меня каким-то генетическим сбоем».

Я закурил трубку и наклонился вперед, желая узнать, что еще этот человек хочет сказать мне.

«Я много читал о гомосексуальности», — сказал Чарли. «Работа в университетской библиотеке дала мне возможность прочесть десятки книг по этой теме». Он коротко засмеялся. «Я обедаю недалеко от секции W16. На самом деле, одной из книг, которые я прочитал, была «Репаративная терапия мужской гомосексуальности». Я многое почерпнул из нее и решил позвонить Вам, когда узнал, что вы находитесь здесь в районе Лос-Анджелеса».

«Я рад, что Вы нашли в ней что-то полезное для себя», ответил я. «Что Вы думаете о синдроме дефицита мужской самоидентификации, который я в ней описываю? Насколько точно это отражает Ваш личный опыт?»

Чарли засмеялся: «Да это история моей жизни!».

«Тогда расскажите мне о себе. Начните с Вашего детства».

Мы оба откинулись на спинки кресел и устроились поудобнее. Чарли вздохнул и выглянул в окно. «Знаете, вспоминая себя в детстве», — сказал он, — «я понимаю, что был артистичным, может быть немного застенчивым ребенком».

Было видно, что он хочет выговориться, но ему трудно найти верные слова. «Мне кажется, что у меня не было ... приятелей среди мальчиков потому, что... я был как бы другим, более чувствительным. Когда я был маленьким, мне сделали операцию на колено, после которой я стал немного хромать, что не позволяла мне заниматься многими мальчишескими делами — все эти игры в бейсбол. Но я не думаю, что эти обстоятельства сделали меня геем».

«Согласен», — сказал я. «Многие из мальчиков с предрасположенностью к гомосексуализму подходят под данное Вами описание: чувствительные, неагрессивные, исключенные из мужских занятий. Но некоторые другие мальчики, которые вырастают гетеросексуальными, также подходят под это описание. Для того, чтобы мальчик стал гомосексуалистом нужно нечто большее».

«Ну» — продолжил Чарли, рассмеявшись. «Боюсь, у меня было и нечто большее — все классические предпосылки для того, чтобы стать гомосексуалистом. Я вырос в семье, которой

руководили женщины: подавляющая всех мать, деспотичная бабушка и две старшие сестры. Мой отец, по существу, с самого начала решил: «Я не могу управиться с этой семейкой. Я буду рядом, буду платить по счетам, но я отказываюсь иметь отношение ко всему, что происходит в этом доме. Поэтому он мало общался с нами. В общем, он был тряпкой, хорошим парнем, но аутсайдером».

После короткой паузы Чарли продолжил: «Я уверен, что у моего отца были собственные внутренние комплексы. С ним действительно что-то было не так. Был он геем или нет, но с мужественностью у него были проблемы, потому что он определенно не умел вести себя как мужчина в собственном доме. Я сильно сомневаюсь, что он знал, что делать с собственным сыном. Наверное, когда ему дали подержать сына на руки, он подумал: «И что мне теперь делать вот с этим?»»

«Мои мама и бабушка вырастили из меня маменькиного сынка. Я читал, рисовал, сидел дома, ну, в общем, типичный случай. Можно сказать, что в течение многих лет мама *поглощала* меня. Она использовала мою жизнь для своих целей. Ее отношения с собственным отцом были ужасными, как и с ее братом, а после и мужем. Поэтому я стал ее новым мужчиной, на которого она могла бы вывалить все свое дерьмо. Она хотела, чтобы у нее были такие отношения с мужчиной, каких она прежде не имела, и поэтому она присвоила меня себе и выжала из меня все».

«Полагаю, после этого Вам не хотелось даже приближаться к женщинам», заметил я.

«Ну, вообще-то, у меня было две девушки, но каждая женщина, с которой я встречался, была похожа на мою маму. С мамой у меня не оставалось собственной личности, чувства собственного достоинства, собственного уголка. И я отказываюсь жениться на маме!» Он сказал, рассмеявшись: «Мне везет с ними. Я всегда оказываюсь в положении, которое вы так точно обозначили как роль «хорошего мальчика».

Он продолжал: — «Я ненавижу ее. Изображая из себя хорошего мальчика, я потерял собственную жизнь». Он ударил кулаком по подлокотнику кресла, на его лице было написана злость и смятение.

«И когда же Вы поняли, что Вы гей?»

Чарли вздохнул и утонул, расслабившись, в мягких подушках кресла, на мгновение закрыл глаза. «Мне было примерно тринадцать», сказал он. «Меня пригласили с ночевкой на природу вместе с группой подростков. Они пригласили меня потому, что я общался с девочками, и мальчики решили, что мог бы стать их агентом среди девчонок. Но затем лидер группы, Энди, подружился со мной, наши отношения стали сексуальными и бинго! Я в приятелях у крутого парня! У меня сексуальная связь с лидером группы. Я удовлетворяю его сексуальные потребности, а он защищает меня».

«Секс открыл Вам дверь в мир мужчин», заключил я.

«Точно», ответил он. «Теперь я начал ощущать себя как мужчина, как один из них. Я нашел способ завязать отношения с этим парнем, которым всегда восхищался издавна. Я не знал, что происходит, но мне казалось, все способы хороши ... и ...вынужден признаться, мне это нравилось».

«Т.е. с этого момента Вы стали регулярно заниматься сексом с парнями?»

«Не совсем так. Прошло еще несколько лет прежде, чем это стало моим образом жизни. Я

встречался с парой девушек в колледже, но этот парень, Энди, не выходил у меня из головы. Я всегда воображал, будто он присоединяется к нам».

Я не совсем его понял. «Вы хотите сказать, что занимаясь сексом с девушкой, Вы представляли будто занимаетесь сексом с Энди?»

«Нет. Энди просто помогал мне заниматься им. Поощрял меня».

«Это интересно. Думаю, что фантазии об Энди на самом деле символически поддерживали Вашу травмированную мужественность», сказал я.

«Что ж... может быть и так. Потому что, я представлял себе, будто он стоит возле кровати, ободряет меня и...» — он задумался, подбирая слово: «*помогает* мне заниматься сексом с моей девушкой. Как будто он говорит мне, что я мужик, что я все делаю правильно, и подбадривает меня, пока мы занимаемся этим».

Я пояснил: «Этот воображаемый мужчина служит опорой, которая символическим образом восполняла Ваш дефицит мужской самоидентификации».

«Я предполагал, что Вы скажете это», согласился Чарли. «Потому что, находясь *рядом с ней* и в некоторой степени получая от этого наслаждение, я почему-то нуждался в нем».

Чарли был способен функционировать как гетеросексуал, но ему нужен был образ другого мужчины. То, как он использовал образ Энди, подсказало мне один из способов применения репаративной терапии для лечения травмированной мужской самоидентификации. Он также подал мне идею, как описать то, чем мы будем заниматься во время терапии.

«Чарли, вся терапия будет построена на актуализации образа мужчины, скрывающегося в глубинах Вашей личности. Чтобы Вы нашли его внутри себя, и Вам не приходилось перенимать мужественность другого мужчины через секс».

«Найти его в себе? Мне нравится эта идея. Использовать то, чем я уже являюсь, но что еще не использовал». Чарли сказал, что он хочет обдумать эту идею, и на этом мы закончили наше занятие.

На следующей неделе мы решили проанализировать воспоминания детства. «Знаете, Джо, в детстве я был обманут», сказал он. Он сдвинулся на край кресла. «Можно сказать, что, мама обокрала меня, сделав из меня своего маленького мужчину».

Он раскрыл маленькую серебряную зажигалку. «Простите, Вы не будете возражать, если я закурю? Когда я напряжен и взволнован, мне надо чем-то занять руки».

«Всё нормально». Я подал ему пепельницу с книжного шкафа и, вернувшись в свое кресло, приготовился слушать.

«Я много думал о том, что Вы сказали на прошлом занятии. В некотором смысле», он принужденно взмахнул в воздухе сигаретой, — «в некотором смысле я продолжал обманывать себя, ввязываясь в гомосексуальные отношения и не стать одним из тех мужчин, в которых я влюблялся. Вы понимаете, что я имею в виду? Я всегда ощущал, что каким-то образом я исключен из мужского клуба. Я на самом деле хочу изменить это ощущение. Я хочу вернуть себе чувство мужественности, которому я завидую в других, и я хочу перестать восхищаться другими мужчинами. Но знаете, что злит меня больше всего?» Он опустил сигарету в пепельницу и заговорил с чувством. «общество, психология, гомосексуальный мир: они хотят

внушить мне, что желание быть с мужчинами присуще мне от рождения. Но я не родился таким; это результат полученной мной травмы!»

Слушая его, я не мог не восхититься этим умным молодым человеком, который смог самостоятельно пройти сложный путь самопознания. Он боролся, он задавал вопросы, он сопротивлялся самому себе, и его точка зрения, определенно, не добавила ему новых друзей в мире гомосексуалистов.

«Как я уже говорил Вам, моя работа дает мне возможность читать много книг о гомосексуализме», — сказал Чарли. «Многие из старых книг по психоанализу хорошо подходят к моей биографии. Классическая семья из неадекватного отца и сующей во все нос матери. Ребенок, который не любил агрессивных игр. Но если почитать более свежие книги, написанные психологами, занимающимися вопросами гомосексуальности, можно подумать, что весь мир согласился на том, что гомосексуальность является врожденной, что ее невозможно изменить, и она во всех отношениях также нормальна, как гетеросексуальность. Как это может быть нормально?» Он повысил голос и от злости перешел на брань. «Знаете, Джо, мать-природа сделала член не для того, чтобы засовывать его в задницу! Это ненормально! Это извращение! Даже в животном мире... когда один пес взбирается на другого, это вовсе не то же самое, когда он видит перед ним подставляется самка в течке».

Чарли засмеялся и устроился поудобнее на подушках кресла. Затем вздохнул, огляделся и шутливо сказал, понизив голос: «Хотите расскажу неприличный анекдот? Вы знаете, почему ученые еще не нашли лекарство от СПИДа? Не догадались? Потому что они не могут заставить лабораторных мышей заниматься анальным сексом!» Казалось, Чарли доставляет удовольствие говорить нехарактерную для себя пошлость.

Я сказал ему: «Да, верно, иногда можно наблюдать, как животные взбираются друг на друга, но ни один из видов животных не *предпочитает* гомосексуализм. Что касается гомосексуальности в других культурах, все они отдают преимущественное предпочтение гетеросексуальности».

Теперь, как и Чарли минуту назад, мне тоже захотелось высказать свои убеждения. «Защитники гомосексуализма заявляют, что мы слишком высокомерны, когда опираемся на свои ценности для того, чтобы определить, что является нормальным. Но тогда где общество должно *проводить* линию, определяющую нормальность? По Вашему, педофилия не кажется нормальной развратителю детей?»

«Не знаю», — ответил Чарли. «Интересный вопрос. И что же?»

«В выпуске Journal of Homosexuality 1990 года была статья», — сказал я. «В ней было сказано, что одна треть педофилов считают, что их сексуальное влечение к детям является естественной частью их природы. Они чувствовали, что это было «врожденной», «естественной», «неотъемлемой их частью» и т. д., и они объясняли это словами: «Я родился таким». Из-за того, что они верили, что родились такими, они не ощущали в себе способность измениться. Поэтому они заявляли, что имеют такие же права на проявление своей сексуальности, как и остальные люди».

«Невероятно», — отозвался Чарли.

«Я не хочу сказать, что отношу гомосексуальность в одну категорию с педофилией», — сказал я. «Гомосексуалисты вступают в добровольные отношения со взрослыми партнерами. Но *оба* отклонения ошибочно оправдываются заявлением, что те, кто им обладает, ощущают себя

нормальными».

Чарли стукнул себя кулаком по колену и пристально посмотрел на меня. «разве наши тела не должны действовать так, как это было задумано природой? Разве не предполагается, что мужчины и женщины должны жить в парах, естественным образом дополняя друг друга? Разве это не должно быть понятно для всех?»

«Любой человек с такими взглядами» — подытожил я, — «никогда не будет удовлетворен своей гомосексуальностью».

На следующей неделе Чарли решил рассказать мне о своих предыдущих психотерапевтах. Ему хотелось поделиться своими разочарованиями.

«За последние три года я сменил трех психотерапевтов», — сказал он. «Первый, я уверен, был геем, хотя он никогда об этом не говорил. Он сказал мне, что я гей и должен принять это. Он все советовал мне обратиться в Социальную центр геев и лесбиянок для того, чтобы найти себе круг друзей в гей-среде. Я посетил его несколько раз. Люди, с которыми я там познакомился, были милы, но мне было жаль многих из них. Я не ощущал с ними родства».

«Психолог не мог предложить объяснение тому, почему меня привлекают мужчины, и он не хотел помочь мне разобраться в этом. Он говорил: «У нас ведь не возникает необходимости узнать, почему мужчина стал *гетеросексуалом*. Так почему же нам нужно задумываться о том, почему вы являетесь *гомосексуалистом*. Он полностью избегал обсуждения того, как мои отношения с родителями могли повлиять на это. Перед тем, как расстаться с ним, я сказал ему: «Послушайте, мне нужно, чтобы Вы поддержали меня на моем пути в том направлении, в котором я хочу двигаться, а не в том, в каком *Вы* мне предписываете».

«Моим вторым психотерапевтом был молодой гетеросексуал. Он сказал, что мне повезло в том, что я бисексуален, ведь это означает, что я могу выбирать из большего числа сексуальных партнеров». Чарли громко рассмеялся: «Какой идиотизм! Я тут же забыл о нем! Затем я нашел женщину-психотерапевта, очень благонамеренную христианку. Она пыталась помочь мне в преодолении гомосексуальности, но она просто не знала, что делать. Я тратил свои деньги, обучая ее тому, что узнал сам из книг! В конце концов, мне попала в руки Ваша книга, и я пришел к Вам».

Я сказал: «Чарли, меня изумляет то, насколько хорошо Вы изучили свое состояние. О том, что оно значит, и что является его причиной».

Он возразил: «Меня удивляет, как много людей, находящихся в таком же положении, *не знают* или не хотят *знать* причины. Я спрашивал многих геев: «Как, по-твоему, почему ты стал геем?» Они не хотят говорить об этом, они боятся до смерти!»

Он задумался на минуту, затем сказал: «Решение вести гомосексуальный образ жизни кажется последней надеждой — удобный способ установить контакт с кем-то. Я потратил слишком много лет на то, чтобы обнаружить, что моя жизнь — это лишь попытка срезать дорогу. Я мог бы продолжать жить так и дальше, заниматься этим, но затем, что я не из тех людей, которые могут остановиться на чем-то одном навсегда».

Затем Чарли озвучил основную черту гомосексуального отклонения: «Я всегда испытывал проблему в установлении близких отношений как с мужчинами, так и с женщинами, и я знаю, что это связано с моей гомосексуальностью, но я не могу понять, какова связь».

Он продолжил: «Моя самая большая проблема состоит в том, что я всегда чувствую себя

одиноким. Исключенным из общения. Хотя на работе я всегда окружен людьми, я испытываю эмоциональную изоляцию. На прошлой неделе я ощущал пустоту, беспокойство. У меня никакого желания делать что-либо, и любая работа, казалось, требовала слишком много усилий».

На его красивом, нежном лице отразилось отчаяние. Я ждал, что он скажет дальше. Он вздохнул и продолжил: «В последнее время мне успешно удавалось избегать гомосексуальных контактов... но может быть я преуспел в этом из-за своего возраста и уменьшающегося либидо». Он грустно улыбнулся.

В этой шутке я уловил явную тенденцию к самокритике, неумение хвалить себя за свои достижения. Многие гомосексуалисты, проходящие терапию, не спешат признавать свои собственные достижения. Их не научили распознавать свою собственную силу.

Чарли нетерпеливо вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза. «Я могу обойтись без секса, но мне одиноко и... я хочу знать, как я могу отказаться от секса с мужчинами. Очень трудно двигаться на основе одной только силы воли».

«Я рад, что Вы понимаете», сказал я.

«Мне было слишком скучно, слишком усталым, слишком утомленным. Словно я движусь по колее, из которой нет выхода».

«Скука», — сказал я, — «прикрытие для нереализованной энергии, которая скрыта под поверхностью. Если Вы не сможете открыть в себе эту энергию и использовать ее, вы впадете в полномасштабную депрессию. Догадаетесь, что случится потом?» — предупредил я его. «Депрессия — это затишье перед штормом, который проявится во всплеске сексуального поведения».

«Об этом я знаю очень хорошо», согласился Чарли. «Я вполне понимаю, что могу начать крепко пить, если я не сделаю что-то для того, чтобы вновь обрести связь с миром. Я надеюсь, Вы сможете помочь мне зажечь правильные сигнальные огни и вернуться на верный путь. Забавно, хотя умом я многое постиг о своей проблеме, но я до сих пор не ощущаю себя излеченным эмоционально».

«Ну, Чарли, на сегодня время вышло. Давайте подумаем об этом парадоксе на следующей неделе. Потому что, да, Вы правы: между тем, чтобы добиться перемен в сознании и перемен в душе, лежит огромная разница».

Когда мы встретились в следующий четверг, Чарли продолжил обсуждение, начатое на прошлой неделе. «Знаете, Вы были правы, когда сказали мне, что я слишком строг к себе. Это часть моей проблемы. Я никогда не признаю собственных заслуг в чем-либо. Мне тяжело хвалить себя. Я заряжаюсь восторгом от какой-либо идеи, а затем спотыкаюсь, пересматриваю свое решение, выдумываю кучу сомнения и страхов, сам прекрасно зная, что они надуманны и не нужны. Я испытываю постоянную тупую боль, где-то в глубине».

Затем он признался: «Одна из мыслей, которая постоянно посещает меня, парализует и вгоняет в депрессию, — это то, что я похоже не знаю, как расстаться со своими родителями, в эмоциональном плане. Как перерезать пуповину и при этом...» — он задумался, подбирая слова, — «сохранить с ними дружбу».

«Сохранить с ними отношения, но уже не в качестве ребенка», — пояснил я.

«Да. Быть на равных отношениях с ними». Он на мгновение задумался и добавил: «Я не знаю, как быть самим собой рядом с ними. Как общаться с ними искренне. Я не могу сказать, что я испытываю к ним».

Открыто признав то, что в детстве его родители поступали с ним нечестно, Чарли вступил в один из самых болезненных этапов репаративной терапии. Преследуя свои собственные эгоистичные цели, его родители, особенно мать, требовали, чтобы он был хорошим мальчиком, пожертвовав при этом развитием собственной мужественности и независимости».

«Боль, которую Вы испытываете в душе, вызвана пониманием того, что Вас не ценят за то, кем Вы являетесь как личность», — сказал я. «В каком-то отношении Вами пренебрегали, в каком-то, напротив, потакали. Ваши родители не воспитали Вас прочное осознание того, кто Вы такой». Такое воспитание в детстве побудило авторов Лиэнн Пэйн и Колина Кука обозначить гомосексуалиста словом «сирота».

«Вероятно, это верно», — ответил он. — «В умственном плане я уверен в себе, но эмоционально... я ощущаю, что в некотором смысле я ничто. Я никто, и это злит меня...»

Я сказал: «Вернувшись в прошлое и вернув себе ощущение собственной мужественности, будет означать, что Вы вступили на путь преодоления боли».

«А как же моя злость?» — спросил он. «Я также испытываю сильную злость».

«Конечно. Злость — это защита от боли, несправедливости. Поэтому многие из геев, так озлоблены. Их злость вызвана не только нетерпимостью общества по отношению к геям. Она проистекает из их собственного осознания, где-то на глубоком уровне, того, что неотъемлемая часть их сущности была отобрана у них в раннем возрасте».

«Но как я могу признать это чувство обиды по отношению к своим родителям? Как я могу эмоционально отрешиться от них?»

«Я не думаю, что Вы можете *отрешиться* от них», сказал я. «Задача в том, чтобы распоряжаться ими как *взрослый человек*, а не как маленький мальчик, *манипулируемый* ими».

Он вздохнул и сказал: «Когда я думаю о том, что ждет меня впереди, меня просто парализует от страха».

Я сказал: «Это важнейшая, переходная стадия Вашей терапии. Вы больше не маленький мальчик, которым манипулируют остальные, но вы еще не знаете, что нужно, чтобы быть самостоятельным взрослым».

«Именно это я ощущаю», — согласился он. «Как я могу начать вести себя как взрослый в своих отношениях с родителями. Я знаю, что я не могу изменить своего отца. Когда я был ребенком, мне никогда не удавалось добиться его внимания. Может быть если бы я занялся одним из видов спорта, которые нравятся моего отцу. Он любил водные сплавы и рыбалку. Я ходил с ним в походы только пару раз, потому что мне не нравится давить москитов и слушать, как воют койоты в кустах. Когда я стал отказываться сопровождать его в походах, думаю, что ему показалось, что я отвергаю его. Думаю, что в некотором отношении есть и моя вина в том, что он уступил меня маме и сестрам».

«Если в терапии Вы сосредоточитесь на том, чтобы изменить своего отца, то сорвете терапию. Вероятно, Вы не сможете изменить своего отца, но Вы можете изменить свое отношение к

нему. Вы же не хотите настраивать себя на постоянные разочарования, потому что это приведет Вас...»

«Назад к какому-нибудь парню, а это не то, чего я хочу», — сказал он резко.

«И на следующей неделе Вы вернетесь с прежними проблемами», — добавил я.

«Да, Вы правы». Затем он добавил задумчиво. «Как только я оставляю попытки наладить свои отношения с отцом, я снова сталкиваюсь с трудностями. Я могу на какое-то время забыть об этом, выбросить эти мысли из головы, но очевидно, что я просто оттягиваю время и что рано или поздно мне придется решить эту проблему. Изменив свое отношение к нему, раз я не могу изменить себя».

Я почувствовал, что Чарли подвергает себя излишнему давлению, и решил, что мне нужно ободрить его: «Это необязательно решать сейчас же. Больше преимущество терапии состоит в том, что она дает множество способов достижения улучшений: физическая активность, развитие здоровых отношений с мужчинами, начало основанного на уважении взаимного диалога с Вашими родителями. Существует множество направлений, по которым вы можете двигаться вперед».

«Мне казалось, что я в тупике».

«Активный, стимулирующий характер репаративной терапии делает акцент на решении трудностей повседневной жизни», — объяснил я. «Но когда Вы застреваете на сознательном уровне, углубитесь в подсознание. Уделяйте внимание тому, что происходит в Ваших снах». Хотя Чарли и ощущал себя попавшим в патовую ситуацию, многое можно было узнать из непрерывно меняющегося потока его подсознания.

Обдумывая мои слова, Чарли неожиданно сказал: «Прошлой ночью мне приснился странный сон, который я помню очень смутно. Я с трудом пытался его вспомнить после того, как проснулся. Он был таким недолгим...» Он помолчал и затем воскликнул: «Да, вспомнил! Я стоял обнаженным перед своим отцом».

Он посмотрел на меня и сказал: «Это все, что было».

«Вы испытываете какие-то особые чувства по этому поводу?»

«Нет. Ничего такого». Он пожал плечами.

«Были ли какие-то сексуальные ощущения?»

«Нет. Простое ощущение своего присутствия перед ним».

«Как Вы понимаете этот сон?»

«Не знаю. Мне никогда не снилось ничего подобного прежде».

«Как, по-вашему, что Вы пытались сказать своему отцу, стоя перед ним в обнаженном виде?»

Он ответил: «Вот я. Я хочу, чтобы ты посмотрел на меня!»

«В этом сне возникла репаративная тема», — сказал я. «Это попытка самоизлечения. Ваш отец представляет собой мужское начало, которое он не смог передать Вам. Признание со стороны, которое Вам хотелось бы иметь. Вы пытались сказать ему: *«Посмотри на меня! Я хочу, чтобы*

ты *видел* меня таким, какой я есть. Я мужчина, признай это!» Вот чего Вы хотите. Я думаю, что это важный сон, в котором точно представлено то, чего Вы хотите добиться с помощью терапии».

Чарли улыбнулся: «Именно! Образ действительно настолько прост и настолько символичен. Это как раз то, чего я хочу». На выгледел удивленным. «Это удивительно. На каком-то глубоком уровне своего сознания я знаю, что мне нужно, и я стремлюсь к этому».

Он рассмеялся. «Похоже, я не в таком безвыходном тупике, как мне кажется». На этой ноте мы закончили наше занятие.

Несколько занятий спустя Чарли вспомнил, как в подростковом возрасте согласился сексуально удовлетворить старшего мальчика. Затем, смущаясь и краснея, он признался, что это был не единичный случай, а происходило регулярно. Теперь он пытался снова войти в мир того маленького мальчика, чтобы понять чего он искал.

Он спросил: «Что заставляет детей делать такие вещи, Джо?» На его лице все еще были написаны стыд и страх.

«Попытка выпустить что-то наружу, удовлетворить некоторые потребности», — ответил я.

«Но почему именно *так*?». Он напряженно выпрямился, его лицо было покрасневшимся и злым.

Тут же Чарли сам ответил на свой вопрос: «Я искал самого себя. Что-то, чего не мог найти в себе».

Чарли коснулся определяющей особенности гомосексуального отклонения — стремление к утраченной части самого себя. Когда я занялся терапевтической работой с гомосексуалистами, сначала мне казалось, что это просто сексуальная проблема. Теперь я считаю, что в своей основе это проблема идентификации. Гомосексуальность является отражением утраты подлинной сущности и части своей мужской силы.

«Большинство из тех парней, с которыми я занимался сексом, сейчас женаты», — сказал Чарли. «В отличие от меня они не зациклились на гомосексуализме».

Восприятие Чарли было верным. Многие мальчики посредством гомоэротизма лишь удовлетворяют свое естественное любопытство. Для других мальчиков, таких, каким был Чарли, такое поведение отражает затаенный эмоциональный голод. У Чарли таким была необходимость восполнить свою неотъемлемую мужскую идентификацию, необходимость, которую он надеялся осуществить посредством сексуальной близости с другими мужчинами.

Я спросил Чарли: «Вы достигли какого-то удовлетворения за те годы, когда вы вели гомосексуальную жизнь?»

«Некоторым образом, да», — ответил он. — «Я получал ощущение свободы. Я проводил пару часов в гей баре после тяжелого рабочего дня в библиотеке. Как никак я находился среди людей, которые находились в одинаковой со мной ситуации. Не было необходимости притворяться, скрывать что-то... Я мог встретить кого-то и пойти к нему домой на пару часов. Это было сравнимо с удовольствием от хорошего ужина после трудного рабочего дня».

То, что он употребил слово «ужин», поразило меня. Неужели гомосексуальный акт был сравним с поеданием пищи? Может ли фелляция означать подсознательное стремление

принять внутрь что-то жизненно необходимое? Обед может быть и примитивным, и изысканным, вызывающим в душе фантазии о других мужчинах, укрепляя её. Я подумал о ритуалах введения в общество взрослых мужчин примитивных племен, таких как племена Самбия в Новой Гвинее, когда мальчики считались взрослыми после ритуального принятия внутрь семени взрослых мужчин.

Я также вспомнил мнение Карла Юнга о гомосексуальном отклонении. По словам его биографа, Юнг определил гомосексуальность как «подавленный, неразвитый элемент мужской составляющей в мужчине... вместо того, чтобы вызвать его из глубин своего сознания, он пытается обрести его на биологической плоскости через «слияние» с другим мужчиной» (Jacobi 1969, p. 51)

Мы с Чарли продолжили обсуждение ситуаций столь часто наблюдаемых в семьях гомосексуалистов. Продолжая отстаивать генетическое объяснение причин гомосексуализма, защитники гомосексуалистов препятствовали исследованию причина гомосексуализма, связанных с семейным воспитанием. Они небрежно отмахиваются от данных классического психоанализа по гомосексуальности как от «недоказанных» и «устаревших». Они боятся, что если мы докажем связь между нездоровой семейной обстановкой, то общество будет менее терпимо к гомосексуализму. Однако, я часто задавался вопросом: хотя терпимое отношение — важно, должно ли оно достигаться за счет правды? Почему мы не можем добиться терпимости и сохранить правду?

Я объяснил, почему мальчик с гомосексуальными задатками является, как его определила Элис Миллер (1987), «ребенком, которого используют», но используют особым образом. Мать может использовать сына с гомосексуальными задатками, чтобы удовлетворить свои эмоциональные потребности, которые не были удовлетворены мужем. Правильный мальчик, которого она пытается вырастить, это искаженное женское восприятие того, каким должен быть мужчина. Отец, с другой стороны, использует мальчика с гомосексуальными задатками иным, более тонким образом. Он может проявлять любовь, но не в достаточной степени, быть доброжелательным, но нерадивым отцом. Иногда отец жертвует мальчиком, чтобы удовлетворить желание матери иметь собственного питомца; он уступает ей мальчика, чтобы мамочка была счастлива. В любом случае, мальчик в данном треугольнике утрачивает свое мужское начало

Чарли медленно произнес: «Другими словами, мать отказалась бы принять мальчика, если бы он не исключил из себя мужественность».

«Он никогда не исключал ее из себя», — заметил я. «Его просто никогда не поощряли проявить ее. Для того, чтобы сохранить расположение матери ему, возможно, даже приходится подавить само желание проявить свою мужественность. Ради любви мамы он вынужден подавить то, что мы называем его мужскими желаниями».

«Потому что она хотела, чтобы он остался ее мальчиком навсегда??»

«Часто из-за этого. Многие матери хотят, чтобы их сыновья были хорошими, невинными, чтобы они всегда были рядом с мамочкой. Роль хорошего мальчика исключает мужественность, поскольку мужественность обозначает независимость, автономию и проявление внутренней силы», — объяснил я. — «Именно мужественность отличает мальчика от его матери. Когда она проявляется, мать начинает опасаться того, что ее сын будет не таким, как она. Некоторые матери воспринимают различие полов как угрозу.

«Впечатление такое будто, она хотела бы, чтобы он стал ее сексуальным партнером», — сказал

Чарли, с отвращением сморщив лицо.

«Да», — кивнул я, — «эти матери вовсе не хотят, чтобы их сын был гомосексуалистом. Когда, спустя двадцать лет, они обнаруживают, что их сын гомосексуалист, они переживают шок и печаль. Они не осознают, что сами создали почву для возникновения этой проблемы».

«И в то время, когда мать лепит из сына милого бесполого мальчика, отец стоит в стороне!» — в голосе Чарли прозвучала злая нотка.

Я ответил: — «Точно. Одной из важнейших функций сильного и внимательного отца является прерывание комфортабельной симбиотической связи между матерью и сыном. Многие отцы движимы лучшими намерениями, например, Ваш отец, но при этом они просто не видят, что происходит».

«Т.е. у многих мальчиков была такая же мать, как у меня, но их отцы вмешались и прекратили то, что происходило. Если бы у меня был более сильный отец, который принимал участие в моем воспитании, отношения в семье были бы сбалансированы иначе».

«Именно так. И, может быть, если бы Вы сами были немного упрямее и гибче, вы, возможно, оттолкнули бы свою мать и пробились бы сквозь отцовскую сдержанность и апатичность. Но Вы были чувствительным ребенком и не относились к тому типу детей, которые с легкостью переносят нервные ситуации. Поэтому обычно гомосексуальность является не проблемой между матерью и сыном или отцом и сыном, а проблемой, связанной с и матерью, и с отцом, и с сыном» — объяснил я. «Это вопрос баланса между ними троими. Выдающийся психиатр Ирвинг Бибер назвал это тройственными отношениями».

Чарли вспомнил: «Забавно. Недавно я просматривал семейные фотографии, и сестра сказала мне, что всякий раз, когда они собирались делать семейное фото, я не хотел фотографироваться. Я всегда старался выскользнуть за пределы обзора камеры».

«Уход в себя. Ощущение непохожести на остальных. Я слышу это постоянно. Будущий гомосексуалист никогда не ощущает себя частью семьи».

«И со мной так было», — отозвался Чарли.

«Я понимаю Вас, ведь родители не относились к Вам серьезно».

«Ко мне относились как к вещи», — сказал он. Затем добавил: — «В средних классах я были проблемы с весом, и дети в школе дразнили меня, называли «лохом» и «жиртрестом». Но однажды, когда я в одиночку съел целиком шоколадный торт с кремом, мама посмотрела на меня с гордостью. Она до сих пор с удовольствием вспоминает, как мило выглядел ее Чарли, когда в один присест разделался с тортом.»

«Вы были любимой вещью», — сказал я.

«Как те два пуделя, которых она завела после того, как все трое ее детей выросли и оставили ее». Он рассмеялся: — «Эти собаки заняли наше место».

«Вас заставили изображать другого человека в ущерб собственной независимости и ощущению мужской самоидентификации», — сказал я. «Люди часто не понимают, что жили чужой жизнью до тех пор, пока не получают некоторую степень свободы. Когда вы нанете жить собственной жизнью, к вам придет чувство освобождения, раскованности и внутренней силы. Та ложная личность заставляет человека чувствовать себя неловким, зажатым и в некотором

смысле опустошенным и неживым».

«А ощущение того, что я являюсь самим собой, останется со мной, потом?» — спросил Чарли. Затем он добавил, не без удовольствия в голосе: «Я начал чувствовать себя сильнее. У меня начали складываться нормальные отношения с мужчинами, и я подумываю о том, чтобы записаться в спортивный клуб».

«Отлично. Вы движетесь в правильном направлении».

«Я не хочу стесняться своего тела», — сказал он. «Я становлюсь старше, и тело становится дряблым», — он похлопал себя по животу, — «отчего у меня портится настроение. Раньше я выглядел очень хорошо, например, когда учился в колледже. Я избавился от всеобщего представления обо мне, как о толстяке, усердно качаясь и упражняясь для того, чтобы быть сексуальным. Мне было приятно ощущать на себе взгляды парней в барах. Ну, понимаете, тщеславие».

Вопрос «тщеславия» вывел нас к обсуждению той части гомосексуальности, которую я называю *отчужденностью от тела*. Среди мужчин-гомосексуалистов существует тенденция любоваться собственным телом как бы с некоторого расстояния, словно оно является объектом, а не субъектом. Гомосексуалист воспринимает свое тело, в частности, пенис, так словно он носит его с собой, но не владеет им. Ощущение отчужденности от собственного тела может принять форму ощущения неполноценности или превосходства, но никогда не оставляет места для непринужденного владения над своим телом. Многие клиенты жалуются, что начали испытывать чувство отчужденности от собственного тела еще в раннем детстве. Кроме того, они страдают от излишней скромности, которая сохраняется и во взрослом возрасте. Некоторые упоминают нежелание снимать рубашку, даже на пляже или в жаркую погоду. Они описывают, что испытывают скованность, когда им приходится раздеваться перед другими парнями, даже перед своими братьями. Стыдливость может чередоваться с эксгибиционизмом, который является попыткой сверхкомпенсировать стыдливость. И стыдливость, и эксгибиционизм являются формами отчужденности от тела.

Схожее ощущение неполноценности и дискомфорта возникает позже, когда молодой человек начинает испытывать чрезмерную озабоченность из-за размера пениса. С этим связано такое явление, как неспособность мочиться в общественном месте или в присутствии других мужчин. Развитие отчужденности указывает на неспособность членов семьи (особенно отца) помочь мальчику обрести ощущение мужественности через осознание собственного тела.

Даже в описании гомосексуалистами своих занятий спортом проявляется объективная отчужденность. Он склонен наблюдать себя и свои движения со стороны, а не ощущать свое движущееся тело. Оттого что ему не хватает уверенности в собственных движениях, он завидует гетеросексуалам, которые обладают этим качеством. По этой причине, я рассматриваю гомосексуальность не просто как сексуальную проблему, но как более широкую проблему *существования человека в мире*.

Возвращаясь к вопросу «тщеславия», я сказал Чарли: «Ваше желание улучшить свое физическое состояние похвально, но не нужно стремиться к этому из тщеславия. Ведь тело не нужно Вам как предмет, которым Вы можете похвастаться. Это необходимость происходит от ложной личности. Действительной целью является развитие внутреннего чувства владения собственным телом. Ваше тело — это Вы сами, Ваш характер опирается на Ваш пол. Не Вы несете свое тело, как костюм. Ваше тело несет Вас. Гордость, которую Вы испытываете по поводу Вашего тела, должна происходить из ощущения общности с другими мужчинами. Вы понимаете различие?»

«Конечно», — ответил он. — «Мне знакомо и то, и другое. Желание покрасоваться перед наблюдателем, связанное с нарциссизмом, и, с другой стороны, чувство опоры на мой пол. Мне знакомо различие, но иногда сложно придерживаться второго способа самовосприятия».

«Это нормально», — успокоил я его. — «Важно то, что Вы ощущаете разницу».

«Долгое время после того, как я сбросил вес, я ощущал гордость оттого, что у меня было красивое тело, которое привлекало внимание других парней. Когда в барах, парни оглядывали меня, мне становилось приятно. Хотя в некотором смысле, это раздражало меня — это мешало мне получить то, что я хотел».

«Что же это было?»

«Мужчину».

Удивившись такому противоречию, я переспросил: — «Ваше тело мешало Вам получить мужчину?»

«Да».

«Поясните».

«Все, чего, я когда-либо хотел, — быть рядом с женщиной. Не гея, а кого-то натурального, стопроцентно натурального мужественного парня. Но такие мужчины не влюбляются в меня, они хотят тех, кем они не могут быть, то есть женщин. В этом заключается парадокс гомосексуальности».

Задумавшись об этом, мы закончили наше занятие.

Чарли быстро делал успехи, завязывая дружеские отношения с мужчинами. Он записался в спортивный клуб, где обнаружил, что он может завязывать дружбу с мужчинами и не испытывать при этом сексуальных соблазнов. Он рассказывал о своем новом друге, Риче, которого описывал как «отличного парня, очень надежного. Он гетеросексуален и не знает о моих проблемах».

«У меня есть вопрос», — сказал я. — «Вы испытываете к нему влечение?»

«Небольшое» — признался Чарли, подумав немного. — «Да, в некотором роде. Иногда я сравниваю себя с ним и начинаю думать: «У него есть то, чего нет у меня». Затем это переходит в некоторое сексуальное влечение».

Он продолжил: «Как-то на прошлой неделе Рич вошел в раздевалку. На нем была футболка, и его мускулы красиво вырисовывались. Я застеснялся своих худых рук и впалой груди, и почувствовал, что меня влечет к нему. Я сказал себе тогда: «Эй, если ты обладать таким телом, как у него, то тебе нужно работать над собой так же усердно, как он работал над собой. Глупо считать, что он стал таким за один день. Он немало попотел, чтобы иметь такое тело».

Из всех моих пациентов Чарли лучше всего использовал ценную технику репаративной терапии, которая называется *самовоспитательный разговор*, обращение к самому себе от имени сильного доброжелательного отца.

Он продолжил рассказ о своем новом друге: «Рич всегда смешит меня. Он помогает мне быть менее серьезным. Мне нравится его непосредственность, энтузиазм и чувство юмора. Он не

раздувает каждую мелочь, как я».

Он на мгновение замолчал, а затем рассказал следующее: «Недавно меня посетила истина, которая, наверное, была послана мне богом. Я понял, что никто из живущих на земле не может вернуть мне мою мужественность. Ни один другой парень. Она во мне, но только в спящем виде. Никто не может подарить мне ее. И я не могу вернуть ее, изменив свой внешний образ. Настоящий способ измениться — это активировать то, что уже есть во мне».

Чарли говорил со все большим увлечением: «Пару недель назад Рич и я отправились в поход. Собирался пойти дождь, а до машины идти было далеко. Казалось, что Рича это не волнует, потому я молчал, хотя нервничал. Моя мама всегда беспокоилась: «Сейчас пойдет дождь!», будто, промокнув под дождем, я мог умереть, будто я мог подхватить воспаление легких. Многие парни не беспокоятся из-за того, что могут попасть под дождь, но мамин голос всегда звучал во мне, как аудиокассета. Поэтому я думал: «Что ж, если я промокну, то промокну, что с того?». Ну, мы вымокли до нитки. Я думал: «И что мы теперь будем делать?» Рич продолжал идти вперед, потому я ничего не сказал, как будто не случилось ничего особенного».

Чарли слабо улыбнулся. Казалось, он был счастлив от того, что разорвал еще одни узы, которыми его связала его мать.

«Я действительно считаю, что делаю успехи», — сказал Чарли. — «Это проявилось в некоторых снах, которые я видел недавно. Прошлой ночью мне приснилось, что я стою у начала горной тропы с моим другом Эриком. У нас были рюкзаки, на ногах спортивные кеды, был жаркий полдень, поэтому мы сняли рубашки. Мы оба выглядели мускулистыми и я чувствовал себя уверенно. Неожиданно мимо прошли две блондинки и я сказал: «Эрик, правда классные девчонки?» Он ответил «Да», и мне показалось, что это сделало наши отношения проще».

«Очень интересно. Как бы Вы интерпретировали этот сон? Не забывайте два основных правила толкования снов: каждая деталь сна имеет значение, и каждая деталь во сне отражает частицу Вас самих».

Он начал: — «Во сне я ощущал удовольствие оттого, что являюсь самим собой, и мне понравилось это. Ощущение беззаботности и силы. Мне хотелось запомнить это чувство и удержать его. Я редко чувствую себя так хорошо, и для меня это ощущение было особенным».

Я спросил: — «А теперь скажите, почему Эрик был в этом сне?»

«Дайте подумать», — сказал Чарли. Откинувшись назад, он уставился в потолок, задумавшись. «Ну... может быть я вижу в нем качества, которые хотел бы иметь сам?»

«Именно», — ответил я. — «Как вы считаете, эти качества уже появились у Вас?»

«Да, медленно».

«Какие качества?»

«Непосредственность, свобода. Вот что олицетворяет Эрик, те качества, которые мне нравятся в нем».

«Какую часть Вас олицетворяет гора?»

Чарли задумался на мгновение, а потом ответил: — «Наверное, это моя борьба. И можно сказать, что в некотором роде Эрик — мой компаньон и проводник».

Казалось, что сон внушил Чарли уверенность. Я видел в нем удовлетворенность, которая происходила из понимания того, как его сны, их безупречная символика, отражает его собственные переживания. Чарли проделал долгий путь, и мы оба радовались этому.

Ко мне приходят многие мужчины, страдающие от хронической депрессии и уныния, сталкивающиеся со многими сложностями в жизни и испытывающие нехватку чего-то жизненно важного. Защитники прав гомосексуалистов могут сказать, что эти люди, впитав в себя существующую в обществе гомофобию, были полны ненависти к себе. Или они могут сказать, что эти люди испытывали постоянную пустоту, потому что не позволяли себе обрести счастье, найдя любовника. Но сколько себя помнил Чарли, эта жизненная сила всегда отсутствовала в его жизни, и он знал, что это связано с утраченной мужской самоидентификацией.

Во время курса психотерапии каждый клиент проходит через тяжелые периоды, во время которых я пытаюсь помочь осознать, что по окончании всей этой борьбы его ждет новая жизнь. Я нахожусь рядом с ним, пока он страдает от боли, которая всегда является частью лечения, и он спрашивает, снова и снова, почему именно он должен был пережить это. Прошло много месяцев, в течение которых Чарли не раз одолевали сомнения, сможет ли он перебраться на другую сторону горы.

В последний год своего лечения Чарли начал посещать групповую терапию, на занятиях по которой высказывал множество удивительно глубоких и пронизательных мыслей. Вскоре уважение, с которым к нему относились участники группы, стало особенно заметно: когда говорил Чарли, все слушали. Благодаря ясности своей речи и глубине мысли он приобрел положение всеобщего лидера. Чарли очень направлял обсуждения в группе в определенное русло. Он приобрел много друзей среди участников, поддерживая их, когда они сбивались с пути. Когда он выходил из моего офиса в последний раз, я знал, что я не единственный, кто будет скучать по нему.

Чарли Кинан изменился во многом. Он хотел с помощью репаративной терапии обрести опору в собственной мужской самоидентификации. Посредством этого он хотел уменьшить собственные гомосексуальные влечения. Всего лишь спустя два года он покинул мой офис навсегда, чувствуя, что он достиг того, чего хотел.

Я все еще храню в ящике стола лист бумаги, на котором Чарли записал некоторые свои размышления:

Терапия открыла мне глаза на ложь, навязанную мне неуверенностью в собственной мужественности. Терапия для меня была сложным процессом, который помог мне открыть правду, примерить ее на себя и прожить ее впервые в своей жизни. Терапия показала мне, что я являюсь полноправным участником клуба мужчин, потому что я родился мужчиной. Терапия помогла мне познакомиться с мужчинами, которые борются с тем же. Мы верим друг в друга и помогаем друг другу высвободить нашу мужскую энергию и идентичность, вместо того, чтобы придерживаться выдумки о том, что мы недостойны того, чтобы обладать здоровой мужской идентичностью, которой должны обладать все мужчины.

Прошедшие два с половиной года подарили мне чувство свободы и обретенной силы. Я удовлетворен своей мужественностью, и это чувство растет и укрепляется во мне:

1. Я больше не нуждаюсь в чужой мужественности. Вместо этого я восстановил свою.
2. Я больше не переоцениваю (сексуальное желание) и не недооцениваю (воздвигаю защитную

стену) мужчин в моей жизни. Вместо этого я стою рядом с ними на равных.

3. Я утратил чувство враждебности к отцу и теперь все больше идентифицирую себя с ним.

4. Теперь я говорю чаще и намного убедительнее.

5. В душе я чувствую себя менее угнетенным.

6. Я лучше контролирую свою жизнь. Я охотнее иду на риск.

7. Благодаря физическим упражнениям я нашел лучших друзей и теперь не смотрю на свое тело с неприязнью. Возможно, я никогда не смогу избавиться от некоторого жирка, который у меня остался с детства, но я привел свое тело в максимально возможный хороший вид.

8. Теперь я способен оценить женственность своих подруг, потому что их отличие от меня стало более явным.

9. Во всем я ищу источник мужской энергии и я нахожу способы подлинно переживать и выражать это изнутри, потому что это означает жить и исцеляться.

Я знаю, что есть гомосексуалисты, которые согласны с утверждением, что они родились такими. Я рискну возразить им: они вредят сами себе. Они отказываются признать, что им могла быть нанесена травма (как и любому другому человеку). Они отказываются изучить источники своей проблемы, потому что им может быть невыносимо видеть на каком этапе они, возможно сами того не сознавая, отказались от ответственности прожить жизнь такими, какими мы были созданы. Эти люди ослеплены греховной гордыней, которая заставляет их заблуждаться, полагая, что стыдно признаваться в своих проблемах. На самом деле это не так. На самом деле стыдно *не принимать* прощение и *отказываться* в прощении. Я простил тех мужчин, которые разочаровали меня, так же как я простил себя за все те годы, что бежал от самого себя.

Я надеюсь, что каждый мужчина, страдающий от гомосексуальности, найдет в себе силы принять благодать, которую обрел я сам. Именно эта благодать помогла мне понять, что мои гомосексуальные влечения не были тоской по другому мужчине, они были тоской по мужественной части меня самого.

Чарли до сих пор иногда посылает мне письма, и я всегда рад им. Все участники группы все еще скучают по нему.

5. Дэн — рассерженный мужчина

Моя секретарша Дженни постучала в дверь: «Пришел пациент, назначенный на шесть часов». Дверь раскрылась чуть шире, и Дженни просунула голову внутрь. «Этот парень выглядит немного... напряженным», — прошептала она.

Спустя минуту Дженни впустила в мой кабинет Дэна Прескотта. Это был высокий мускулистый человек лет сорока. Он размашистым шагом вошел в кабинет, бросив на меня пугающе пронизывающий взгляд своих карих глаз. В своих обтягивающих голубых джинсах и белой футболке с закатанными рукавами, обнажавшими бицепсы, он выглядел словно тинэйджер пятидесятых годов. Мы пожали друг другу руки и я указал ему на кресло, а сам уселся напротив.

Не успев опуститься в кресло, Дэн заговорил: — «Позвольте сразу ввести Вас в курс дела. Я не

хочу тратить время. Я знаю, что у психологов время — деньги». Он цинично рассмеялся.

Он наклонился вперед и отчеканил: «Я вел гомосексуальный образ жизни с шестидесятих годов. Все перепробовал. Сидел на наркотиках, на всякой дряни, пил. Переспал наверное с несколькими сотнями парней. Спустил всю свою жизнь к черту».

Он глубоко вздохнул и опустил глаза, неожиданно утратив свой напор. «Я пришел к выводу, что оно того не стоит». Он грустно покачал головой. «Боль остается слишком острой. Краткая надежда на то, что ты встретил того особенного друга, нашел любовь на всю жизнь...» Он замолчал, нащупывая мысль. «Что ж, я понимаю, что это невозможно».

Он остановился, ожидая от меня ответ. Поскольку я промолчал, он продолжил.

«В течение последних трех лет я работал над тем, чтобы бросить пить, и мне это практически удалось». Он не смог скрыть гордость, которая промелькнула в его глазах. Очевидно, ему было трудно гордиться своими личными достижениями.

«И что же привело Вас ко мне?»

«Я слышал о том, чем Вы занимаетесь здесь», — он обвел рукой комнату, — «и я подумал, что Вы могли бы помочь мне. Я хочу бросить секс с парнями так же, как я бросил наркотики и алкоголь. Для меня секс с мужчинами — лишь одна из форм зависимости».

Помедлив, он добавил: «Я подумал, что Вы могли бы дать мне какой-нибудь совет, кроме простого «Главное, скажите этому «Нет». Он издал короткий смешок.

Тут же взяв себя в руки, он продолжил: «Я хочу больше узнать о себе, хочу лучше узнать самого себя. И я хочу избавиться от этой непрестанной...грусти».

Когда я разговаривал с ним, Дэн часто смотрел на меня со жгучей злостью. Он, действительно, был одним из самых агрессивных людей, которые когда-либо входили в мой кабинет. Дэн легко раздражался и во всем видел попытку оскорбить его. Он едва сдерживал свою злость, и, казалось, был готов взорваться в любой момент. Однако, под этой яростью я нашел столь же сильный, почти парализующий страх, который он носил в себе с детства.

С самоиронией он рассказал мне, что работал «ассистентом ассистента продюсера» детского телевизионного шоу. Постепенно я узнал его историю борьбы с зависимостью от случайных связей с незнакомцами, которых он цеплял в магазинах порнографии или на улицах Западного Голливуда.

Со временем я понял, что злость Дэна служила защитой от уязвимости, сопряженной с настоящим интерперсональным конфликтом. Наблюдая за положением его тела в кресле, я обнаружил, что когда между нами устанавливалась эмоциональная связь, даже кратковременная, его беспокойство, проявлявшееся в произвольных жестах, тут же проходило. Он сидел спокойной и неподвижно. Его мысли становились более сфокусированными, удивительно проницательными и ясными. Для Дэна злость была формой защитной отчужденности. Она держала людей на расстоянии и защищала его от боли, которой он всегда опасался.

Он заявил: — «Я зол на своих друзей, боссов, на каждого из этих сукиных детей. Но никто не бесит меня сильнее, чем моя мать. Даже двухминутный визит к ней выводит меня из себя». Он напряженно заерзал в кресле.

«Например, недавний случай. Она всегда говорит, что я слишком редко к ней захожу. У меня есть ключ от ее дома, поэтому я могу войти сам, но при этом произвожу достаточно много шума. Она выходит в холл и подпрыгивает (Дэн изобразил пронзительный истеричный женский голос): «О, Боже мой! Это ты!» Она хватается за груди и начинает верещать: «Почему ты ничего не сказал?» Затем все то время, что я нахожусь у нее, она только и говорит о том, что мне нельзя забывать, что у нее чувствительная нервная система. Мне тут же хочется сбежать оттуда. Эта женщина всегда была ненормальной истеричкой!»

Взяв себя в руки, он продолжил: — «Я понимаю, что она старая женщина, но такое поведение типично для нее. Я все же не теряю надежды, что однажды она перестанет заикливаться на себе и на своей истерике и поймет намек».

«Намек на что?»

Захваченный врасплох моим вопросом, Дэн некоторое время молчал, а затем с горечью промолвил: «На то, чтобы увидеть меня... Подумать обо мне».

«Признать Вас», — кивнул я. Я продолжил, обращаясь к нему: «Мама, это я, твой сын! Неужели ты не можешь забыть о своих нервах на минуту и вспомни, что перед тобой стоит твой сын?» Вы это хотите ей сказать?»

Дэн кивнул. Выражение его лица подсказало мне, что я правильно его понял.

Из рассказов Дэна о своем раннем детстве было ясно, что его мать относилась к нему совершенно безучастно. Страх быть брошенным вызывал в нем ощущение пустоты и злость, которую, казалось, ничто в его жизни не могло унять.

Дэн сказал: — «Есть такой музыкальный инструмент — индийский ситар, на котором исполняется только одна нота — шрути, которая повторяется снова и снова». Он покачал головой в такт своим словам. «Моя нота шрути — «Я не получаю то, что есть у остальных людей. У меня не складываются отношения».

«Та же неудовлетворенность, злость, горечь и разочарование, что всегда бурлит под самой поверхностью», — согласился я. — «На какое-то время Вы можете найти отдушину — какое-то отдохновение — но затем, когда отдушина закрывается, оказывается, что это нота все еще звучит на заднем фоне».

На какое-то время Дэн перестал ерзать, и его лицо утратило злое выражение, и мне показалось, что его губы дрогнули в улыбке.

Через неделю Дэн опять, едва плюхнувшись в кресло, начал изливать душу. Хотя между нами еще не установился эмоциональный контакт — в действительности, часто он игнорировал то, что я ему говорил — он без смущения делился со мной тем, что его беспокоило.

«Сколько я себя помню, между мной и отцом всегда шла своего рода борьба» — сказал он и подкрепил свои слова, ударив кулаком в воздух. «Контакт между нами устанавливался только тогда, когда между нами возникало противостояние. Это часто происходило за обеденным столом, и началось еще в те времена, когда я ходил в подгузниках. Я просто отказывался есть. Начиналось противоборство. Он собирался заставить меня есть, а я отказывался. Меня могли заставлять сидеть за столом часами. Это превратилось в испытание силы воли. Оно могло длиться часами — он орал на меня, а я плакал. Мама как обычно ударялась в истерику и была абсолютно беспомощна».

«Из-за чего, по-Вашему, возникало противостояние?» — спросил я.

«Вопрос заключался не только в питании, я знаю», — он покачал головой, не зная, что сказать.

Я подтолкнул его: — «Как бы то ни было, наверняка, это было важно. Представьте, какой эмоциональный ущерб был нанесен Вам, еще ребенку, который при этом определенно был голоден».

Дэн беспомощно пожал плечами.

«По какой-то причине борьба с отцом имела для Вас большое значение».

«Наверное».

«Потому что Вы сопротивлялись ему не просто ради того, чтобы проявить упрямство. Вы отстаивали жизненно важную часть своей личности — Вашу независимость и автономность. Негативное внимание — лучше, чем отсутствие всякого внимания. Вы предпочли выступить против своего отца для того, чтобы как-то привлечь его внимание».

Дэн ничего не ответил.

Я продолжал: «Хуже всего то, что эта борьба была обречена на провал. Вам казалось, что Вы добиваетесь независимости, но вместо этого Вы оказались втянуты в саморазрушительный поведенческий паттерн.

Я ясно понимал, что ссоры Дэна с отцом выработали в нем на всю жизнь привычку испытывать враждебное отношение к мужчинам. Он агрессивное поведение с мужчинами было своеобразной попыткой привлечь к себе внимание и добиться признания. Он обвинял женщин в неверности, слабости и склонности манипулировать мужчинами; мужчины же казались ему интересными и притягательными и при этом недостижимыми.

«Мой отец! Мой отец! Одна мысль о нем заставляет меня плакать. Он был лишь большим, толстым, неряшливым, горластым болваном. Он напоминает мне Джеки Глисона. Он обладал добрым сердцем, и при этом он был скотиной. У него не было друзей, однако большую часть времени он не хотел видеть даже нас, своих детей. «Треклятые ублюдки! Заткните свои рты! Убери их отсюда!» — кричал он маме прямо перед нами. Просто подонок! Я ненавижу его. Представьте себе, когда он умер, мои дали мне его фотографию. Но я не хочу, чтобы в моем доме висела фотография этого человека!»

Смягчившись, он добавил: — «Но я скучаю по нему».

«Вы испытываете злость...» — сказал я.

«Да».

«Любовь и злость».

«Да. Возникает конфликт. Любовь-ненависть».

«Которая превратилась в ненависть к самому себе», — прибавил я.

Возникла долгая пауза.

Неожиданно Дэн сказал: «У нас на работе есть ярко выраженный педик по имени Тайрон. От

одного его вида меня тошнит. Я смеюсь и подшучиваю над ним вместе с другими парнями. Вы вечно издеваемся над беднягой, и я говорю что-то вроде: «Ой, только бы меня не трогал», — и хохочу. Мне не хочется, чтобы меня идентифицировали с Тайроном, и мне не хотелось бы, чтобы меня влекло к парням, так как влечет его. Но мне нравятся мужчины. И мне не нравится мастурбировать на мужчин. Я застрял в этом и хочу выбраться. Я разочарован и зол. Я знаю, что если кто-то назовет меня педиком, то я выблюю ему зубы! Во мне много этой злости».

«Помните, что представляют собой эти чувства к мужчинам», — сказал я. — «Это абсолютно естественные и понятные стремления к мужской любви и пониманию. Конечно, Вам нужны мужчины — Вы недополучили любовь и понимание от мужчин, когда были молоды и ранимы. В Вас таится глубокая боль, которая вызывает эти чувства».

Дэн еще не был готов признать эти желания. Он издал уже знакомый циничный смешок, словно пытаясь показать, что такие мысли совершенно его не посещают.

Месяц спустя Дэну пришло в голову воспоминание, которое, как ему казалось, имело большое значение. «Это был подвал», — сказал он задумчиво. — «Мне все еще снятся сны о том подвале. У нас была ферма недалеко от Сиу-Сити. Подняв шатающийся люк, можно было спуститься по скрипучим ступеням в темный и сырой подвал. Папа сбегал от нас и проводил все время в мастерской. Мне нельзя было ходить туда — я мог сломать инструменты или пораниться. Так он мне сказал. Поэтому я лежал наверху на животе и смотрел оттуда, как папа работает. Все происходящее внизу казалось мне окутанным тайной. Никогда не забуду это ощущение. Потом папа разрешил двум моим старшим братьям помогать ему. Они работали вместе и смеялись. Тайна была связана даже не с тем, что происходило в подвале... Тайной было то, кем являлся мой отец, потому что до сих пор я не понимаю его». — Он запнулся. — «Я даже не уверен люблю я его или ненавижу».

«Он не позволил Вам войти в мир мужчин», — сказал я. — «Он никогда не учил Вас развивать свою мужественность».

Он повторил задумчиво: — «Сны о подвале — о папе. Когда я думаю о папе, я вспоминаю подвал».

Дэн продолжил: «Если бы меня попросили нарисовать картину, в которой было бы выражено все мое детство, я изобразил бы себя пытающимся разглядеть в темноте своего отца и братьев. Я был изгнан не только из подвала, я был изолирован и в других аспектах. Я помню, как-то воскресным утром мой брат Дик подозвал меня: — «Знаешь, что папа делает там внизу?» Я спросил: — «Что?» Но он не ответил, он лишь дразнил меня».

Он задумался на мгновение, затем добавил: — «Такие же чувства вызывают у меня и мужчины».

Сколько раз я слышал, как гомосексуалисты описывают мужчин, как будто окутанных тайной? Как и отец и братья Дэна, работающие в подвале, мужчины интригуют и волнуют. Естественное любопытство мальчика и здоровое желание общаться с мужчинами позже эротизируется.

По прошествии нескольких месяцев я начал видеть в Дэне его ранимость, скрывавшуюся под маской нелюдящего, высокомерного человека, каким он впервые предстал в моем кабинете. Вскоре я уже не удивлялся, когда Дэн плакал на занятиях.

В ходе нашей работы мы смогли вызвать много подавленных болезненных воспоминаний о его

отце. Во время одного занятия Дэн вскочил с кресла и, имитируя своего отца закричал прямо мне в лицо: — «Не думай, что ты можешь противостоять мне. Ты — ничтожество!»

Он проревел еще раз: — «Ты ничтожество!», и показал мне свой мизинец: — «Вот твой размер. Даже не думай перечить мне!»

Рухнув опять в кресло, он продолжил: — «Помню, когда мне было всего лишь четыре года, я устроил шум из-за чего то и он наорал на меня: — «Тебе не нравится что-то? Тебя что-то не устраивает? Вон! Вон из моего дома, парень!»

Он уставился на меня широко раскрытыми глазами с ошарашенным, растерянным видом. На мгновение его злость исчезла, и он стал похож а мальчика, охваченного парализующим ужасом. Я видел, что Дэн, напряженный, холодный, злой Дэн, был напуган до глубины души.

Отец Дэна принадлежал к тому редкому числу отцов, которые слишком часто подавляют своих детей с помощью наказаний, даже жестокости. Такие отцы используют ребенка в качестве более слабого соперника для того, чтобы усилить собственное ощущение силы. У большинства моих клиентов отцы не были столь враждебны к своим детям, они были лишь неадекватными, пассивными и замкнутыми. Многие из таких отцовских черт были описаны в классическом исследовании психиатром Ирвином Бибером.

«Иногда отец пытался помочь мне с моей домашней работой. Он усаживал меня за столом на кухне и заставлял заниматься домашней работой до тех пор, пока мне не удавалось придумать решение. Я плакал, а он все давил на меня: — «Заткнись и *подумай*. Так ты решишь задачу». Он считал, что таким образом помогает мне».

Возникла пауза. «Я ненавижу его всей душой», — голос Дэна неожиданно зазвучал хрипло. Некоторое время он молчал. «Ну, почему я не могу говорить о своем отце?»

Помимо нерегулярных пугающих нападков со стороны отца, Дэн описал непрерывное ежедневное равнодушие со стороны матери и отца. Как многие остальные мои клиенты Дэн ощущал, что его не воспринимают всерьез. На одном из занятий он сказал: — «Я никогда не чувствовал, что сам я что-то для них значу. Я думаю, что ни мама, ни папа никогда *не знали* меня. Даже мои чувства извращались и понимались неверно». В этих словах я усмотрел причину искаженной самоидентификации, так часто сопутствующей гомосексуальному отклонению. Ощущение того, что тебя не воспринимают всерьез, служит основанием ложной самоидентификации, которая так часто проявляется в гомосексуалистах.

«Помните, Джо, в шестидесятых были такие прически, когда волосы стригли квадратом, не закругляя линию волос на затылке, а оставляя острые углы?»

Я кивнул.

«Когда мне было примерно тринадцать, я попросил парикмахера, оставить мне квадратный затылок. Думаю, что я просто хотел выглядеть модно. Когда я вернулся домой, мама начала кричать: — «Какой ужас! Ты считаешь, что ты какой-то малолетний хулиган?» Она отвела меня обратно к парикмахеру и потребовала, чтобы углы срезали. Он фыркнул. «Это был один из самых унижительных моментов в моей жизни. После этого, Джо, я больше не ходил к тому парикмахеру».

Дэн продолжил: — «Я никогда не чувствовал, что меня слышат или понимают, и я думаю, что это чувство осталось во мне. На планерках в студии я часто говорю чрезмерно мелодраматичные, преувеличенные слова для того, чтобы донести до людей простую мысль. Я

вынужден преувеличивать для того, чтобы меня заметили. Мне кажется, будто мне приходится прилагать дополнительные усилия для того, чтобы быть услышанным».

Я кивнул: — «Когда Вы высказывали свое мнение, суждения и решения то их отвергали или не принимали в расчет».

Доктор Герард ван ден Аардвег заметил, что у гомосексуалистов часто наблюдается склонность к чрезмерной драматизации. Страх того, что их действия не будут замечены так же может объяснять преувеличенное, пафосное поведение, которое часто встречается в гей-культуре. Парады в защиту прав гомосексуалистов, протесты и демонстрации, якобы организуемые для того, чтобы быть услышанными общественностью, часто проводятся в театрализованной, эпатажной, карнавальной форме. Кто-то однажды метко заметил: «Гомосексуалисты — такие же, как и все остальные люди, только они чуть более люди, чем все остальные».

Как и многие будущие геи, Дэн в детстве выработал стереотипное ложное поведение послушного и покладистого хорошего мальчика. Его примерное поведение, однако, прерывалось вспышками ярости. Часть его личности, изображавшая «проблемного ребенка», была такой же фальшивой, как и личина примерного мальчика, поскольку эта роль была порождением дисгармоничных семейных отношений. Вспышки ярости прерывали периоды тихой замкнутости всякий раз, когда он проникался чувством ненужности и непонятости, которые присуще многим будущим гомосексуалистам.

Перепады настроения между яростью и тихим отчаянием стерли его подлинные, непосредственный, отзывчивый, веселый характер. Когда я пытался понять, что заставило этот характер исчезнуть, я ощущал ту же ярость, что и маленький Дэн, который сидя на своем детском стульчике, отказывался съесть обед.

С течением времени Дэн становился спокойнее и уже лучше понимал себя. Он начал понимать некоторые факторы, которые предопределяли его поведение. Он понял, что его злость — лишь прикрытие для страха быть брошенным, заложенный в нем отношениями с матерью. Будучи озабочена собственными делами и желаниями, она практически забросила Дэна.

Хотя основу для глубоких характерологических проблем Дэн заложила его мать, ответственность за что, Дэн испытывал сексуальное влечение к мужчинам, нес его отец. Гомосексуальные наклонности, которые появились у Дэна во взрослом возрасте, были попыткой пересечь пропасть между ним и другими мужчинами, которую символизировал подвал.

Дэн сказал: — «Я оглядываюсь назад и понимаю, что моя гомосексуальность вызвана желанием принадлежать к обществу мужчин, быть связанным с ними. В начале я искал вовсе не секса».

Он помедлил, пытаясь лучшим образом облечь важное воспоминание в слова. «Помню, когда я учился в старших классах, я хотел подружиться с парнем по имени Джерри, но он не хотел общаться со мной. Обычное дело». — Он повысил голос: — «Но это был просто ад. Я испытывал ужасное одиночество. Однажды я не сдержался, сказал ему: «Знаешь, я хочу тебя!» Я плакал. Когда я думаю об этом теперь, я понимаю, что он был просто хорошим парнем, с которым я хотел дружить. Но я не знал, как можно дружить — без секса». Дэн рассказывал об этом с беспомощным выражением, широко раскрыв глаза.

Я кивнул, ничего не сказав.

«Вспоминая об этом», — сказал он. — «Я понимаю, что секс с парнем был способом заполнить пустоту. Секс давал эмоциональную разрядку. Мне нужен был секс для того, чтобы хотя бы на мгновение пробиться со своим чувством к мужчине».

«Желание быть обнятым», — сказал Дэн с отчаянием. — «Так сильно хочется этого контакта. Это желание до сих пор остается. Долгое время оно не был сексуальным. Я просто хотел... ну, обнять парня».

Он продолжил: — «Несколько месяцев спустя после окончания школы, я встретил в баре парня. Я был пьян и после того, как мы занялись сексом, заплакал и рассказал ему о Джерри» — Он рассмеялся. — Я напугал парня. Он, наверное, подумал: — «Да я какого-то чокнутого подцепил!». Больше я того парня не видел. Наверное, он был рад от меня избавиться. Но я испытал большое облегчение после той ночи, словно наконец-то я удовлетворил насущную потребность».

«Залечил рану, боль внутри себя...» — продолжал Дэн. — «Я всегда хочу показать ее кому-нибудь, чтобы они вынули ее из меня. Но когда я встречаю кого-то, кто мог бы извлечь ее из меня», — он раздраженно отчеканил слова: — «Я не-мо-гу-вы-нуть-ее-из-се-бя».

«Мне всегда скучно с людьми», — продолжил он, нервно ерзая в кресле. — «Всегда. Я всегда испытывал скуку и беспокойство, начиная с раннего детства. Даже, когда я с парнем, который мне нравится, я вскоре начинаю испытывать скуку, словно я просто убиваю с ним время в ожидании, когда я повстречаю идеального парня, который заменит его». — Он сделал паузу. — «Но я знаю, что такого парня нет. Это все лишь несбыточная мечта».

«Вы чувствуете себя опустошенным, озабоченным чем-то».

«И сбегаю от этого ощущения».

«Как вы сбегаете от него?»

«При помощи обычных вредных привычек: наркотики, алкоголь, случайный секс с мужчинами». Он на мгновение задумался, затем добавил: — «В тех нескольких случаях, когда я был с парнем несколько недель, мои отношения с ним носили разрушительный, зависимый характер. Чем больше я получал, тем больше хотел — мне всегда было мало».

«Потому что это было не то».

Дэн, казалось, не понял меня.

Я пояснил: — «Если бы это было то, что нужно — подлинным самоутверждением — то вы нашли бы в этом удовлетворение. Но то, что не является верным — романтический полет, чрезмерная идеализация — никогда не удовлетворяет. Оно приносит лишь временную радость. Смягчает боль одиночества».

Дэн кивнул в знак согласия.

«Помимо этого присутствует желание обладать, не просто быть рядом, но *владеть* им. Вы начинаете воспринимать его, как недостающую часть самого себя».

Дэн грустно рассмеялся: — «Очень скоро я обнаруживаю, что я начинаю перенимать черты его характера. Начинаю имитировать его. Неужели я так отчаянно нуждаюсь в собственной идентификации, что я обращаюсь к другим парням, чтобы они сказали мне, кто я есть?» — Он

фыркнул. — «Это стало настолько унижительным, что я просто завязал со всякими отношениями».

В рассказе Дэна снова проявились три неудовлетворенные в детстве потребности, которые лежат в основе гомосексуального поведения: потребность в нежности, потребность во внимании и потребность в поощрении. Для каждого клиента степень значимости этих трех потребностей может варьироваться для каждого клиента. Однако, каждая из них является проявлением тяги мужчины к мужской самоидентификации.

У таких мужчин как Дэн, которые в детстве ощущали острый недостаток внимания, гомосексуальные влечения являются проявлением не только необходимости в мужском самоидентификации, но и в личностной самоидентификации. Тяга к идентификации Дэна была настолько сильной, что он часто оказывался заключенным в ловушке зависимости от отношений, вызывавших в нем чувство уязвимости.

Значительное число гомосексуальных клиентов оказываются в зависимых отношениях и испытывают проблемы от постоянного вторжения партнеров во внутренний мир друг друга.

Я часто думаю, что это связано с тем, что гендерная идентификация тесно связано с формированием эго. Человек, обладающей слабой гендерной идентификацией, также вероятно будет иметь слабое представление об индивидуальности и праве на личную зону.

Экзистенциальная проблема гомосексуалиста состоит в том, что до тех пор, пока он полностью не идентифицирует себя с мужчинами, он будет испытывать к ним эротическое влечение. Однако, он не может идентифицировать себя с мужчинами, пока продолжает эротизировать их. Для того, чтобы идентифицировать себя с мужчинами, он должен *подавить свою склонность к эротизации* мужчин. Единственным способом для мужчины сделать мужественность составляющей частью своей личности — это завязать взаимную дружбу с мужчинами, лишенную секса и построенную на доверительности, поддержке и товариществе.

Обратившись к психотерапевту-мужчине, гомосексуалист, возможно, впервые в жизни надеется найти мужчину, который понимает и поддерживает его. Благодаря отношениям с психотерапевтом своего пола и пониманию участников групповой терапии, преследующих схожие цели, он может начать работу, направленную на восстановление того, что ему не дали прежние отношения с мужчинами.

При всех случаях гомосексуализма успешное лечение в значительной степени зависит от построения близких, не-сексуальных отношений с мужчинами. Клиент должен преодолеть свою защитную отчужденность, чтобы сгладить свое двойственное чувство любви/ненависти к мужчинам, если он намеревается разрешить проблему своей гомосексуальности. Дэн описал именно такую двойственность во время одного из занятий:

«Я не хочу ни от кого зависеть. Я всегда испытываю желание оттолкнуть человека. Мне нужны друзья, но я не хочу иметь друзей. Недавно Brent пригласил меня зайти к нему после работы. Я согласился, но уже через несколько минут я подумал: «Да пошел ты! Не хочу тебя видеть! Зачем мне идти домой к этому недоумку?» Поэтому я сослался на неожиданно возникшие дела и сказал, что буду занят.

«Поэтому Вы пошли домой, назад в свой маленький изолированный мирок», — напомнил я ему.

«Да. Почему я не могу быть нормальным? Мне нужны друзья», — сказал Дэн. — «Мне нужны вы». — Возникла долгая и мучительная пауза. — «Мне было трудно сказать это».

Как-то Дэн рассказал о необычной поведенческой модели: — «Та история с Джерри, о которой я Вам рассказывал, когда я плакал перед другим парнем, случилась почти двадцать лет назад. С тех пор, мне кажется, я стал относиться к любви циничнее. В последние несколько лет меня стали привлекать парни, которых можно было бы назвать доминирующие. Как правило, это мужчины старше меня и обладающие властным характером. Но, когда за нами закрываются двери и мы остаемся наедине, мне нравится меняться с ними ролями». Он хихикнул.

«Поясните»

«Мне нравится осознавать, что я могу одержать верх над человеком, который пытается контролировать меня. И хотя этот человек играет доминирующую роль, но когда дело доходит до секса принимать решения начинаю я».

«Как Вы овладеваете контролем?»

«Мне нравится... е... мне нравится решать, поцелуемся ли мы. Я решаю, чем мы будем заниматься в постели. Мне нравится убеждать своего партнера делать то, чего он хотел бы избежать, делать вещи, которые кажутся ему унижительными». — Он помолчал, словно пытаясь оценить мою реакцию. — «И если парню не хочется, чтобы им овладевали, я уговариваю его позволить мне овладеть им». — Он слегка улыбнулся. — «Доминирование, способность заставить парня подчиниться мне дает чувство глубокого эмоционального наслаждения. Я испытываю особую удовлетворенность при этом. И я никогда не выдаю ему свои эмоции».

«То есть?»

«Например, когда я кончаю, я не показываю своего удовольствия».

«Почему?»

«Это связано с контролем. Мне нравится показывать, что я могу скрывать свои чувства».

Дэн начал признавать злость, которую он испытывал к тем самым людям, с помощью которых искал сексуального удовлетворения. Это садомазохистская черта, часто проявляющаяся у гомосексуалистов, связана с образом недоступного отца, по которому мальчик тоскует и которого в то же время презирает.

Дэн проходил терапию в течение многих месяцев, анализируя свои чувства к отцу и матери. Ему было необходимо вернуться к этим глубоким чувствам любви и болезненной зависимости для того, чтобы излечиться. Раскрытие этих чувств с помощью безопасных и доверительных отношений были единственной возможностью освободиться от ощущения пустоты внутри, с которой он жил. Как и все люди, чья структура характера пострадала в детстве от пренебрежения со стороны родителей, Дэну пришлось проделать мучительную работу над собой, чтобы заполнить эту пустоту. Он теперь осознавал, что пустота в его сердце не может быть заполнена наркотиками, алкоголем или гомосексуальными отношениями. Если прежде он был охвачен извечной мечтой геев о том, чтобы найти идеального партнера, единственное идеальное решение, идеальную дозу лекарства, то теперь он осознал, что действительное лечение возможно путем накопления положительных эмоций, т. е. впитыванием в себя радостных эмоций от здоровых отношений.

Как он сказал во время одного из сеансов групповой терапии: «Гомосексуальная жизнь — это как употребление амфетаминов. Кратковременное ощущение взлета, которое в итоге оказывалось разрушительным для моего духа».

Постепенно Дэн примирился в мыслях со своим отцом. Хотя процесс был болезненным, ему было необходимо это для того, чтобы обрести мир с самим собой.

В злости, которую гомосексуалист испытывает к своему отцу, присутствует особая черта. Хотя гетеросексуалы также часто признают, что имеют проблемы с отцами, я заметил, что их обида к отцам качественно иная. Обида гетеросексуала на отца обычно сдерживается способностью понять недостатки отца. Гомосексуалист же таит глубокую обиду, злость и острое страдание, которые мешают ему увидеть своего отца таким, какой он есть.

Часто многие клиенты приходят к неверному заключению, что для того, чтобы развиваться и меняться, они должны добиться признания от своего отца в настоящем. Ошибка основана на подсознательном предубеждении, что отец обладает ключом к излечению сына, что опять является проекцией образа всемогущего отца. Важным шагом в развитии клиента является осознание того, что теперь *он сам*, а не отец, обладает властью, которая позволит ему идентифицировать себя как мужчину. Клиенту также нужно напоминать, что ущерб был нанесен ему не только его отцом, но и *своими собственными действиями* тогда, когда он был маленьким мальчиком, посредством своей защитной отчужденности. Отцы многих моих клиентов, действительно, считают, что их сыновья с самого раннего детства *отвергают* их.

Я побуждал Дэна отказаться от своей защитной реакции по отношению ко всем мужчинам, начиная со своего отца. Простить отца было нелегкой задачей. Часто для этого необходимо принять отца со всеми его недостатками, включая неспособность проявить достаточно любви, заботы и понимания.

Многие клиенты должны принять тот факт, что их отцы не могут стать такими, какими они хотели бы их видеть. Один из моих клиентов так описал это: «Я знаю, мой отец никогда не станет другим. Я постараюсь быть настолько близким ему, насколько я могу. Но раз он не может дать мне эмоциональное тепло, мне придется искать его в других мужчинах».

Для молодого человека признание необходимости раз и навсегда отказаться от мечты когда-нибудь почувствовать отцовскую любовь может оказаться подобно смерти. Понять, простить и полюбить своего отца, как это ни иронично, значит стать отцом для своего отца, дать отцу то, в чем он сам, его сын, так сильно нуждается. Часто сочувствие к отцу рождается из понимания того, как к отцу относился его собственный отец.

Почти все мои клиенты указывают, что их отцы немного могли рассказать о своих отцах. Образ «отца-призрака», не участвующего в воспитании сына и чья роль в семье сведена к минимуму, часто прослеживается от отца к деду и прадеду. Таким образом, гомосексуальность человека может брать начало в предыдущих поколениях.

Я нахожу интересным то, что гей-идеологи продолжают отрицать существование этого важного общего деноминатора — проблемы в отношениях между отцом и сыном. В действительности в гомосексуальной психологии упрямо игнорируется значимость роли отца.

Самооценка Дэна на протяжении трех лет, что он проходил терапию, продолжала расти. «Я должен продолжать работать над своим отношением к себе. Это необходимо для моего благополучия. Без этого у меня нет надежды выжить», — сказал он мне. Он научился строить доверительные отношения, избегать боязни предательства. Постепенно он перестал применять агрессивное защитное поведение в отношении меня, участников группы и всех остальных мужчин в своей жизни.

Его второй важнейшей целью было продолжение развития близких отношений с мужчинами,

не построенных на сексе. По мере того, как эти нужды начали удовлетворяться, он сказал мне: — «Впервые в жизни я считаю возможным начать отношения с женщиной».

До начала терапии Дэн уже три года не употреблял наркотики и алкоголь. Как он сказал на нашем первом занятии, его следующей целью был целибат, то есть то, что он называл «сексуальной трезвостью». После первого года терапии он достиг своей цели сексуального воздержания, за исключением редких случаев мастурбации на гомосексуальные фантазии. Критики репаративной терапии могут сказать, что Дэн попросту подавлял свои желания, не давая им выхода. Однако для Дэна активная сексуальная жизнь разрушила бы тщательно выстроенную структуру отношений. Он не мог контролировать данный аспект отношений. В его случае решение соблюдать целибат во время прохождения терапии было очень разумным. Как она часто говорил мне: — «Так просто легче жить».

Сексуальное воздержание было достигнуто при помощи соблюдения определенного режима: посещения еженедельных индивидуальных занятий, а также еженедельной групповой психотерапии; продолжения участия в группе Анонимных Алкоголиков и развития несексуальных отношений с мужчинами. Он также продолжал ходить в церковь и стал регулярно заниматься бегом.

Режим был необходимым методом в лечении Дэна. Благодаря определенному режиму он постепенно научился большому доверию, научился говорить людям о своем душевном одиночестве. Он понял, что со временем в процессе возмужания и через структуризацию жизни боль утихает.

Но хотя структуризация помогла Дэну достичь цели воздержания, воздержание является лишь одним из шагов к излечению. Для того, чтобы излечиться, Дэну необходимо было постепенно накапливать в себе дозы положительных эмоций. С помощью терапии он научился ближе подпускать к себе людей, и в свою очередь научился видеть не только свою боль и таким образом научился сочувствовать переживаниям других людей.

Эмоциональная депривация, которую Дэн испытывал в раннем детстве, и вызванное ею нарушение формирования характера лежали глубже, чем его сексуальные проблемы. Действительно, его характерологическая травма представляла собой более серьезную проблему, чем гомосексуальность и потому не могла быть излечена быстро. Во время терапии нечасто встречаются гомосексуальные клиенты с характерологическим дефицитом. Их боль лежит очень глубоко, и терапевтическая работа с ними особенно трудна.

К моменту завершения наших занятий, Дэн более ясно осознавал разницу между своими подлинными нуждами и ложными целями.

Во время нашего последнего занятия он сказал: — «Воздержание помогает мне избежать проблем, но теперь я знаю, что только близость между двумя людьми может дать исцеление».

6. Стив — в поисках символов мужественности

Стив был привлекательным молодым человеком двадцати четырех лет с внешностью студента. На свое первое занятие он пришел в обтягивающих брюках цвета хаки, рубашке в тонкую полоску и галстук. Хотя Стив был очень красив, в его движениях проскальзывала некоторая деланность, даже женственность. Он работал в преуспевающей лос-анджелесской адвокатской фирме.

У Стива была обаятельная манера общения, которая привлекала к нему множество людей.

Однако, под видимой энергичностью он скрывал чрезвычайно беспокойную, депрессивную сторону своей натуры, а также внутреннюю мягкость и пассивность, которая его особенно раздражала.

Любовь Стива привлекать к себе мужское внимание в сочетании с его внешностью старшекласника делала его чрезвычайно популярным в гей-кругах. Он рассказал мне, что ведет бесшабашный образ жизни с бесконечной чередой кратковременных связей, который вызывал в нем ощущение утраты контроля и делал его очень несчастным.

Мужчины-гомосексуалисты часто жалуются на то, что утрачивают контроль над собой.

На первом занятии Стив описал типичное для таких случаев окружение в детстве: безвольный, не имеющий влияния в семье отец, близкие отношения с матерью, склонность во всем потакать сыну. У Стива было еще два старших брата, с которыми он никогда не ладил.

Стив лучше манипулировал людьми и был более общителен, чем большинство моих клиентов. В его характере в некоторой степени присутствовал нарциссизм, т. е. он оценивал людей соответственно тому, насколько они потакали его самолюбию. Стиву нравились только те люди, которым удавалось удачно польстить ему. Ко всем остальным он относился с пренебрежением. Учитывая такую черту характера, для лечения Стива должны были потребоваться большие усилия.

Стиву всегда необходимо было ощущения контроля над людьми, однако, в отношениях с мужчинами он постоянно утрачивал контроль над собой и ситуацией. В действительности он всегда оказывался в невыигрышном положении манипулируемого партнера. Сочетание пассивности и жажды положительной оценки со стороны посторонних вызывали в нем болезненное противоречие.

На первом занятии Стив пожаловался: — «Внутри я ощущаю себя таким слабым. Человек, который сильнее меня, может просто сбить меня с ног. Эта проблема была у меня всю жизнь. Я чувствую, что мне не хватает толчка вперед».

«Вам нужно, чтобы Вас подтолкнул вперед *мужчина*» — поправил я.

Он задумчиво кивнул. «Можно сказать, что для меня секс с мужчиной служит...» — он помедлил, словно подбирая слова: — «Это подтверждает, что я выгляжу хорошо, что я нравлюсь парням. Понимаете, секс с мужчинами — действительно очень прост и спонтанен», — он щелкнул пальцами, — «и он дает мне ощущение, жизни».

«Жизни?» — переспросил я.

Он ответил, смущенно рассмеявшись: — «Да. То, что я занимаюсь сексом, означает, что я общаюсь с людьми. Я не изолирован», — и добавил грустно: — «Но на самом деле я остаюсь изолированным».

Затем он сказал: — «Я верю в то, что Вы сможете помочь мне начать чувствовать себя как мужчина». Его голос звучал грустно. — «Меня поражает то, насколько я не уверен в себе как в мужчине». — Он добавил, — «Но мне, по крайней мере, уже стало лучше оттого, что я принял решение прийти сюда и разобраться в своих проблемах».

Нарциссизм — это чрезмерное эмоциональное поощрение своей собственной самооценки. Человек, страдающий нарциссизмом, защищается от боли, прикрываясь материализмом, пристальным вниманием за модными тенденциями, помимо этого он чрезвычайно озабочен своей внешностью. Подобный эгоцентризм распространяется и за пределы его внутреннего

мира, проявляясь в тщательном выборе автомобиля, дома, предметов интерьера и всех прочих деталях, которые он может сделать отражением собственной сущности. Чрезмерная озабоченность внешним имиджем для человека, страдающего нарциссизмом, является способом защититься от внутреннего ощущения уязвимости. Гомосексуальность часть сопровождается нарциссизмом, поскольку оба отклонения вызваны болезненными отношениями с родителями в раннем детстве. На этом этапе их самооценке была нанесена глубочайшая травма, которая и привела к необходимости постоянного самоутверждения.

Так же как тело посылает больше крови к месту ранения, также и душевные силы фокусируются на излечении психологической травмы. Человек, с пострадавшей самооценкой, навсегда остается сконцентрирован на том, чтобы прикрыть эту рану; в результате, так же как и с телесной раной, возникает гиперкомпенсация, в данном случае в форме напыщенного самолюбования.

Люди с пострадавшей самооценкой оценивают остальных в зависимости от того, берегут они их рану или напротив смягчают ее последствия. Те, кто не способен повысить их самооценку, утрачивают в их глазах всякое значение. Такие отношения строятся не по принципу «Я — Ты», а по принципу «Я — Это». В гомосексуально-ориентированных мужчинах это проявляется в спонтанных поисках анонимного секса.

Когда Стив описывал свои отношения с другими мужчинами, он говорил, что быстро разочаровывался в них, как только обнаруживал в каждом из мужчин что-то немужественное.

«Я всегда ищу чудо — мужчину, который соответствовал бы моему идеалу».

«Расскажите мне о Вашем идеале».

«Дайте подумать». — Он собрался с мыслями и произнес: — «Мужественность. Он должен быть очень уверен в себе. Очень собранным. Надежным». — Он добавил: — «Но таких мужчин немного, поэтому выбор у меня был ограничен».

Я спросил его: — «Почему для Вас привлекателен именно такой тип мужчин?»

Он ответил после некоторого замешательства: — «Ну, потому что самому мне этих качеств не хватает. Поэтому меня притягивают те, кто ими обладают. Так было с самого детства».

«Именно», — сказал я. — «Вы понимаете, что Ваше влечение к ним является проекцией Ваших представлений о мужественности».

Он кивнул: — «Я хочу, чтобы они были мужественными, сильнее, чем я, и когда я вижу, что они такие же, как я, это кажется мне таким большим недостатком, что я тут же их бросаю».

Затем Стив долго говорил о своих неудавшихся отношениях, и прежде, чем я успел сказать что-то в ответ, наступил время заканчивать наше первое занятие. Поднявшись с кресла и шагнув к двери, он признал: — «Я понимаю, что мое поведение — ненормально». В его голосе слышались грусть и усталость. «И я знаю, испытываю себя одиноким большей частью поэтому». Он пытливо посмотрел на меня: — «Я просто надеюсь, что Вы и есть тот, кто сможет помочь мне».

После нескольких месяцев терапии Стив прекратил ввязываться в скоротечные романы. Мы оба были очень рады его успеху. Однако, у него не все было хорошо. В одно солнечное утро он вошел в мой офис и удрученно плюхнулся на свое привычное кресло.

«Сейчас я намного лучше контролирую себя в сексуальном плане», — сказал он. — «Я все еще нахожу мужественных, хорошо-сложенных мужчину сексуальными... все еще, могу оценить их красоту. Но теперь, когда я не испытываю влечения к такому мужчине, у меня *нет необходимости* обладать им. Но», — добавил он. — «моя *действительная* Ахиллесова пята — то, что я до сих пор испытываю одиночество. Для меня труднее всего».

Мы со Стивом начали обсуждать важность установления отношений с мужчинами, лишенных сексуальной составляющей. За прошедшие дни Стив многое понял, и даже его поведение изменилось. Однако, его пассивность и депрессия мешали ему в поиске друзей среди мужчин. Он чувствовал себя зашедшим в тупик.

Мы разговаривали о том, каким образом эти отношения должны отличаться от его отношений со своими любовниками. «Я проанализировал отношения, которые были у меня с мужчинами, с которыми я встречался, и я вспомнил, что когда я встречался с мужчиной, который казался мне очень мужественным и который принимал меня, я ощущал, что *моя собственная* мужественность возросла».

«Это одна из основных мотиваций гомосексуализма», — сказал я. — «Вы ощущаете, как Вы вбираете в себя энергию другого мужчины. Вот что символизирует фелляция. Таким образом Вы восполняете свой дефицит за счет мужественности другого мужчины».

«Но это чувство не длится долго». — сказал Стив. — «Оно преходяще».

«В том то и дело», — ответил я. «Когда мужественность эротизируется, она не может быть вобрана внутрь».

Стив взглянул на меня озадаченно и спросил: — «Но почему?».

«Потому что Ваш любовник остается эротическим символом, но не настоящим человеком, который может оказать на Вас влияние. Долговременная трансформация происходит, когда вы переживаете подлинную близость между двумя мужчинами. *Вот что* излечит Вас. Честная близость с мужчинами — вот чего в действительности желает гомосексуалист, но также это то, чего он боится. Честные отношения выведут Вас из разрушительной ловушки одиночества. Нам нужно уделить больше времени тому, как Вы можете начать такие отношения».

Неожиданно Стив отшел тему в сторону с раздосадованным вздохом: — «В общем... думаю, хочу сказать Вам, что у меня был ужасный день».

Я решил, что его утомили мои нотации о мужских взаимоотношениях, и потому спросил его: «Чем же был ужасен этот день?»

«Не хочу вдаваться в детали. Просто все было не так, все было против меня».

Он помолчал с минуту, затем сказал: — «Сегодня я видел сногшибательную пару сегодня». — В его голосе слышался оттенок зависти.

«И это усилило Вашу тоску и ощущение одиночества», — сказал я.

«Да. Я подумал: — «Ах, у них такие хорошие отношения. Они оба так хорошо выглядят». Мне стало жаль себя, жаль, что я не выписываюсь в общую картину. Я чувствовал это в течение многих лет», — признался он. — «Мне жаль себя, и я жду, чтобы люди тоже пожалели меня. В последнее время я ощущал себя настолько усталым от одиночества, что искушение стало сильным как никогда прежде».

«И жалость к себе дарит Вам повод для того, чтобы отказаться от воздержания, к которому Вы так стремились. «Ах, бедный я! Мне нужен перерыв. Мне нужно подцепить какого-нибудь парня и воплотить с ним свои фантазии». — Я продолжил, пытаюсь смягчить эффект своих слов. — «Вы понимаете, что жалость к себе может служить причиной подобных срывов?»

«У меня все еще нет хорошего друга среди мужчин», — сказал он печально.

«Значит, Вы действительно сами настроили себя на то, чтобы испытывать одиночество», — указал я. — «Вам нужны друзья, Стив. Вам нужны мужчины. Вы должны сделать какие-то шаги, чтобы добиться изменений».

«Думаю, да», — он вздохнул и грустно пожал плечами. Стив понимал, что отсутствие близкой дружбы с мужчинами, ведет к одиночеству, жалости к самому себе и случайным сексуальным связям. Он мог говорить не умолкая о проблемах, который заставляли его жалеть себя, но когда я советовал ему предпринять что-нибудь, он терял интерес к беседе. Хотя он обычно соглашался с тем, что я ему говорил, я подозревал, что мои слова не оказывали на него никакого влияния.

Стив мог рассказывать о себе бесконечно, насыщая рассказ драматичными деталями: воспоминания, переживания, одежда, мужчины, которые его привлекали, несправедливости, которые ему пришлось испытать. Однако, я не знал, затрагивало ли его то, что я говорил ему, на более глубоком уровне.

Несколько недель спустя Стив вошел к кабинет и устремился к креслу, словно ему не терпелось поговорить. Он описал случай из детства, который свидетельствовал о его нереализованном желании соединиться с мужским началом.

Он сказал возбужденно: — «Я помню, как в шестом классе школа организовала событие для отцов и сыновей, посвященное вопросам секса. Мне было примерно двенадцать лет. Оно должно было состояться в субботу, и я был очень взволнован. В городском концертном зале должны были показать фильм, после чего предполагалось провести обсуждение. Моя мама заставила отца повести меня. Нелегко было заставить его оторваться от телевизора. Я помню, как мы вместе шли на поезд. Особенным моментом этого события было то, что одним из ведущих мероприятия был преподаватель, которым я восхищался. Думаю, я испытывал к нему влюбленность».

Стив смутился, но продолжил: — «Я был так взволнован. Я даже позаботился о том, чтобы одеться по этому случаю соблазнительно». — Он хихикнул.

«Что вы имеете в виду под словами «оделся соблазнительно»?»

«Я надел облегающие шорты, в которых я себе очень нравился». — Он задумался на несколько секунд и заметил: — «Даже тогда я любил носить обтягивающую одежду».

Я удивился тому, что двенадцатилетний мальчик мог вести себя так кокетливо.

Он продолжил: — «Но когда мы пришли туда, оказалось, что все мероприятие проведет одна учительница без участия моего преподавателя. Она была директором школы, и она была женщиной!».

Он добавил со злобным смешком: — «Да еще и стервой при этом. Все ненавидели ее! С чего это она говорить о мужской сексуальности? У нас день отца и сына, а она собирается быть ведущей? Ну, приехали! И подумать только, я так вырядился ради нее!»

Мы оба посмеялись над нелепостью ситуации. «Это было ужасно», — сказал Стив.

Несмотря на комичность положения я понимал, что мальчик испытал болезненное разочарование, лишившись возможности получить опыт общения с мужчинами, опыт мужественности. Неожиданно Стив принял серьезный вид. Он сказал: «Я действительно рассчитывал на некоторую интимную близость».

Эти слова — «*интимная близость*» — очень хорошо отражают то, чего мальчик с гомосексуальной предрасположенностью остро жаждет от мужчин.

«Как бы то ни было», продолжил Стив, «в фильме говорилось о мастурбации, а я все еще не знал, что это такое. Поэтому в поезде по дороге домой я попытался поговорить с моим отцом об увиденном в фильме, но он отвечал очень коротко. Я спросил его, является ли мастурбация чем-то дурным» — Стив хихикнул и всплеснул руками. — «Отец дал *очень* странный ответ. Он сказал: — «Да, мастурбировать — нехорошо, если только ты не занимаешься этим, когда ты уже женат». Даже будучи двенадцатилетним подростком я подумал: «Что за бессмыслицу он несет? О чем это он?» Я понял, что никогда не смогу делиться своими сокровенными мыслями с *этим* человеком».

В этот момент Стив показался мне усталым. Вздохнув, он сказал: — «Я всегда искал таких мужчин и ощущения внутренней близости с ними».

«И Вы можете их найти», — уверил я его. — «Давайте подключим Вас к групповой терапии. Мне кажется, Вы уже готовы».

Было важно ввести Стива в состав группы, поскольку сам он не проявил бы достаточной инициативы для того, чтобы создать вокруг себя мужской круг друзей. Однако, меня беспокоило то, что в группе он окажется подвержен соблазнам. Стив был привлекателен, кокетлив и особенно уязвим.

Меня, в частности, беспокоил отец Джон. Несомненно, Стив соответствовал любимому типу отца Джона, который он рисовал в своих порнографических фантазиях — представительный, привлекательный молодой человек. Я надеялся, что отец Джон, будучи на двадцать лет старше Стива, не поддастся возможному искушению и станет относиться к нему с платоническим отцовским чувством, в котором всегда нуждался Стив. Их символичное влечение было рискованно, но наступило время решиться на такой риск.

Стив проходил групповую терапию уже третий месяц. В группе он делал успехи, что воодушевляло нас обоих. Я решил затронуть на наших индивидуальных занятиях проблему, на которую Стив намекал прежде.

- «Пару недель назад», — напомнил я ему. — «Вы сказали, что есть одна застарелая проблема, которую нам стоило бы обсудить. Проблема сексуального характера».

«Ах, да. Я», — запнувшись и растерянно сясь произнести фразу, он вскинул в волнении руки.

Наконец, он выдал из себя: — «Это очень старая проблема».

«Об этом стыдно говорить», — произнес он после некоторой паузы.

«Просто продолжайте», — приободрил я его.

«Как я уже рассказывал Вам, я ненавижу свою работу. Все чего-то от меня хотят: — «Стив,

подай мне это. Стив, подай мне то». Я прихожу домой совершенно обессиленный. Единственное, что способно воодушевить меня, это... эта сумасшедшая привычка».

Он снова замолчал. «Расскажите мне о ней», — сказал я ласково.

«Знаете ли, у меня есть небольшой фетиш насчет одежды в духе Дикого Запада и катания в определенном роде автомобилях и грузовиках».

«В чем он проявляется?»

«Иногда я отправляюсь в магазины и покупаю себе одежду в ковбойском стиле. Обычно я одеваюсь вот так», — он указал на свою рубашку от Кельвина Кляйна. — «Консервативно. Словно выпускник частной школы. Но время от времени на меня находит такое настроение, что я не могу отказать себе в том, чтобы купить одежду в стиле Дикого Запада — джинсы Levi's, ковбойскую рубашку и шляпу, сапоги из змеиной кожи и все в этом духе». — Помолчав, он добавил: — «Ну, может быть, коричневый замшевый жакет. Это заставляет меня чувствовать себя более мужественным. Я фантазирую о том, чтобы отправиться на свидание с девушкой, одетой в соответствующем стиле».

«А что потом?»

«Потом я представляю, как занимаюсь любовью с нею в этой одежде. Оставаясь в ковбойском костюме, я начинаю мастурбировать... Иногда я встаю перед зеркалом. Это нелепый цикл... в нем есть что-то болезненное. Я не понимаю его». Затем он добавил: «Обычно я покупаю ковбойские вещи не лучшего качества, не такие хорошие, как повседневная одежда, потому что я знаю, что потом не стану хранить эти вещи».

«Почему?»

«Потому что я знаю, что если буду держать эти вещи дома, то снова начну заниматься этим. Если я знаю, что они находятся дома, то, когда я расстраиваюсь или злюсь, я использую эту одежду, как способ выпустить пар. После этого я чувствую себя, как дерьмо».

«Как Вы поступаете с вещами?»

«Я стараюсь вернуть как можно больше вещей в магазин. В противном случае я отдаю их бедным, словно исполняю епитимью».

«Это трата времени», — продолжил он. — «Мне нужно ездить по магазинам, покупать эти вещи, выстаивать в очередях, ехать обратно домой. Попользовавшись ими пару раз мне приходится прилагать усилия к тому, чтобы избавиться от них. Иногда я приношу их обратно в магазин и пытаюсь вернуть деньги. Если при этом я натываюсь на того же продавца, у которого я покупал их, я чувствую себя полным придурком». — Он рассмеялся невесело. — «Наверное, они все уже знают меня в лицо».

«Я рад, что я могу представить, как занимаюсь любовью с девушкой, но странно то, что в этот момент на мне должны быть эти вещи и я должен находиться в джипе или похожей машине».

«Я ощущаю себя, таким извращенным и глупым при этом».

Услышав самоуничижительное замечание, я вмешался: — «Стив, если бы Вы понимали, как и почему такие фантазии начали посещать Вас, Вы бы относились к себе более снисходительно».

Словно не расслышав меня, он продолжил: — «Как-то я действительно проехал до самого Лос-Анджелеса для того, чтобы арендовать совершенно новый Лендровер и прокатиться в нем в ковбойской одежде. Я изображал из себя ковбоя».

«Изображали?»

«Да. Я поехал в горы и мастурбировал, сидя в машине. Или иногда, когда я хожу в поход, и нахожу брошенный автомобиль».

«Понятно. С чем у Вас ассоциируются одежда и машины в стиле Дикого Запада?»

Стив уставился на меня.

«Символы мужественности?», предположил я.

«Именно».

«Они связаны с какими-то конкретными воспоминаниями?»

Он снова поглядел на меня с непониманием, словно никогда прежде не пытался понять причины своего поведения. «Я помню, когда я был маленьким, соседский мальчик, Робби, одевался по-ковбойски. Он говорил: — «Эти джинсы Levi's такие классные, они очень модные, обожаю их. Он очень заводил меня. Робби был главным модником в округе».

«Что еще он говорил?»

«Еще он заметил как-то, как сильно ему нравятся металлические части джинсов».

«Металлические части?»

«Да, с заклепками».

«С заклепками?»

«Ну да. Я всегда стараюсь найти джинсы с заклепками, но их сейчас труднее найти. Медь подорожала».

Я понял, что мы рискуем чрезмерно углубиться в детали мира моды, и решил придерживаться психодинамики: «Я думаю, что каким-то образом слова Бобби...»

«Робби», — поправил он меня строго.

«Спасибо», — отреагировал я. — «По каким-то причинам Вы сочли слова Робби важными. Не уходите от темы».

«Я всегда восхищался Робби. Как я уже сказал, он был главным модником, и я очень завидовал его семье. Его отец был адвокатом, а его мать элегантно одевалась. В отличие от моих родителей, которые всегда ругались и дрались», — добавил он задумчиво.

«Сколько было Вам и Бобби в это время?»

«Робби. Робби. Мне было 13, а он был на два года старше — ему было 15».

«Вы брали с него пример? Восхищались им?»

«О, да. Но Робби никогда не отзывался обо мне одобрительно. Мне кажется, я даже не нравился ему. Он давал всем понять, что считает, будто никто не является ему равней».

«Вы считаете, что увлечение ковбойским стилем началось из-за Робби?»

«Может быть. Мой отец тоже любил вестерны и всегда смотрел их по телевизору. Я сидел рядом с ним, и меня очень заводили Ли Мэйджорс из «Большой долины» и Майкл Лэндон из «Бонанзы». Я помню, мне постоянно снился сон о человеке в ковбойском одежде, соскакивавшем с экипажа, об эдаком мачо».

«Я думал: «Боже мой, если я женюсь, мне придется носить такую одежду, чтобы заниматься сексом с женой? И если я буду носить такую одежду, то будет ли она гадать, возбуждает ли я из-за *нее* или *себя самого*?»

Я попытался его одобрить: — «Хм. Давайте пока не будем волноваться из-за женитьбы».

Стив неожиданно воскликнул с отчаянием: — «Я не знаю, как остановиться!»

Фетиш был способом, с помощью которого Стив компенсировал свое ощущение бессилия. Будучи неспособен сохранять межличностные барьеры, он часто позволял другим пользоваться собой. Это долгое время было причиной его проблем на работе, где им манипулировали начальник и коллеги. Снаружи он был отзывчивым, приятным человеком, который никогда не отказывался от дополнительной работы. Внутри Стив копил злость, которую он мог выплеснуть только косвенно. Обычно он возвращался домой в конце дня с ощущением того, что его использовали и выжали как лимон, затем он прибежал к своему ковбойскому фетишу для того, чтобы почувствовать силу, которую он не мог обрести в душе.

Я объяснил: «Одежда в ковбойском стиле — это доспехи, которые укрепляют Вашу мужскую силу. Вы испытываете сексуальное возбуждение от собственного образа, т. е. Вы становитесь собственным сексуальным объектом».

«Да», — подтвердил он. — «Я всегда чувствовал, что это каким-то образом странно, но я никогда не понимал, что происходит».

«Вам нужно выработать в себе мужские черты, научиться владеть ими, а не превращать их во внешние объекты. Ваша мужественность — является формой имитации. Так маленький мальчик наносит на щеки отцовский крем для бритья или примеряет отцовскую шляпу».

«Кажется, это означает, что я все еще маленький ребенок», — сказал Стив, слегка покраснев.

«В некотором смысле да. Ваша имитация является неуместной потому, что она несколько запоздала, в плане эмоционального развития. Эротическая энергия может быть привязана к таким символам мужественности. В этот момент то, на чем Вы заикливаются, становится фетишем».

В последующие недели Стив начал понимать, каким образом Робби начал представлять собой его собственную нереализованную мужскую идентичность. Стив угоди в ловушку ложной мужской самоидентификации, которая была не более чем имитацией. Он никогда полностью не идентифицировался с Робби (и принадлежности к мужскому полу в целом) и поэтому никогда в действительности не выработал в себе мужские черты характера.

Трудно ответить на вопрос, *почему* Стив никогда полностью не идентифицировал себя с мужчинами; но можно предположить, что безучастность отца была одним из ключевых

факторов. Очевидно, Стив не нашел другие убедительные образцы мужского характера, которые он с уверенностью хотел бы перенять. Его друг Робби был привлекателен, но при этом отвергал его. Стив видел Робби таким же, как своего отца — отдаленным, недоступным и от того, таким же загадочным.

Фетиш формируется тогда, когда нереализованная сексуальная энергия оказывается привязанной к определенному объекту. Увлечение одеждой в ковбойском стиле в символической форме связывало Стива с мужественностью. Объекты фетиша избираются и связываются с сексуальной энергией в силу некой чрезвычайной их важности для человека.

Стив смог достичь только ложной самоидентификации, т. е. *имитации*, используя излюбленные символы мужественности. Хотя имитация позволяет достичь временного удовлетворения, но не ведет к более глубокому изменению личности. *Действительная* перемена личности требует действительного контакта с реальными мужчинами, а не простого присвоения символов мужественности.

Сидя за рулем джипа или обряжаясь в ковбойские костюмы, Стив чувствовал себя воплощением ковбойской мужественности. Поскольку это было только символом, чем-то внешним, Стив испытывал возбуждение, примеряя на себя эту роль. Человек не может придать сексуальное значение субъективным вещам, тем, что он ощущает внутри себя или частью себя. Мы придаем сексуальный оттенок только тому, чем мы сами себя не считаем.

По мере работы над собой Стив начал выделять важнейшие эмоции, которые всегда предшествовали вспышкам его непреодолимой тяги к фетишистскому поведению. Он научился отличать чувство одиночества, стресс и ощущение беспомощности, которые предшествовали его фетишистским импульсам. Поняв символику своего фетиша, а также поняв, когда он был подвержен риску его проявления более всего, он смог значительно ослабить его влияние на себя.

Однажды, он ввалился в комнату с необычно веселым видом. «На прошлой неделе я ехал по Тихоокеанскому шоссе с парнем, который знает о том, что происходит со мной. И я сказал ему: «Впервые за много лет я начал контролировать свою сексуальность и свой вес», — с радостью поведал он мне.

«Свой вес?» — переспросил я.

«Да. У меня всю жизнь была проблема с весом».

«Вы выглядите достаточно стройным», — заверил я его.

«Понимаете, на меня иногда находят приступы неумеренного аппетита. Я шоколадки «Алмонд Джойз».

«Я сам люблю батончики «Маундз», — выпалил я по инерции.

«О», — оживился Стив, — «Вам нравится кокос с *темным* шоколадом».

Я почувствовал, что Стив может, как обычно, завести разговор на посторонние темы, поэтому я поспешил перейти к обсуждению терапии.

По мере того, как Стив описывал свою проблему с диетой, становилось ясно, что у него было серьезное расстройство пищевого поведения, представлявшую собой цикл обжорства и клизм. Еда и секс, две фундаментальные страсти Стива, вышедшие из под контроля, удовольствия,

которыми он злоупотреблял для того, чтобы смягчить чувство отчаяния внутри себя.

Когда мы оценили наши успехи, мы увидели, что за двадцать наших занятий Стив достаточно хорошо продвинулся. Теперь он испытывал намного меньшую необходимость предаваться своему ковбойскому фетишу. Он подружился с отцом Джоном и встречался с ним в обычное время помимо терапии. К счастью, отец Джон смог увидеть в Стиве не только привлекательного молодого человека. Они смогли построить хорошие отношения, которые шли на пользу им обоим. Отец Джон стал своего рода наставником и смог помочь Стиву противостоять своим фетишистским наклонностям.

Затем, спустя два-три месяца в группе обратили внимание, что Стив стал тише. Однажды, Чарли попытался его разговорить. Вынужденный пойти на контакт с группой, Стив рассказал им, что происходит.

Нервно прочистив горло, Стив начал говорить: «Я действительно получил от вас много поддержки, друзья». — Он оглянулся. — «Но в последние два месяца я чувствую, что мне нужен перерыв». — Участники группы выжидающе глядели на него.

«Я все еще верю в терапию» — проямлил Стив.

Затем он перешел к сути. — «Но я не слишком верю в себя. Я действительно... не думаю, что справлюсь». — Участники группы попытались переубедить его, но не смогли уговорить его остаться.

Это занятие стало для Стива последним.

В течение пяти месяцев Стива побуждало заниматься терапией его жажда получить безраздельное внимание мужчины. Терапия позволила ему получить от мужчин три важнейших вещи: внимание, симпатию и одобрение. Я не уверен в том, насколько серьезно он прислушивался к тому, что я говорил ему. Мне кажется, вместо того, чтобы действительно запоминать мои советы, он наслаждался возможностью поговорить и почувствовать направленную на него заботу.

Однако, несмотря на то, что Стиву нравилось получать внимание, он никогда не доверял мне. Недостаток доверия подтверждает то, что он до самого конца наших занятий утаивал от меня то, что борется с булимией.

Пару месяцев спустя отец Джон встретился со Стивом за ланчем. Стив рассказал ему, что вновь вернулся в гей-среду и изменил свое мнение. Он больше не верил в то, что можно измениться.

Узнав, что Стив передумал, я, конечно, испытал грусть. Стив узнал кое-что о своем поведении и теперь лучше понимал мужские взаимоотношения. Но люди выбирают ту идеологию, которая лучше всего соответствует их потребностям. Я думаю, что он в конце концов выбрал жизнь в гей-среде потому, что он не мог выполнять требования, связанные с репаративной терапией. Он не смог развить в себе твердое убеждение в том, что мог бы измениться. Как же я желал найти способ связаться с ним, чтобы убедить его в том, что перемена — *возможна*.

7. Эдвард — агония юности

Шестнадцатилетнего Эдварда Паттерсона привела ко мне его мать, потому что она нашла в его спальной порнографические журналы для геев. После этой находки Эдвард вынужден был признаться, что он — гомосексуалист. Расстроенная миссис Паттерсон настояла на том, чтобы

Эдвард посетил психолога.

Мать с сыном жили в большом доме с видом на Пасифик Палисэйдс, а брат и сестра Эдварда жили с бывшим мужем миссис Паттерсон в Лос-Анджелесе. Их отец был известным адвокатом по уголовным делам.

Миссис Паттерсон была одета в костюм из льняной ткани, к которому были подобраны не менее дорогие туфли и сумочка из крокодиловой кожи. Ее рукопожатие было столь же крепким, как ее манера вести разговор — прямолинейной. Она угрюмо представила мне сына и направилась к двери. Оглянувшись через плечо, она сказала с грустью: «Надеюсь, Вы сможете помочь ему, доктор Николоси».

Обычно именно матери осознают, что их сыновья имеют проблемы с сексуальностью, и играют ведущую роль в принуждении своих сыновей к лечению. Отцы часто словно не замечают отклонений, но даже если они обращают на них внимание, то редко принимают активное участие в лечении сыновей. Действительно, мать Эдварда уже давно была обеспокоена женственностью своего сына и отсутствием у него друзей среди мальчиков. Она часто подозревала, что это может привести к гомосексуальной ориентации. Отец же, напротив, был удивлен, когда узнал, что Эдвард проявляет интерес к гей-порнографии.

Я увидел в подростке, сидящем передо мной с одновременно испуганным, и вызывающим видом, мучительное стремление поступить правильно. Был ли он мальчиком или мужчиной? В Эде, очевидно, было немного и от того, и от другого. Его темные взлохмаченные волос ниспадали вокруг бледного, болезненного лица. Он был строен и в несколько худощав, но сквозь толстый свитер проступала уже достаточно развитая грудь и мускулистые руки. Его явно пугало то, что он остался наедине со мной.

После обмена любезностями я перешел к делу: — «Давай поговорим откровенно о том, из-за чего ты здесь. Твоя мать расстроена твоей гомосексуальностью».

Эдвард заерзал и нервно рассмеялся.

«Как ты сам относишься к ней? Хотел бы ты поработать над тем, чтобы изменить это? Или ты хотел бы, чтобы тебе помогли принять ее?» Он казался растерянным, а затем размеренно произнес низким голосом: — «Ну, я вроде как мало с кем обсуждал это раньше...» Он сделал паузу, а затем добавил: — «Очевидно, что гомосексуальность — социально неприемлема. То есть, я не хочу быть геем уже по одной этой причине».

«Но у тебя сам ты не стремишься к тому, чтобы изменить свои чувства?»

«Думаю, нет». — Он смущенно улыбнулся.

Все молодые гомосексуалисты проходят через подобную сложную фазу в жизни: стремление направить свою жизнь в здоровое русло вступает в противоречие с непреодолимым желанием удовлетворить острые эротические влечения. В отличие от взрослых клиентов, которые приходят ко мне после нескольких лет безуспешной борьбы со сложностями гомосексуальной жизни, окончательно решив, что больше не желают вести ее, тинейджера трудно убедить в том, чтобы он сублимировал сексуальные желания ради каких-то отдаленных целей. Особенно учитывая то, что популярная культура говорит ему, что он должен принять свою гомосексуальность.

«Я спрашиваю тебя потому», — сказал я, — «что я не могу помочь тебе свыкнуться с гомосексуальной идентичностью. Я не занимаюсь этим. Если ты хочешь этого, то тебе нужно

обратиться к гей-аффирмативному психологу».

Эдвард выглядел неуверенным. — «Я не знаю. У нас в школе есть специалист, который консультирует геев. Он дал мне множество советов, несколько книг и брошюр о гомосексуальности. В общем, взял меня под свою крыло... Так что мне сначала хотелось бы услышать, что можете предложить Вы».

Я знал, что Эдвард говорит о «Проекте 10», в рамках которого в общественных школах создаются консультационные центры, где в качестве консультантов работают добровольцы из среды геев. Я решительно против таких программ, поскольку они не информируют учащихся о том, что существуют другие альтернативы. Идеи, которые они внушают, заключаются в следующем: «Ты никогда не изменишься. Твой единственный выбор — принять свою гомосексуальную идентичность».

Я чувствовал, что Эд сбит с толку противоречивыми советами. Он пришел не для того, чтобы сравнивать идеологии и утрачивал интерес. Я решил сфокусироваться на том, что он считал необходимым для себя.

«Конечно, я понимаю, что твое влечение к другим парням — очень сильное и много для тебя значит сейчас. Мы не станем сосредотачиваться на том, чтобы устранить эти чувства сейчас, если ты сам не решишь, что ты этого хочешь. Если хочешь, для начала мы можем посвятить пару занятий тому, чтобы понять тебя и то, что происходит в твоей жизни в настоящий момент».

Он кивнул с облегченным видом. Он сказал: — «Самая большая моя проблема сейчас — это школа. Я боюсь ее».

«Чего именно ты боишься в школе?»

«Всего» — ответил он. — «Я не знаю. Просто... всего». — Он не знал, что сказать.

«Но твоя мама сказала, что у тебя главная роль в школьной пьесе и ты внесен в список заведующего по воспитательной работе. Как ты можешь одновременно бояться школы и быть студентом-отличником?»

«Да дело не в учебе», — поправил он меня. — «Просто я начинаю нервничать всякий раз, когда приближаюсь к зданию школы».

«Что ж, давай обсудим, по какой причине школа заставляет тебя нервничать».

Мой сочувствующий тон, казалось, успокоил его. Впервые за время занятия он казался сосредоточенным.

«Я не знаю. Просто я боюсь попасть под чей-либо контроль, может быть учителей или директора. Я могу справиться с прочими вещами, типа уроков актерского мастерства. Большинство детей нормально чувствуют себя в старших классах. Они — как рыба в воде. По какой-то причине я не такой».

«Почему ты считаешь, что ты другой?»

«Я не знаю», — ответил он озадаченно. — «Я не знаю причины. Я просто знаю, что я тот, кто я есть». — Он беспомощно посмотрел на меня.

«Хорошо. Не будем пока обсуждать причины. Поговорим о том, как ты себя чувствуешь из-за этого».

«Я словно в тюрьме, и все говорят мне, что делать».

Я начал подозревать, что подлинной проблемой Эдда была нехватка поддержки от окружающих. Не имея понимающих друзей, с которыми можно было бы поделиться своими проблемами, он чувствовал себя отчужденным и направил все свои силы на учебу, обретя способ самовыражения в актерстве.

«Нет ничего хуже школы» — сказал он с жалостью к себе.

«Нет ничего хуже общения со своими сверстниками?» — поддразнил я его.

«Ну, не считая актерских занятий» — поправил себя Эд. — «Мне очень комфортно общаться с учащимися в актерской группе».

«Может быть ты просто хочешь отличаться от остальных учащихся, особенно от парней?»

Эд посмотрел на меня. «Это правда», — подтвердил он. — «Я *не* хочу быть похожим на других парней. Я не такой как они».

Эд использовал свой интерес к театру для того, чтобы оправдать свое ощущение непохожести, связанное с гомосексуальностью. («Я слишком *творческий* и слишком *непохожий*, и слишком *особенный* для того, чтобы общаться с другими ребятами в школе».) Комбинация артистичности и гомосексуальности служила оправданием для отчуждения от «скучных» гетеросексуальных парней. Эта тема будет регулярно всплывать в первые месяцы нашего общения.

«И в этом состоит большая проблема», — сказал я. — «Самая важная развилка на твоём жизненном пути. Ты не раз будешь оказываться на этой развилке в течение своей жизни, спрашивая себя: вписываюсь ли я в мир гетеросексуалов или остаюсь в мире гомосексуалистов?»

Защитники гомосексуальности расходятся в мнениях относительно данного вопроса. Некоторые утверждают, что гомосексуалисты ничем не отличаются от гетеросексуалов за исключением своих сексуальных «предпочтений». Другие считают, что «гомосексуальное мироощущение» неизбежно выделяет геев на фоне остального общества.

Я понимал, что в данный момент этот вопрос был для Эдда слишком абстрактным, отнесенным к чересчур отдаленному будущему. В любом случае, часы показывали, что наш сеанс подошел к концу.

«Ну что, Эд?» — спросил я. — «Я уже достал тебя? Или ты хочешь придти еще раз?»

«Я не знаю». — Он равнодушно пожал плечами.

Я подождал.

Он думал с минуту. «Я приду еще раз. Я хотел бы снова обсудить свой страх школы».

На следующей неделе Эд также понуро вошел в мой кабинет с видом висельника, как и в предыдущий раз. Мне стало любопытно, не являлось ли такое поведение напускным.

Поскольку он не знал, с чего начать, я решил подтолкнуть его к обсуждению взаимоотношений с матерью: — «Ты живешь вместе с мамой, а твои брат и сестра живут с отцом. Как это вышло?»

«Мои брат и сестра старше, поэтому они переехали к отцу. Жить с ним — все равно, что жить самому по себе».

«Больше свободы?»

«Да. Поэтому я хочу переехать к нему». — Он горько засмеялся. — «Мой отец никогда не знает, что происходит. Он слишком занят своей юридической практикой. Он мало что знает о нашей жизни. Как я понимаю, поэтому с ним проще жить». — В его голосе прозвучала неприязнь. — «Это вторая причина, по которой я хочу уехать из своего дома. Мне хочется освободиться от матери».

«Почему?»

«Мне надоели постоянные ссоры с ней». — Эд говорил так же медленно, как и прежде, но уже с некоторой горячностью.

«Почему ты сердишься на нее?»

«Ну... раньше мы были очень близки. Наверное, потому, что я был младшим, и мама всегда брала меня с собой. Мы всегда все делали вместе. Думаю, у меня никогда не было много друзей. Но теперь она просто раздражает меня иногда». — Он замолчал.

«Чем она раздражает тебя?»

Он пожал плечами, ничего не ответив.

«Ну, так чем же? Нам важно понять, чем она тебя раздражает». — Пассивность Эда начинала действовать мне на нервы.

Последовала долгая пауза.

«Она просто... сует свой нос повсюду. Раньше мы все делали вместе. То есть, мы никогда не ссорились до прошлого года».

«Может быть, в тот момент, когда начали проявляться твои сексуальные желания, возник конфликт, и ты оттолкнул свою мать?»

Он продолжал, словно не заметив моего вопроса. — «Я просто реагирую на нее так. Я не знаю. Я злюсь на нее, но на самом деле, я не хочу злиться».

Это был типичный подростковый конфликт, однако, переживаемый гомосексуальным подростком более остро. Эд очень любил свою мать, но при этом в нем копилось давнее желание отделиться от нее. Возможно, бессознательно он чувствовал, что их близость способствовала возникновению в нем гомосексуальности. Как правило, гетеросексуальные мальчики становятся независимыми от матерей намного раньше.

«Хорошо», — сказал я. — «Нам нужно понять, почему ты злишься на свою мать. Потому что мы уже знаем, почему ты сердишься на своего отца. Твой отец — инертен».

«Что значит «инертен»?»

«Это значит «равнодушен». Не *заинтересован*. Твой отец оказал на тебя слишком мало внимания. Он никак не повлиял на тебя».

«Да, зануда». — В его голосе сквозила неприкрытая неприязнь.

Он продолжил. — «Мама непостоянна в своих решениях. На прошлой неделе она сказала, что мне неплохо было бы иметь свою машину, а на этой неделе говорит, что это — «опасно».

«Машина?» — переспросил я.

«Я подумал, что машина поможет мне лучше чувствовать себя в школе. Подарит чувство свободы».

«То есть сначала она поощряет тебя, а потом обманывает ожидания».

«Да», — подтвердил он с облегчением в голосе. — «Она заставляет меня чувствовать себя виноватым из-за всего».

Я решил, что это является причиной, по которой он ощущает себя беспомощным. — «Тебе кажется, что она сбивает тебя с толку, разочаровывает?»

«Да, я никогда не знаю, стоит ли верить. Вчера вечером я услышал, как она говорит отцу по телефону: — «Приезжай, возьми с собой Эда на ужин или куда-нибудь еще». Затем она входит в мою комнату и говорит, что звонил отец и сказал, что хочет поужинать с тобой». Я подумал, что это странно. Он не стал бы звонить просто так. На него это не похоже».

«Определенно», — поддакнул я.

«Поэтому я снял трубку параллельного телефона и услышал, как отец говорит ей: — «Но, Беатрис, я не хочу куда его везти. Я уже поужинал!». — Я повесил трубку, а потом говорю ей: — «Да ладно, мам. Я не хочу сегодня куда идти».

«Но ты так и не сказал ей почему».

«Нет. Я не счел это нужным. Какая разница?»

«Вместо того, чтобы выразить свою обиду или сказать ей, что ты чувствуешь, будто тобой манипулируют, ты переживаешь обиду в себе. А твои родители удивляются: — «Отчего Эд такой тихий? Почему он такой угрюмый?»

«Когда я обдумываю это теперь, я понимаю, что такие случаи бывали и тогда, когда я был еще маленьким. Мама говорила: — «Дети, папа хочет отвезти вас в Диснейленд» или куда еще. И папа вез нас развлекаться, но при этом весь день он был в плохом настроении, словно и не хотел куда ехать».

«Вот как», — отозвался я, побуждая его продолжать.

«Наверное, так происходило, потому что она решала это за него».

Многие из моих гомосексуальных клиентов рассказывали о подобных ситуациях в детстве, когда в семье устанавливалась манипулятивная форма общения, в результате которой ребенку не оставалось никакого иного выхода, кроме как замкнуться в себе в целях самозащиты.

«Ей всегда было необходимо ощущение контроля», — произнес Эд беспомощно.

Он замолчал, его лицо выражало грусть. — «Однако, я знаю, что причиной всему ее заботливость. Она делает все вещи, которые должна делать мать — готовит вкусные блюда, водит меня в церковь и все такое. Но — она чересчур заботлива, слишком многим интересуется и вообще...» — он не смог найти нужные слова.

Он подумал с минуту и продолжил: — «Я всегда избегаю разговоров о личном с ней. Иногда она пытается начать разговор и говорит, как можно более миролюбиво: — «Какую машину ты бы хотел, Эдди?», — а я в ответ раздражаюсь. Потом я думаю про себя: — «Боже мой, какая же я сволочь. Она же просто старается быть хорошей матерью!»

Отец проявляет недостаточно заботы, а мать проявляет заботу чрезмерную, подумал я. — «Ты перенесешь то же ощущение постороннего вторжения в твою жизнь и утраты внутренней силы на девушек» — сказал я. — «Если девушка станет чересчур близка тебе, ты ее оттолкнешь».

«Да», — согласился он. — «Забавно, что Вы заговорили об этом. В прошлом году я пользовался большим успехом у девушек, у меня было много подружек и все такое. Я помню, что всякий раз, когда я начинал нравиться девушке слишком сильно, я становился невыносимо грубым, каким я бываю со своей мамой».

«Точно. Во-первых, ты боишься, что девушка ждет от тебя ответного чувства. Но кроме того, ты боишься, оказаться в таком же положении, в каком ты находишься по отношению к своей матери. Боишься, что она начнет манипулировать тобой и ты окажешься ответственным за ее чувства».

Эдвард, до этого глядевший в пол, нервно перебирая пальцами, вдруг поднял на меня глаза в изумлении.

Я знал, что выявил конфликт, с которым сталкивается большинство гомосексуальных мужчин. Я продолжил: — «Когда ты был маленьким мальчиком и твоей маме было грустно, ты считал своей задачей развеселить ее. Вот это чувство ответственности за чувства своей матери теперь переносится на отношения с девушками, с которыми ты сближаешься. Сам того не осознавая, на тебя влияют чувства девушки и ее ожидания. Ситуация, в которой возникает необходимость заботиться о ней, кажется тебе знакомой и опасной, словно старая ловушка. И это приводит к отторжению тобой твоих собственных нужд».

Эдвард медленно кивнул.

«Кроме того, ты груб по отношению к девушкам, потому что ты и без того слишком женственный. Поэтому тебя привлекает мужественность, которой недостает тебе самому».

Эд сменил тему разговора: — «Я только что прошел прослушивание на роль в мюзикле «Оклахома!» в летнем театре. Я пробовался на главную роль — роль Кудряша.

«Ты любишь театр не случайно» — заметил я. — «Театр — это способ спрятаться от себя. Ты хочешь стать актером, чтобы быть выше обычных парней. Театр — это способ закрепления ложной идентичности».

Я посмотрел на часы. — «В любом случае, пора заканчивать сеанс. Ты назначишь еще одну встречу или тебе достаточно?»

Эд ответил: — «Мне нужно узнать расписание репетиций в театре».

«Помни, ты должен сам решить, хочешь ли ты продолжить наши занятия».

«Я знаю». — Он слегка улыбнулся, словно ему нравилось ощущение контроля над ситуацией. Наконец, он сказал: — «Увидимся на следующей неделе в это же время. Вас это устраивает, док?»»

Эд не считал, что его проблемы вызвана гомосексуальностью. В тот момент она была вопросом отдаленного будущего, который он не затрагивал, потому что не знал, что с этим делать. Вместо этого он говорил только о школе и о «проблемах во взаимоотношениях».

Случай Эда является примером характерных трудностей, с которыми сталкиваются юноши. Однако, помимо них Эдду приходилось иметь дело с рядом проблем, типичных для гомосексуально ориентированного подростка: 1) злость на равнодушного, безвольного отца; (2) злость на назойливую, непоследовательную в своем поведении мать; (3) отчужденность от сверстников (особенно своего пола); (4) интерес к театру и актерскому мастерству как способ уйти от самоидентификации и необходимости адаптироваться в обществе; (5) проблемы с подчинением — страх школьных чиновников; и (6) высокомерное отношение, служащее компенсацией чувству неполноценности в роли мужчины.

Эд посещал сеансы регулярно. Вскоре он попросил, чтобы мы встречались два раза в неделю на том основании, что его родители просто «сводят его с ума». Его терапия продолжалась уже месяц, когда он однажды пришел после обеда, уселся в кресло и посмотрел на меня с очень серьезным видом. К тому времени он практически перестал изображать равнодушие.

«Мой отец в последнее время меня просто бесит».

«Так бывает». — Я хотел показать ему, что нет ничего плохого в том, чтобы выразить накопившуюся за многие годы обиду.

Он сказал: — «Я имею в виду, действительно злит — в последние две недели».

«Это нормально». — Еще немного поддержки.

«Просто он такой...» — Эд не смог найти нужных слов.

Я подождал. Он продолжил: — «Покупка машины превратилась в настоящее мучение. Мои родители сначала согласились, но в последнюю минуту передумали. Мой отец сказал маме что-то вроде: — «Ты просто старайся веселить его, пока мы не найдем способ замять это дело». Так мама мне сказала».

«Что ты чувствуешь по этому поводу?»

«Он всегда так поступает, а затем все отрицает. Например, недавно я получил по почте примерно тридцать дисков CD, которые заказал по клубному каталогу, но у меня нет денег, чтобы заплатить за них. А мой отец говорит: — «Ну, тогда не плати за них. Они тебе все равно ничего не сделают, потому что ты несовершеннолетний». А мама: [Эд заговорил высоким голосом] — «Эдвард, что ты будешь делать? Они уже в третий раз прислали тебе счет. Ты будешь платить за диски или нет?» А я: — «Ну, за них можно и не платить. Папа так мне сказал». И тогда у мамы начинается истерика, и она бросается отчитывать папу, а он, конечно, все отрицает. И у него возникают проблемы с мамой и он говорит мне: — «Зачем ты рассказал маме, что я говорил такое?». — Я отвечаю: — «Потому что ты и вправду так сказал». — А он: — «Нет, я никогда такое не говорил».

«Мне порой кажется, что он даже...» — Тут он оборвал себя и продолжил иначе: — «Половину времени, что я разговариваю с ним, кажется, что он слушает, но когда на следующий день я

начинаю говорить на ту же тему, то он уже ничего не помнит», — пожаловался Эд, понурился плечи.

«Кажется, он не относится к тебе серьезно», — сказал я.

Я понял, почему Эдвард приходил ко мне регулярно. Главной причиной было то, что я относился к нему серьезно.

Последовала долгая пауза. «Я сказал маме, что я больше не хочу ходить к нему домой, потому что в этом нет никакого смысла. Когда я прихожу к нему, ему нужно или быть в суде или вести куда-нибудь свою подружку».

«Тогда почему ты ходишь к нему?»

«Я не знаю. Я не столько ненавижу его, сколько просто не хочу находиться рядом с ним».

«Что ж, тогда почему ты избегаешь его?»

Он откинулся назад, пожал плечами и сказал просто: — «Он не понимает меня. Я просто не такой как он».

Я сделал глубокий вдох, готовясь к тому, чтобы прочесть длинную нотацию. Мне не нравится читать нотации, особенно шестнадцатилетним подросткам, которые заявляют, что терпеть не могут, когда им читают лекции или боятся этого, но мне хотелось вывести его из состояния пассивной расслабленности.

«Ты думаешь, что ты такой уникальный, но большинство юношей с гомосексуальными проблемами испытывают страх перед авторитетными лицами мужского пола и обозлены на них, считая, что те их не понимают. Помни, ты разочарован своими родителями, которые являются для тебя первыми авторитетными лицами. Они ранят и игнорируют тебя. Ты не можешь доверять их авторитету, доверять им как родителям. Больше всего это касается твоего отца, который должен заботиться о тебе, используя свое положение взрослого человека. Как ты можешь следовать воле отца, который постоянно разочаровывает тебя? Как видишь», — подчеркнул я, подводя итог. — «ты не такой уж необычный».

Эд начал понимать, что ощущение своей непохожести на других являлось защитной реакцией. Я объяснил ему, что он прикрывается своей воображаемой непохожестью и необычностью для того, чтобы оправдать свое нежелание общаться с остальными мальчиками на равных. Таким способом он избегает прочих представителей своего пола, так же как своего отца для того, чтобы вернуться к уютному и привилегированному месту возле своей матери. В то же время он презирает мать за то, что она позволяет ему уклоняться от необходимости развития своей мужественности и присущей мужчинам внутренней силы.

Я объяснил ему, что данное ощущение своей особенности вероятно проистекает из раннего детства, начиная с фазы гендерной идентификации, когда он впервые начал избегать сложностей, связанных с мужской идентичностью. Именно тогда он начал избегать сложностей, связанных с отделением от матери и осознанием собственной индивидуальности и с необходимостью быть независимым от своей матери. Поступая таким образом, он отказался от значительной части своей внутренней силы, необходимой для развития мужественности. Короче говоря, чувство собственной необычности стало удобным способом защиты, которое позволило избежать трудностей мужской самоидентификации.

Эд сидел, выпрямившись, в кресле, и напряженно слушал. Словно испытывая облегчение от

того, что его освободили от бремени непохожести на других, он сказал: — «Кажется, что все то, что я не связывал напрямую с гомосексуальностью, такие как актерство, проблемы с подчинением и все такое — все взаимосвязано. Это похоже на правду».

«Ты удерживал все это в себе, не делился ни с кем своими переживаниями. Теперь ты можешь либо усилить это ощущение непохожести и необычности или можешь поработать над тем, чтобы быть обычным парнем и научиться тому, как общаться с парнями своего возраста. Видишь ли, то, что ты занимаешься актерским мастерством — не совпадение, потому что это способ убежать от ежедневных трудностей».

Эд выглядел озадаченным, а затем разозлился: — «Что ж, если я такой же как и все остальные и у меня нет никаких необычных проблем, имеет ли для меня смысл приходить сюда и продолжать занятия с Вами?»

В его словах читалось: — «Если я вовсе не являюсь необычным, то *кто я вообще такой?*» Я решил не обращать на это внимание и придерживаться практической стороны вопроса.

«Ты можешь продолжить терапию по двум причинам», — сказал я ему. — «Во-первых, для того, чтобы уменьшить свою боль и растерянность; во-вторых, для того, чтобы попытаться развить свою гетеросексуальность».

Он вздохнул: — «Трудно быть уверенным в том, чего я хочу». — Последовала долгая пауза. — «Я думаю, что я действительно хочу развить собственную гетеросексуальность, но я слышал и другие мнения. Люди говорят, что я должен быть геем для того, чтобы быть самим собой... и все такое».

«Ты часто будешь слышать такое. От геев ты получишь совсем другие вопросы. Но помни основной принцип, Эд. Если ты ничего не будешь делать, станешь плыть по течению и следовать мнению толпы, то ты станешь геем».

«Ну, в данный момент», — сказал Эд, — «я просто хотел бы понять, как мне вести себя с отцом».

Отец, подумал я, кивая Эдварду. Как часто я слышу это от своих клиентов. Как часто наиболее насущным вопросом является какая-нибудь *проблема с отцом*.

После того сеанса с Эдвардом я уехал в отпуск. Мы увиделись снова в дождливый понедельник три недели спустя. Эдвард выглядел грустным и унылым. Он скинул с себя пальто, бросил промокший зонт на ковер рядом с собой и плюхнулся в кресло передо мной.

«Я подумал, что гомосексуальные чувства не приносят мне радость».

«Что случилось?»

«Ну... Вы же знаете, как мне одиноко оттого, что у меня нет друзей. И вот, пару недель назад я прогуливался один в парке и увидел этого мужчину, примерно Вашего возраста. Мы разговорились. Я подумал, что он может быть геем, потому что он выглядел чересчур дружелюбным. Мы поболтали немного. Его звали Джейсон. И мы обменялись телефонными номерами и спросил меня, не хочу ли я сходить в кино. Потом он пригласил меня на вечеринку, на которой оказались одни геи, в основном, его же возраста», — он горько рассмеялся. — «Это была лучшая вечеринка, на которой мне доводилось бывать. Я был в центре внимания».

«То есть ты получил то, чего не мог добиться от гетеросексуальных парней в школе. Поэтому гей-тусовка так привлекательна — тебя сразу принимают как своего».

Эдвард рассмеялся, но лицо его оставалось грустным. — «Я знаю. С другими парнями тяжело. Рядом с ними я не представляю из себя ничего особенного».

«Так что же случилось?»

«Ну..», — он замялся. — «Хотя это было не совсем то, чего я хотел, общение приобрело сексуальный оттенок. Я хотел, чтобы он просто был нежным, чтобы мы были друзьями. Может быть, если бы он просто провел рукой по моим волосам, обнял меня...и все такое». — Он смущенно засмеялся. — «Но вместо этого он сделал мне массаж. Ну, и так далее».

«Понятно».

«В общем, он мне нравился. Но на другой день он позвонил мне и сообщил, что его бывший любовник, Гарольд, снова хочет жить с ним. Джейсон попросил меня не волноваться, сказал, что это не повлияет на нашу дружбу».

«То есть Вы все еще дружите?»

«Ну, в пятницу вечером Джейсон попросил меня помочь ему перевезти некоторые вещи к Гарольду. И Гарольд вел себя со мной очень дружелюбно. Он сводил меня в пиццерию и все такое, сказал, что очень хотел бы, чтобы мы дружили. Я не хотел терять Джейсона и потому не возражал. Потом мы вернулись в его квартиру, и они поставили порнофильм. Джейсон и Гарольд раздели меня и...»

«И что?»

«И...» — он покраснел, — «они по очереди сделали мне минет». — Он сымитировал французский акцент: — «Джейсон называл это *ménage à trios* — любовь втроем». — Эдвард робко улыбнулся. После этого они сказали, что оба меня любят и я могу переехать к ним. Что нам троим будет очень весело».

После долгой паузы я спросил его: — «Итак, ты получил то, чего хотел?»

Эд устало произнес: — «Нет. На самом деле я хотел дружбы. Нежности. Я сказал Гарольду и Джейсону, что я не могу быть частью их отношений».

Случай с Эдвардом служит примером типичной для гей-среды истории соблазнения, когда человека вводят в заблуждение, окружая его особым вниманием. Молодых людей, таких как Эдвард, которые нуждаются в мужском внимании, заботе и поддержке, вовлекают в сексуальные связи, сбивают с истинного пути, используют и выбрасывают.

«Это веселая, необузданная жизнь, которая может быть очень привлекательна для такого молодого человека, как ты. Тебя сразу же окружают вниманием, тебе кажется, что твои мечты сбылись. Некоторое время, так оно и есть», — сказал я ему.

«А как насчет гетеросексуальных парней?» — спросил я его. — «Я тебя появились друзья среди них?»

«Я боюсь заводить с ними дружбу. Я не могу просто подойти к парню и заговорить с ним... Он подумает, что я флиртую с ним».

Я подумал, что смешение понятий типично для гомосексуалистов. Сексуальные отношения между гомосексуалистами не являются *дружбой*. Геи не могут отделить дружбу от сексуальности. Для Эдварда грань между ними тоже была размыта. Ему было необходимо было сознательно провести разграничение между дружбой и сексом. Теперь он проецировал свою неопределенность на гетеросексуальных парней, с которыми он пытался подружиться.

«Почему гетеросексуальный парень должен воспринять дружелюбный разговор как флирт? Для него общение с мужчинами не предполагает сексуальную связь». — Прежде, чем Эд успел что-то ответить, я продолжил: — «Нет ничего плохого в том, чтобы нуждаться во внимании, не ты не знаешь правильных способов привлечения внимания. *Общайся* с гетеросексуальными парнями, которые тебя привлекают. Сделай их реальными людьми. Если ты не будешь разговаривать с ними, то они останутся лишь идеализированными образами в твоём воображении. Если ты так и останешься в изоляции, твои эротические влечения будут усиливаться. Сексуальные желания возрастают, когда ты одинок и изолирован».

Эд кивнул, обдумывая мои слова.

«Если ты хочешь присоединиться к моей группе, то она собирается вечером по понедельникам. Ты сможешь послушать истории людей, которые вели гомосексуальный образ жизни и отказались от него. Я хочу, чтобы ты их послушал».

Он согласился: — «Я хотел бы присоединиться к группе. Познакомиться с ребятами. Я готов к тому, чтобы разобраться со своей гомосексуальностью».

Той весной Эд закончил школу. У него начались летние каникулы. Его страх перед школой отступил на задний план и он продолжал работать над своими проблемами с отцом и необходимостью в установлении дружеских отношений с мужчинами.

Он быстро сдружился с некоторыми участниками группы, особенно с Чарли. Хотя Эд был на несколько лет моложе остальных ребят, благодаря общению с ними он смог взглянуть на свою ситуацию с точки зрения людей, которые уже имели опыт гомосексуальной жизни. И впервые в своей жизни ему удалось установить честные, близкие и не связанные с сексом отношения с мужчинами, которые понимали его влечения.

В течение последующих нескольких недель Эд больше не переживал срывы, свойственные подросткам, борющимся со своими гомосексуальными наклонностями. В целом, он делал значительные успехи.

Затем он признался, что его отношения с матерью ухудшились за лето. Он рассказал, как однажды поехал к отцу на велосипеде только для того, чтобы быть подальше от нее. Его метания между отцом и матерью символизировали проблему, общую для подростка с гомосексуальными наклонностями, вынужденного выбирать между чрезмерно заботливой, назойливой матерью и равнодушным, бездеятельным отцом.

«В субботу вечером мне было нечем заняться, поэтому я пошел с мамой на фильм ужасов. Мне было скучно, но я не смог придумать ничего другого. Когда я вернулся домой, я был очень расстроен. Я постоянно вынужден проводить субботний вечер со своей матерью».

«Почему же ты не найдешь себе нескольких хороших друзей, с которыми ты мог бы ходить в кино?»

Он ответил с видом растерянного ребенка: — «Потому что я не могу найти друзей».

«Не можешь *подружиться*», — поправил я его.

Казалось, Эд запутался.

«Ты слышал историю про сэндвич с тунцом?»

«Сэндвич с тунцом?» — он отрицательно покачал головой.

«Два работника обедали каждый день вместе. В первый день тот, что постарше, развернул свой сэндвич — ржаная булка с пастромой, обложенной маринованными огурцами и салатом из помидоров. А у младшего работника сэндвич с тунцом. На другой день старший работник ест сэндвич из импортного швейцарского сыра на венской булке, с дижонской горчицей, салат из шинкованной капусты. У младшего работница опять сэндвич с тунцом. На третий день старший работник разворачивает свой обед — авокадо, шпроты и помидоры, уложенные на ломоть белого хлеба. Молодой работник разворачивает свой сэндвич и восклицает: — «Опять туец!» Старший работник спрашивает: — «Почему ты не попросишь свою жену сделать какой-нибудь другой сэндвич?»

«Какую жену?» — отвечает молодой работник. — «Я сам готовлю себе сэндвичи».

Эдвард улыбнулся.

«Итак, значит, ты не хочешь идти в кино со своей мамой в следующую субботу?»

«Нет».

«Ты используешь свою маму как замену для общения со сверстниками. Придумай какие-нибудь планы и не жди последней минуты для того, чтобы позвонить другу. Все это время ты готовил себе сэндвич с тунцом!»

Эд несколько раздраженно сменил тему: — «Вчера я случайно встретил девушку, с которой сидел за одной партой во время классного часа. Она спросила, не хочу ли я пойти с ней в магазин, где ей нужно было обменять платье, которое она купила».

«И ты пошел?»

«Я обманул ее. Я не уверен, что хочу общаться с ребятами из старших школы, с теми, кто знал, что я не совсем... ну... мужественный. А теперь, если я буду вести себя с нею иначе, она может подумать, что я притворяюсь», — он замялся, пытаясь подобрать более точные слова. — «На самом деле за последнее время я во многом изменился. Я чувствую себя иначе. Теперь я не могу представить себе, чтобы я мог пойти с девушкой в магазин для того, чтобы помочь ей обменять платье. Я не уверен, что она поймет, что теперь я отношусь к этому иначе».

Я кивнул: — «Наши друзья и члены наших семей лично заинтересованы в том, чтобы мы оставались прежними. Старые друзья из школы вряд ли примут другого Эдварда, более зрелого Эдварда».

«Теперь я хуже переношу девушек, из сплетни и все такое. Я не чувствую себя комфортно общаясь с ними, как раньше».

Я пояснил: — «Ты вступил в фазу, пропущенную тобой в раннем детстве — отторжение женщин, через которую проходят мальчики в латентном возрасте. Эта фаза называется «Я ненавижу девочек».

«Да. Фаза «все девчачье — отстой», я знаю. У меня такого никогда не было».

Я продолжил: — «Данная терапия построена на преодолении твоего защитного отчуждения от мужчин. Помни, когда ты был маленьким мальчиком, ты принял решение держаться ближе к маме и подальше — от отца. Ты посмотрел на него и сказал — «Ты мне *не нужен*. Я *не хочу* быть с тобой. Я *не доверяю* тебе». Так? И то же самое ты говорил остальным мальчикам, с которыми у тебя устанавливались дружеские отношения. Ты избегал их, держался от них подальше. Затем ты попытался преодолеть отчуждение через сексуальный контакт».

На следующей неделе Эд вбежал в комнату с сияющим от радости лицом: — «А я получил роль!»

«Какую роль?»

«В летнем театре. Я буду Кудряшом в «Оклахоме!»

«Поздравляю».

«Возможно, репетиции будут мешать нашим сеансам», — сказал он мне. — «Вероятно, они заставят нас работать каждый день».

Я очень ради видеть тебя таким взволнованным и счастливым. Конечно, тебе придется самому выбрать для себя приоритеты. Но только помни, что когда шоу закончится и занавес опустится...»

Эд кивнул. — «Я знаю. Я останусь один на один с теми же проблемами» — сказал он грустно.

Несмотря на жесткий репетиционный график Эд умудрялся выкраивать время для наших еженедельных сеансов. Он также продолжал посещать наши групповые занятия.

Однажды утром он удивил меня, попросив разрешения привести своего отца на наше следующее занятие. Однако, я объяснил Эдду, что нет никакого смысла в том, чтобы посвящать его отца во все претензии, которые имеет к нему Эд. Прежде, чем я попрошу его отца войти, Эд должен точно знать, чего он хочет добиться от него. Кроме того, после жалоб отцу Эд еще больше будет чувствовать себя беспомощной жертвой. Эд согласился попробовать построить диалог так, чтобы избежать жалоб. Он также согласился приходить на индивидуальные сеансы помимо совместных сеансов с отцом.

Наконец-то мне представилась возможность встретиться с Деннисом Патерсоном. Отец Эда был высоким привлекательным мужчиной. Он пришел на встречу в сшитом на заказ деловом костюме из серой ткани в полоску и переливчатом шелковом галстуке оранжевого цвета. Он крепко пожал мне руку и обратился ко мне в твердой и решительной манере, выдававшей в нем человека, привыкшего отдавать распоряжения.

Для начала он дал понять, что отменил важную встречу для того, чтобы придти на эту встречу.

На его фоне Эд выглядел хрупким. Он сел, выпрямив спину, на кушетке напротив отца. В этот момент он больше обычного был похож на неуверенного в себе ребенка.

Затем я попросил их сесть каждого на свой край кушетки лицом друг к другу. Я хотел, чтобы они разговаривали, непосредственно обращаясь друг к другу. Оба начали нервно смеяться, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Эд обхватил руками диванную подушку словно щит.

Пока они сидели и подшучивали друг над другом, я видел, что и отец, и сын действительно желали более теплых отношений друг с другом, но боялись проявить свои чувства после стольких лет разочарования друг в друге. Деннис Паттерсон определенно хотел улучшить отношения с сыном, но его прямолинейная и решительная манера общения только подавляла Эдварда. Эд хотел сообщить отцу, чего он хочет, в более размытых выражениях. Сбитый с толку стремлением отца перейти к делу, он совершенно растерялся.

Исходя из своего опыта в проведении совместных сеансов с отцами и сыновьями, я пришел к выводу, что отцы обычно закливаются на практических вопросах, избегая разговора о чувствах. К несчастью, сыновья, пытаясь установить хоть какой-то диалог с родителями, позволяют своим отцам оставаться на этом поверхностном уровне. Я видел, что Эд хотел бы, чтобы отец проявил свои чувства, выразил какие-то эмоции. Мистер Паттерсон часто пускался в многословные нотации о жизни, карьере и о самодисциплине (которая была его любимой темой), оставлявших Эда безучастными. Отец словно читал заключительную речь в суде присяжных. Эд явно был разочарован тем, что вместо откровенного разговора получил нравоучения, полные избитых клише.

Пытаясь разбить порочный круг, я вмешался: — «Как, по-твоему, отец воспринимает тебя, Эд?»

Эд пожал плечами, охваченный одновременно страхом и надеждой. Он не решался ответить

Наконец, он заговорил мальчишеским голосом, полным эмоций: — «Иногда я не знаю, чего ты от меня хочешь, папа... что тебе нужно».

Пытаясь защититься, Деннис Паттерсон ответил: — «Что ж, Эдди... чего ты хочешь от меня?»

«Вот твой шанс, Эд!» — подумал я. — «Идеальный момент, чтобы открыться».

Я знал, чего хочет Эд. Во время наших сеансов мы практически отрепетировали то, что он должен сказать своему отцу. Однако, он не отвечал.

Последовало долгое молчание, в течение которого они оба напряженно смотрели друг на друга. Слышно было лишь тиканье часов.

По своему мистер Паттерсон пытался установить контакт с сыном, но его нравоучения о самодисциплине мешали реальному общению. Защитной реакцией Эда против нотаций отца была противоположная его советам позиция, которую он оправдывал жадной большей свободой. Однако, свобода не имела к этому никакого отношения. То, чего действительно хотел Эд — любви и одобрения, — оставалось невысказанным.

Они посетили вместе четыре сеанса. Каждый раз они оба приходили на сеанс неподготовленными, словно они совершенно не задумывались о том, о чем они будут разговаривать. Действительно, Эд рассказывал мне, что они ехали до моего офиса молча, словно им нечего было сказать друг другу. Даже если во время сеансов между ними им удавалось вызвать друг в друге какие-то эмоции, это быстро прекращалось. Каждый из них быстро переходил к безопасной и бесполезной дискуссии о преимуществах и недостатках свободы и самодисциплины. Я ощущал в обоих страх. Они оба понимали, что под поверхностью они скрывают обиду и страх. Казалось, они оба думают: — «Если мы заговорим честно, то мы просто рассоримся».

Мать всегда незримо присутствовала на сеансах — и Эд, и его отец часто передавали друг другу, что сказала «мама» или «она». Как часто бывает в семьях, в которых вырастает

сын-гомосексуалист, она принимала чрезмерное участие в качестве посредника в отношениях между отцом и сыном. Я решил, что лучше скрывать свое раздражение и установить в качестве правила запрет на упоминание матери: — «Больше ни слова о ней. Мы собрались здесь для того, чтобы вы разобрались друг с другом, напрямую».

Я пытался пробиться сквозь поверхность, преодолеть уклончивость сына и тенденцию отца к противопоставлениям. Я не решался заговорить о проблеме гомосексуальности, поскольку они, очевидно, не были готовы к этому. Однако, она довлела над ними, не давая забыть о себе.

Я попытался прерывать монологи мистера Паттерсона и заставить его говорить о своем отношении к сыну, но он постоянно перебивал меня. Было ясно, что он не знает, как достучаться до сына. Я слушал их разговоры и понимал, что многое остается невысказанным. Я понимал, что впервые Деннис Патерсон, что был плохим отцом и испытывает боль из-за этого.

Я знал, что вскоре Деннис Патерсон перестанет посещать меня. Он не мог продолжать посещать наши сеансы в ущерб делам своих клиентов. Кроме того, я понимал, что в нем растет разочарование.

Мой прошлый опыт посредника между отцами и их гомосексуальными сыновьями научил меня не ожидать крупных прорывов, ведущих к большим изменениям. Поэтому когда Эд и его отец приехали на пятое занятие, я решил, что лучше подать им сильный импульс, пока отец окончательно не отказался от участия в терапии. Я хотел, чтобы в этот раз они ушли с результатом.

Хотя Эд ясно и подробно рассказывал о себе во время наших сеансов, ему не удавалось разговаривать с отцом таким же образом. Я решил в начале сеанса озвучить то, что они оба должны были испытывать в тот момент.

«Я не уверен, что вы оба испытываете, но наши занятия вызывают у меня скуку и раздражение. Давайте перейдем к делу. Мистер Патерсон, чего Вы хотите от Эда?»

«Я уже сказал Эду, чего я от него хочу. Я хочу, чтобы он стал разумным взрослым человеком».

«Отлично», — ответил я. — «А Вы знаете, чего хочет Эд?»

«Честно говоря, нет, не знаю» — признал он.

«На прошлой неделе у Вас установился контакт с Вашим сыном», — сказал я Деннису Патерсону. — «Когда у Вас установился с ним контакт, я заметил, что он успокоился. Он сосредоточился на Вас, потому что Вы давали ему то, что ему было нужно. Но Вам нужно следить за ним. Эду тяжело разговаривать с Вами. Ему нужно, чтобы Вы сами шли на контакт с ним. Чтобы *Вы сделали усилие и достучались до него*. Я вижу, как Вы пытаетесь сделать это, но Ваши попытки неизбежно переходят в односторонние нравоучения. Не читайте нотации. Я хочу, чтобы Вы дали Вашему сыну понять, что он дорог Вам. Эд хочет пробиться к Вам, но не знает как».

Мистер Патерсон внимательно выслушал меня. Затем он повернулся к своему сыну: — «Что ж, Эд, думаю, мистер Джо прав. На прошлой неделе я много говорил, говорил тебе: — «Эй, вот что мне нужно от тебя». Может быть пора и тебе высказаться» — Эд молчал, глядя в пол.

Его отец продолжил, на этот раз высказав более глубокие свои чувства: — «Может быть ты скажешь мне, хочешь ли ты, чтобы я остался в твоей жизни?»

Эд нервно рассмеялся, так ничего и не сказав.

«Ты хочешь что-нибудь сказать своему отцу?» — подтолкнул я его.

Он снова издал нервны смешок, по прежнему продолжая молчать. Его отец заговорил снова: — «Тебе всего лишь 18 лет, неужели ты хочешь сказать: «Ну, папа, прощай. Я буду делать, что хочу» Или ты хочешь, чтобы наши отношения продолжались?»

«Да, я хочу этого». — Эд опять нервно рассмеялся.

«Хочешь чего?»

«Сохранить отношения».

«Я спрашиваю тебя об этом», — продолжил отец, — «потому что я слышал, ты часто говоришь своей матери: — «Когда я закончу учиться, я оставлю вас навсегда».

Теперь мне стало ясно, что Деннис Патерсон считал, что сын отвергает его и относится к нему как к постороннему. — «Вы спросили об этом потому, что Вас сын очень дорог Вам», — подсказал я.

«Да, конечно» — подтвердил отец. — «Он всегда был дорог мне».

Я повернулся к Эду и спросил: — «Что сказал тебе отец только что?»

«Что он хочет, чтобы у нас были хорошие отношения»

«Верно. Но твой отец не знает, как поддержать их. Ему нужна твоя помощь», — подчеркнул я.

Затем, обращаясь к отцу, я сказал: — «Деннис, впервые за время сессий Вы смогли достучаться до своего сына. Видите, что происходит, когда Вы выражаете свои эмоции?»

Приободрившись, он сказал: — «Я хочу сказать: — «Сынок, в наших отношениях есть трудности. Ты становишься взрослым и собираешься покинуть нас. И нам лучше исправить это сейчас прежде, чем мы тебя потеряем».

«Правильно», — сказал я, кивнув.

«Скоро произойдет много перемен», — продолжил отец. — «Через пару недель, Эд, ты покинешь дом и начнешь учебу в колледже. Если мы не сможем установить доверительные отношения между нами сейчас, то я понимаю, что потеряю тебя навсегда. Мы должны сейчас поговорить о непосредственной причине проблемы. Откуда взялось это отчуждение?»

Эд молчал. Я мягко подтолкнул его: — «Поговори со своим отцом».

«Я не знаю, кто я, что я... какова моя идентификация?» — с тоской сказал Эд. — «Поэтому я не хотел говорить о себе».

Проявив неожиданную чуткость Деннис увел сына от болезненного для него обсуждения темы его гомосексуальности: — «Послушай, сынок, все, что ты можешь сказать мне о себе, о своей идентификации, не так важно. Самое главное, чтобы у нас с тобой были хорошие отношения».

«Я не знаю, что сказать — пролепетал Эд, по прежнему уходя от разговора.

«Ты боишься, что твой отец осудит тебя?» — спросил я.

«Я же не критикую *тебя*, папа», — выпалил Эд. — «Я не понимаю, почему ты критикуешь меня».

«Может быть я... должен узнать тебя получше», — сказал Деннис Патерсон.

Я повернулся к Эду: — «Какие вещи помогают тебе чувствовать себя лучше, делают тебя более уверенным?»

«Я чувствую себя уверенным на уроках актерского мастерства, на сцене. Еще я писал стихи». — Взглянув отцу в лицо в первые за время сеанса, он сказал: — «Есть много чего, что я не рассказывал тебе о себе, отец». — В его голосе звучала обида, но в широко раскрытых глазах читалась надежда.

Деннис Патерсон кивнул: — «Когда я был в твоём возрасте я тоже писал стихи».

«И я даже написал стихотворение, которое сейчас пытаюсь опубликовать», — рассмеялся Эд.

«Я бы хотел, чтобы так и случилось. Я хочу, чтобы ты гордился собой», — сказал отец. — «Если ты хочешь зарабатывать себе на жизнь искусством, то тебе придется приложить очень много стараний, потому что в мире искусства много конкуренции, как и в юридической сфере».

Он добавил мягким тоном: — «Ты не всегда прилагаешь достаточно усилий, сынок». — Рискуя перейти на нотации, он продолжил: — «Если ты не добьешься успеха, то ты не будешь испытывать удовольствия от того, что делаешь. Я хочу помочь тебе добиться успеха в чем-нибудь. Я не могу научить тебя, как писать хорошие стихи или быть хорошим актером. Я могу научить тебя только тому, что знаю я сам».

Я спросил у Эда: — «Чего ты хочешь от своего отца сейчас?»

Он пожал плечами, словно я спросил у него о чем-то очевидном.

Я понял, что Эд следует «качельному» механизму, который часто возникает во время совместных занятий с родителями и сыновьями: когда один участник сеанса раскрывается, другой уходит в себя. Эд, который так отчаянно нуждался в отцовской поддержке, теперь, получив ее, казался замкнутым в себе, безучастным. Так проявляли себя остатки защитной отчужденности, свойственной мальчикам. Я понимал, что вызывает раздражение отцов гомосексуалистов.

Заметив колебания Эда, его отец повернулся к нему лицом: — «Когда тебе было два или три года и твоей мамы не было в городе, Эд, ты заболел ветрянкой и мы повезли тебя к врачу. В приемной былолюдно и шумно, и ты плакал».

Впервые голос Дениса Патерсона задрожал: — «Я держал тебя на руках и укачивал, напевая колыбельные. Я не думал о людях, находившихся рядом, о том, что они подумают обо мне. И хотя ты плакал, ты улыбнулся мне... И впервые я действительно понял, что значит быть отцом. Ты научил меня этой тогда, сынок, позволив мне успокоить тебя».

На этот раз смех Эда был радостным и свободным. Он смотрел на отца с любовью.

Его отец продолжал: — «Я думал: — «Я люблю этого ребенка. Ничто не должно разлучить нас». Я решил сохранить этот момент в памяти. Я знаю, каким-то образом я забыл о нем с

годами. Но ты научил меня этому, сынок, когда ты был маленьким».

На следующей неделе Эд приехал один. Как часто бывало, его отец уехал из города по делам. Эд и я договорились вернуться к индивидуальным занятиям; его отец должен был посещать сеансы только при необходимости. Однако, Эд едва сдерживал торжествующую улыбку, потому что его отец предложил ему поработать в течение лета в его юридической фирме. «У нас был долгий разговор в машине, когда мы возвращались домой после сеанса», — рассказал он. — «Я попросил его научить меня как можно большему о работе юриста на случай, если я не смогу зарабатывать на жизнь искусством. Он сказал, что он может научить меня многому». — В голосе Эда звучала гордость и уверенность в себе.

Мы подвели итог тому, как характеры родителей повлияли на него. — «Твоя мать всегда была очень эмоционально, особенно с тобой. Ты всегда был слишком сильно вовлечен в ее жизнь на эмоциональному уровне». — Эд кивнул. Я продолжил: — «Твой отец, в целом, был ее противоположностью. Сильный, прямолинейный, не склонный менять свое мнение в том, что касается бизнеса, но неспособный проявить свои эмоции в семье».

Я указал на очевидное защитное отчуждение Эда от отца. Я рассказал ему, каким образом проявляется его склонность отталкивать от себя отца. Он должен признать, что сам виноват в том, что прибегал к подобной схеме поведения. Она явно противоречила тем отношениям, какие Эд хотел иметь со своим отцом.

Отцы гомосексуалистом часто ведут себя беспомощно, неловко, испытывают дискомфорт, когда им приходится идти на прямой контакт со своими сыновьями. У них обычно немного друзей среди мужчин, если таковые вообще имеются. Часто они сами имели плохие взаимоотношения с собственными отцами. Часто, кажется, что жены вынуждены руководить их жизнью, служить их переводчиками и представителями, особенно в отношениях с сыновьями. Во время терапии я, как правило, наблюдал взаимную антипатию, противостояние и глубокую обиду между отцами и сыновьями. Примерно половина таких отцов утверждает, что с раннего детства их сыновья отказывались принимать их. Заметив неприятие Эдом попыток своего отца сблизиться с ним, я понимал, почему такие отцы, как и их сыновья, ощущали себя отвергнутыми.

Наиболее общей чертой таких отцов является их неспособность сделать выводы из своих безуспешных попыток исправить проблемы в отношениях со своими сыновьями. Такие родители часто ощущали себя оказавшимися в тупике, неспособными пробиться через равнодушие и враждебность своих сыновей. Вместо того, чтобы разрешить проблему с сыновьями, они отступают и начинают избегать ее, чтобы защитить себя от болезненных переживаний. Они перестают проявлять свои эмоции и, как правило, оказываются неспособными направить отношения в позитивное русло. Некоторые отцы являются хрупкими и неготовыми измениться, другие ведут себя жестко и придирчиво, в то время как остальные, оказываются мягкотелыми, слабыми и пассивными. Из-за отсутствия проявления эмоций, сыновья часто называют их «тряпками», хотя такие отцы, в действительности, они могут быть сильными и успешными личностями вне своих семей.

Во время написания этой книги Эдвард добился значительных успехов. Он учится на втором курсе колледжа, где занимается актерским мастерством. По субботам он работает в юридической фирме отца. Присоединившись к студенческому братству, Эд прошел современный недельный ритуал проверки для членов братства, который, по его мнению, был для него потрясающим опытом. Он понял, что может принять риск быть отвергнутым для того, чтобы добиться признания сверстников. Общение со членами братства подарило ему возможность отделить сексуальность от жажды товарищеского внимания, одобрения и

привязанности. Он счастлив в колледже и считает, что его жизнь движется в правильном направлении.

Эд дистанцировался от чрезмерно близких отношений с матерью и значительно улучшил отношения с отцом. Однако, хотя между Эдом и отцом были сломаны некоторые значительные барьеры, мой опыт подсказывает мне, что возможности для развития долговременных близких отношений между гомосексуальными мужчинами и их отцами ограничены. Излечение травмы, причиненной отцом, по большей части, является результатом большего понимания и принятия сыном возможностей и недостатков своего отца, чем какие-либо изменения в характере отца.

Еще слишком рано делать окончательные выводы о том, в каком направлении будет развиваться жизнь Эда дальше. Эду всего лишь 20 лет и, безусловно, в его жизни еще будет много перемен. Однако, многие факты указывают на то, что этот искренний и одаренный молодой человек продолжит развивать свою гетеросексуальность, достигнутую ценой таких усилий.

8. Роджер — «хочу ли я быть здесь?»

Едва 27-летний Роджер Шульте, учитель химии в старших классах, переступил порог моего кабинета, стало ясно, что он еще не определился окончательно, хочет ли он пройти терапию. Он сказал мне по телефону, когда мы договаривались о встрече: — «Обычно я предпочитаю самостоятельно решать свои проблемы. Я хочу встретиться с Вами потому, что я зашел в тупик».

Когда он появился в дверях, я увидел довольно бледного человека с серьезным худым лицом и в чрезмерно больших очках. У Роджера была уникальная манера одеваться. Ее можно было бы охарактеризовать как «продуманно чудаковатую». Он носил очень широкий галстук с ярким узором поверх помятой рубашки из хлопка цвета хаки. Потертые брюки из черной плисовой ткани дополняли двухцветные сапоги из кожи рептилий. Как и его одежда, Роджер впоследствии оказался образцом противоречивости.

Роджер нервным движением уселся в кресло и сцепил ладони на коленях. Когда я смотрел на него, мне на ум приходил стереотипный образ рассеянного профессора. Его непослушные черные волосы были зачесаны назад несколькими небрежными взмахами расчески, смоченной водой. Его некогда щегольские сапоги с заостренными носками теперь были неряшливыми и пыльными.

Не заставив себя ждать, он принялся рассказывать историю своих долгих взаимоотношений со своим единственным любовником, которого звали Перри. Они оба решили прибегнуть к психотерапии в надежде побороть свою гомосексуальность. Однако, его бывший возлюбленный передумал. — «Перри решил, что терапия никак не помогает ему и теперь проводит по три-четыре вечера в неделю в клубе «Жажда», пытаясь подцепить там кого-нибудь», — сказал Роджер, не скрывая боль и обиду.

Я слышал о клубе «Жажда» от многих своих клиентов. Среди ночных клубов для гомосексуалистов занимал такое же высокое место, как «Книжный карнавал» среди магазинов порнографии. Это был самый большой, самый шикарный и наиболее популярный клуб такого рода в Лос-Анджелесе.

Роджер рассказал мне о том, какую боль он испытывает, когда видит как Перри выпивает и танцует с другими мужчинами. Хотя официально они расстались после девяти месяцев, проведенных вместе, в нем осталась болезненная созависимость.

«Я решил, что я должен найти терапевта-мужчину для того, чтобы решить эту проблему», — сказал он, рассмеявшись от неловкости. — «Но теперь, когда я оказался здесь, я не знаю, о чем говорить». — Он пожал плечами и отвел взгляд, неожиданно охваченный смущением.

Я понял, что под провокационной одеждой скрывается застенчивый человек, который боится проявить свою подлинную натуру. «Возможно, Вы не привыкли облекать свои чувства в слова», — сказал я. — «Или может быть Вы привыкли к тому, что Вас не принимают всерьез».

Роджер медленно кивнул: — «Да, это правда. Иногда я сомневаюсь, что мои студенты принимают меня всерьез». — Сразу же, с самого начала я услышал о распространенной психологической проблеме, берущей начало в раннем детстве, когда родители ребенка с гомосексуальными проблемами в будущем не относятся к нему всерьез.

Роджер начал рассказывать мне о своем детстве, о своих родителях, которые пропадали на работе в большом туристском отеле в горах Кэтскил в штате Нью-Йорк. — «Я видел их только один раз в неделю в их выходной день, да и то, они бывали настолько усталыми, что не могли ни поиграть, ни поговорить со мной. Когда мы отправлялись куда-нибудь вместе, я ощущал себя тюремным заключенным».

Он сказал грустно: — «В отношениях с отцом я чувствовал себя как парализованный. В течение всего моего детства он всегда воспринимал в штыки все, чем я хотел заниматься. Однако, я должен признать, что именно благодаря отцу я стал учителем». — Он иронично засмеялся. — «Он происходил из немецкой семьи, в которой были очень строгие нравы. Все члены семьи были учеными. Он общался со мной посредством письменных сообщений. Он вручал мне газету, указывал на редакторскую колонку и говорил: — «Тебе нужно непременно прочитать это, Роджер», — но при этом мы редко разговаривали».

Роджер явно был ограничен в способах выражения эмоций. Я понял, что в его семье редко проявляли эмоции. И как и подростки, которых он обучал, Роджер использовал одежду как способ выражения идентичности, о которой он не мог заявить иным способом.

Он посмотрел на меня и признал: — «Я помню, с какой ревностью относился к брату в раннем детстве, потому что я чувствовал, что отец уделяет все свое внимание ему. Мой брат имел довольно трудный характер. Он был задирой в школе, в то время как я был тихим очкариком, который всюду таскал с собой рюкзак, набитый книгами. Я всегда казался другим. Я ощущал себя сиротой, который был по ошибке усыновлен семейкой нацистских штурмовиков». — Он рассмеялся собственной шутке, но его глаза оставались грустными.

Он печально покачал головой. — «В памяти всплывает множество детских воспоминаний, но большинство из них причиняет боль. Это пугает. Мне тут же хочет запрятать их поглубже... забыть о них».

Роджер рассказал мне о своих попытках побороть свой страх.

«Я знаю, что мне очень нужно раскрыться и начать встречаться с другими людьми, но я боюсь сделать это. Я боюсь людей, боюсь встречаться с ними. Боюсь быть отвергнутым». — Он рассмеялся и с презрением к самому себе покачал головой. — «Я боюсь искать друзей потому, что я даже не знаю, что такое прочная, близкая дружба! Этот страх сидит во мне уже давно. Наверное, сколько я себя уже помню... может быть, с самого рождения. Когда я вспоминаю прошлое, то оказывается, что все мои дружеские отношения начинались по инициативе другого человека. Иногда я знакомлюсь с кем-нибудь во время похода с местным отделением клуба «Сьерра», к которому я принадлежу. Мы обмениваемся телефонами, но я никогда не

звоню первым. Я жду, когда он позвонит мне».

«Из-за боязни быть отвергнутым», — сказал я.

«Из-за боязни быть отвергнутым», — повторил он. — «Я всегда испытывал этот страх. По крайней мере, он составляет часть проблемы. Иногда я боюсь, что ни с того ни с сего я подумаю: — «Может быть, я ошибаюсь, считая, что тому парню было хорошо во время нашей последней встречи. Может быть, он больше не позвонит мне». — Я боюсь этого».

«Вы боитесь своего собственного успеха».

«Да», — признал он.

Я объяснил: — «Это проблема с оценкой собственных сил. Вы боитесь нести ответственность за успех. Вы не верите в то, что Вы обладаете достаточной силой для того, чтобы закрепить успех, которого Вы уже добились».

«Да. И что хуже всего, я не могу контролировать гомосексуальные желания, когда они находят на меня. Вот что вызывает у меня депрессию больше всего».

«Вам не нужно контролировать свои гомосексуальные желания для того, чтобы перебороть их». — Мои слова удивили Роджера. Я продолжил: — «Лечение состоит не в контроле».

Роджер едва не попал в ловушку, которая часто возникает на ранних стадиях терапии и заключается в чрезмерной фокусировке на контролировании поверхностных симптомов вместо решения более глубоких проблем. На самом деле, человек, направляющий свои усилия на самоконтроль, обречен на борьбу с самим собой, которую он неизбежно проиграет. Такая борьба служит способом уклонения от более сложной задачи, которая состоит в необходимости установления близких отношений с мужчинами, лишенных сексуального подтекста.

«Ваши гомосексуальные искушения не должны отвлекать Вас от главной, скрытой задачи. Вашей основной задачей — перебороть свой страх и одиночество для того, чтобы развить близкие отношения с мужчинами. Вместо того, чтобы рассматривать мужчин в качестве объектов сексуального внимания, Вы должны распознать чувства, которые скрываются под сексуальным желанием. Ваши сексуальные влечения в действительности скрывают острую боль и отчуждение, и Вам нужно научиться справляться с болью более надежным образом».

«Вы правы насчет боли», — сказал он.

«Расскажите мне об этой боли».

Он вздохнул. — «Это боль от постоянного страха. Боль от одиночества. Боль от того, что я везде чувствую себя лишним».

Он уныло покачал головой. Наше время подошло к концу, и я спросил, хочет ли он продолжить наш разговор на следующей неделе. Он сказал, что подумает об этом. На следующий день он оставил сообщение на моем автоответчике: он передумал проходить терапию.

Три месяца спустя Роджер позвонил мне и договорился о сеансе. В назначенный час он вошел в мой офис с унылым и недовольным видом.

Некоторое время он ходил вокруг да около, лишь в общих чертах описывая причину, которая побудила его возобновить терапию.

«Но что привело Вас ко мне снова, Роджер? Что заставило Вас передумать?»

Немного помявшись, он со смущением начал свой рассказ: — «На прошлой неделе со мной произошло неприятное событие. Об этом даже рассказывать унизительно».

«Не волнуйтесь, Роджер», — заверил я его. — «Меня уже ничем нельзя ни удивить, ни шокировать».

«Что ж, я ходил домой к одному мужчине, который старше меня. Я не был с ним знаком прежде. Я нашел его имя на обратной стороне листовки. Вы знаете, такие бесплатные газеты, которые можно взять в гей-барах. Он «искал отношений».

Я кивнул.

«Как бы то ни было, я пришел к нему домой, и он сказал мне, что ему нравится, чтобы молодые парни играли активную роль, а сам он предпочитает быть «пассивом». Мы начали делать это. На мне была резинка, но потом я почувал этот запах и», — его голос стал тихим. — «м-м... он был отвратителен, и мне было трудно продолжать».

Я прервал: — «Что это был за запах?»

«Запах дерьма», — ответил он, избегая моего взгляда. Прошло некоторое время прежде, чем он смог продолжить: — «Потом я пошел в ванную комнату и там... на кончике моего члена был кусочек дерьма. Это был полный кошмар. Слава Богу, на мне была резинка. Я довольно быстро оттуда убрался. Неожиданно я осознал, насколько все это извращенно. Я подумал, как низко я могу пасть? Неужели гомосексуалист должен заниматься этим, чтобы получить сексуальное удовлетворение?»

«Я считаю, что секс между мужчинами неестественен».

Роджер согласился посещать меня раз в неделю. По прошествии нескольких недель он, казалось, начал испытывать больший энтузиазм по поводу терапии. Однажды он начал разговор о своей ежедневной борьбе с тем, что он называл своими «маленькими страхами» — скованностью и нервозностью.

«Я трачу много денег на одежду», — сказал он. — «Я не могу устоять, когда вижу красивые сапоги по хорошей цене или что-нибудь еще, что мне нравится. Однако, когда я иду в магазин, то я боюсь продавцов. Я не могу смотреть им в глаза. Я ощущаю себя маленьким ребенком. Маленьким ребенком в мире взрослых. Это несколько иронично, если учесть, что я учитель. Но в последнее время я говорю себе, что я должен преодолеть это. Поэтому вчера я пошел в универмаг и некоторое время просто бродил по нему. Я старался смотреть людям в глаза, старался быть менее стеснительным».

«Важно помнить, что улучшение наступает постепенно через небольшие изменения», — отметил я. — «Вам нужно продолжить работу над своим поведением и постепенно изменять его».

«Однако, несмотря на то, что теперь я свободнее общаюсь с людьми, я все еще очень сильно боюсь их. Я ощущаю себя скованно, когда мне приходится контактировать с людьми».

«Вы преодолеваете свою застенчивость на уровне поведения, но страх остается».

«Я чувствую, что я вынужден защищать себя, силой заставляя себя идти на контакт с людьми,

иначе я никогда ни с кем не обмолвлюсь и словом», — угрюмо сказал он.

Пока Роджер говорил о своей застенчивости, своем стремлении защититься через самоизоляцию, я не мог не думать о том, что, вероятно, так он ощущал себя в детстве в присутствии своих родителей, которые подавляли его спонтанность.

Затем Роджер рассказал о своем прежнем возлюбленном, Перри. «В выходные я окончательно сорвался и позвонил ему. «Я просто узнаю, как он поживает», — говорил я себе. Я не смог дозвониться. Вместо него заговорил автоответчик. Как только я услышал его голос, записанный на пленку, я потерял всякое желание разговаривать с ним. Я просто почувствовал сильную злость и грусть. Острое чувство утраты. Я хотел как-то подвести черту под наши отношения. Мы так и не сделали этого, просто разошлись без объяснений. Я понял, что пытаюсь выставить его «плохим парнем», но он вовсе не такой».

«Это оторвано от реальности», — согласился я.

«Я знаю, что это оторвано от реальности. Но я поступал и при всех остальных отношениях. В итоге я всегда испытывал злость и отвращение к тем мужчинам, которых, как мне казалось, я желал. Я решал, что они — сволочи. Такие же чувства я испытывал и к отцу».

«Именно», — сказал я.

«Я «осознаю» все это в некотором роде, но, несмотря на это, грусть остается. Мне становится особенно грустно, когда я представляю себе Перри или вспоминаю его голос. Я понимал, что я не вспоминаю его таким, каким он был в действительности. Вместо этого в моей памяти остался его идеализированный образ. Я любил его потому что он был раскованным, безбашенным и общительным, то есть тем мужчиной, которого я всегда хотел найти и в котором я нуждался».

«Идеализированный образ самого себя», — подумал я про себя. Именно таким хотел бы быть сам Роджер, если бы он не сдерживал себя.

«Однако, есть некоторые стороны тех отношений, которых мне действительно не хватает. Несмотря на все ссоры и разборки, были моменты, когда мы действительно были близки. Я думаю, так происходит со всеми людьми, которых притягивает друг к другу, хотя бы ненадолго. Я знаю, что такие моменты в наших отношениях были хорошими, здоровыми», — продолжал он. — «Но с другой стороны, во мне сидит злость за то, что я позволял ему так нагло мной манипулировать. Я просто в ярости из-за того, что мной манипулировали».

«Так бывало раньше?»

«После одного удручающего романа с парнем в старших классах я поклялся, что никогда больше никому не позволю манипулировать мной. Но затем я оказался с Перри».

После долгого молчания он сказал: — «Многие годы я искал идеального парня, но каждый раз сталкивался с ужасной болью и разочарованием. Теперь я знаю, что никогда не встречу идеального партнера. И я понимаю, почему. Однако, даже в этот момент, когда я рассказываю Вам о своих выводах, я испытываю острое чувство утраты. Я не могу примириться с тем, что преследовал иллюзию».

Роджер коснулся одного из самых сложных моментов репаративной терапии.

Я сказал: «Думаю, Вам нужно прочувствовать горечь этой утраты. Вам нужно отказаться от

этой извечной мечты гомосексуалистов о том, что какой-нибудь парень навсегда станет Вашим другом, партнером по сексу, верным возлюбленным, приятелем, братом, родственной душой, всеми в одном лице. Я думаю, Вам действительно надо оплакать утрату этой мечты», — сказал я.

«Во время нашей последней встречи в «Жажде», — сказал Роджер, — «меня расстроили кое-какие оскорбления, которые Роджер высказал в мой адрес. Мне показалось, что он намеренно доставал меня».

«наверное, для того чтобы оттолкнуть Вас. Думаю, его одолевают те же противоречивые чувства, что и Вас».

«Что Вы хотите сказать?»

«Он тоже надеялся, что из Ваших отношений получится что-то особенное, но потом он разочаровался и решил разрушить то хорошее, что возникло между Вами».

Роджер сказал медленно: — «Это так же, как мы ненавидим то, что мы любим, потому что это не может принадлежать нам». — Он добавил, словно обдумывая эту мысль: — «Хм. Теперь, когда я услышал это, я стал чувствовать себя лучше».

«Потому что теперь Вы понимаете, что происходит. Гомосексуальные чувства так скоротечны, потому что гомосексуалист ненавидит то, что любит. Он понимает на каком-то уровне, что ни один мужчина не может воплотить его нереалистичные ожидания».

Затем Роджер сказал: — «Хм». — Затем добавил с грустью: — «По-моему, это несколько разрушает ореол романтичности». — Затем: — «Нелегко быть мужской парой, скажу я Вам».

«Только в том случае, если Вы не желаете мириться с неизбежными ограничениями однополых отношений».

Гомосексуальные отношения полны несовместимого противоречия: страха перед мужчинами и одновременной тяги к ним. Однополые отношения обычно начинаются с нереалистичного представления о партнере, с его образа. Этот образ представляет собственную утраченную мужественность гомосексуалиста. Поскольку такое влечение основывается на поверхностном восприятии характера партнера, такие проекции неизбежно ведут к разочарованию. И поскольку такие отношения строятся на мечтаниях и проекциях, пара сталкивается с трудностями при переходе со стадии романтического увлечения к долгосрочному моногамному обязательству.

Посредством эротического контакта с другим человеком, гомосексуалист пытается обрести утраченную часть самого себя. Но поскольку такое влечение проистекает из личного дефицита, он не обладает свободой в полной степени для того, чтобы любить другого человека.

Д-р Херман Нюрнберг (1938) говорит о распространенном типе гомосексуальных клиентов, которые, казалось, верили в то, что «через простой контакт с сильным человеком, через объятие, через поцелуй, они способны вобрать в себя их силу и стать такими же сильными, как объект их желания». (стр. 5) Такой поиск идеала мужественности характерен для гомосексуальных отношений. Именно по этой причине в гомосексуальных отношениях проявляется обескураживающий цикл быстрой смены влечения равнодушием вскоре после сексуального контакта. Это цикл неутоленной жажды близости, который часто повторяется в течение всей жизни.

Гетеросексуальный мужчина не имеет столь сильной психологической зависимости от идеала женщины. Идеал женщины не имеет такого же большого значения, потому что в этом случае партнер нужен не для того, чтобы восполнит дефицит в его собственной первоначальной ориентации. Вместо того, чтобы искать партнера, такого же как он сам, он ищет партнера, который дополнял бы его.

Гомосексуалист часто возлагает свои надежды на мечту о будущем возлюбленном. Действительно, согласно статистике, гомосексуальные пары практически никогда не остаются моногамными и верными друг другу. Однако, взрослые отношения означает принятие неизбежных ограничений, связанных с выбором постоянного партнера на всю жизнь и созданием того, что можно создать с помощью таких отношений.

Гей-пары часто демонстрируют острую зависимость, ревность и мнительность. Самые недолговечные пары, с которыми мне приходилось иметь дело, были мужскими. Как правило, они жалуются на противоречивость своих чувств, бурные конфликты, даже физические травмы. Из-за того, что отношения отягощены излишним багажом неудовлетворенной в детстве необходимости в любви, в них присутствует значительная доля агрессивной зависимости.

Я не могу поверить в то, что мужчина может быть создан для того, чтобы прожить свою жизнь в однополном союзе. Без влияния женщины в любовных взаимоотношениях всегда будет отсутствовать необходимая основополагающая сила.

Несколько месяцев спустя Роджер вошел в комнату и с ходу задал вопрос: «Для того чтобы у человека была высокая самооценка, родители должны давать положительную оценку его действиям в детстве, так ведь?»

Он продолжил прежде, чем я успел что-то сказать: «Потому что мои родители никогда этого не делали».

«Ответ на Ваш вопрос — «Конечно», — согласился я. — «Но важнее давать не просто положительную оценку, но справедливую оценку. Для того у ребенка развилось верное представление о собственной идентичности, нужно, чтобы окружающие точно давали понять ребенку, какую личность он из себя представляет».

«Вот это моя проблема», — угрюмо заявил Роджер. — «Родители либо пренебрегали мной, либо манипулировали». — Он подумал с минуту, затем поправил себя: — «Вернее, меня игнорировал мой отец, а мать манипулировала мной». — На его лицо появилось выражение удовлетворенности.

Затем Роджер перешел к текущему положению вещей: — «Вчера я ходил к родителям на воскресный обед. Всякий раз, когда я прихожу к ним, я ощущаю беспокойство. Все, что они говорят мне, раздражает меня. Когда я вернулся в свою квартиру, я испытывал такое напряжение, что был готов начать мастурбировать, едва войду в дверь».

Он замолчал, словно не зная, как развить это наблюдение дальше. Как многие мужчины с гомосексуальной ориентацией, высказав что-либо наболевшее, Роджеру было трудно продолжать обсуждение. Часто казалось, что его удовлетворяет сам факт того, что жалоба была высказана, и ему недостает мотивации для того, чтобы попытаться провести внутренний анализ самого себя.

«Почему?» — подтолкнул его я. — «Вам нужно спросить себя «Почему?»».

Он отвел взгляд и глубоко вздохнул. Затем посмотрел мне прямо в глаза и сказал: — «Потому что когда я разговариваю со своими родителями, они не слышат меня».

«Хорошо. И какая связь между недовольством родителями и мастурбацией?» — допытывался я.

Он посмотрел на меня с непонимающим видом.

Я сказал: «Всякий раз, когда мы испытываем беспокойство, скуку, раздражение, тревогу или депрессию, это является сигналом от нашего тела о том, что мы отделились от своей сущности». — Я продолжил: — «Вы были отделены от своей собственной сущности, и мастурбация была способом восстановить связь с нею, способом снова ощутить свое тело. Разум отключается. Когда все тело концентрируется на оргазме. Мастурбация, как переедание и прочее аддиктивное поведение, имеет объединяющую функцию».

Я наклонился к нему и посмотрел на него пристально: — «Не забывайте спросить себя: «Что я чувствую сейчас такого, что не могу выразить?» Большую часть времени эмоцией, которую мы в себе подавляем, является злость, и...»

Роджер нетерпеливо прервал меня: — «Как я могу выразить свою злость к родителям? Начать кричать на них?»

Я понимал, что он раздражен, но, тем не менее, продолжил спокойным голосом: — «Согласование своего поведением со своими чувствами не означает необходимость устраивать скандалы. Попробуйте говорить более прямо о своих чувствах. Если Вы признаетесь себе в том, что Вы — злы, это вызовет сдвиг в чувствах. Вы ощутите контроль над своими чувствами, как только обозначите их. Вы неожиданно почувствуете, что владеете собой. Затем Вы решите, как Вы можете выразить свою злость надлежащим образом, например, просто уйти из дома родителей».

«Я так и сделал», — сказал Роджер, всем видом показывая, что ждет похвалы.

«Да», — сказал я, подыгрывая ему, — «потому что у Вас не было другого выбора. Вы не были готовы к откровенному разговору с родителями. Вместо этого вы перевели свою злость в сексуальный акт. Большая дрочка. Это распространенная, я бы даже сказал, характерная реакция гомосексуального мужчины. Его внутренняя сила переводится в сексуальное поведение».

Поразмыслив несколько секунд, Роджер рассмеялся, затем принял серьезный вид и сказал: — «Это звучит так извращенно». — Он задумался. — «Объединяющая функция».

Я добавил: — «Однако же, высшей объединяющей функцией оргазма является размножение».

Роджер посмотрел на меня, вяло пожал плечами и затем начал рассказывать мне о своем первом сексуальном опыте, долгая история сексуального растления более старшим соседским мальчиком:

«Это началось, когда мне было 5 и ему было 13. Было четверное июля, и мы с Ларри играли в прятки, пока наши родители были снаружи на барбекю, устроенным гостиницам. Я спрятался под кроватью, а Ларри нашел меня и попросил отсосать у него. Тогда я не знал, что такие действия называются сексуальным растлением. Мне понравилось то, что мы делаем. Мне очень польстило то, что мне уделяют особое внимание. Я всегда был нерешительным и застенчивым, а иметь защитника в лице более взрослого и сильного мальчика... Думаю, Вы можете сказать, что я быстро подсел. Это было увлекательно. В течение многих лет героем

моих сексуальных фантазий был Ларри».

«То есть вы хорошо относились к нему?»

«Я был для него особенным. Он принимал меня. Я получал от него одобрение, в котором мне отказывали в других местах. Мой отец ничего не дал мне. Ко мне он относился с полным равнодушием. И мой брат никаким образом не поощрял меня. Он был крутым парнем, заикленным на себе, и рядом с ним я ощущал себя слабаком».

«По-Вашему, Ваше общение каким-то образом связано с тем, что вы стали гомосексуалистом?»

«Ну...» — Роджер задумался на мгновение. — «На самом деле повлияло все вместе, я думаю... Возьмите мать-собственницу, равнодушного отца и мои отношения с Ларри — все это вместе взятое должно быть и подтолкнуло меня в таком направлении».

«Когда закончились эти отношения?»

«Мне было 13 лет, когда мы занимались этим в последний раз. К тому времени я чувствовал себя ужасно из-за них, потому что я не знал, что думать об этом. Я также испытывал кое-какие гетеросексуальные чувства — я в некотором смысле был влюблен в одну девочку в школе, поэтому я не мог понять, делает ли меня секс с Ларри гомосексуалистом или я гетеросексуал. После этого у меня не было секса с парнями до последнего класса старшей школы».

В завершение нашей сессии я предложил Роджеру записывать свои мысли, чувства и переживания, кажущиеся ему важными, в дневник. Ведение дневника способствует сознательному анализу внутренних психических процессов. Как большинство моих клиентов Роджер легко поддавался воздействию внешних событий. Я надеялся, что с помощью дневника он научится искать ответы внутри самого себя.

На следующей неделе Роджер появился в возбужденном состоянии. Его нельзя было назвать счастливым, потому что он никогда не умел проявлять свои эмоции.

«Что ж ... я сделал то, что Вы сказали. И это сработало», — сказал он мне.

«Отлично! Ну что я говорил?», — пошутил я.

«В прошлую субботу я ходил по торговому центру, и я ощущал грусть ... снова, беспокойство. Меня всегда волнует то, как я выгляжу. «Похож ли я на гея?» — спрашивая себя. Все такое, всякую чушь. В конце концов, я спросил себя: — «Эй, что здесь происходит? Как я себя чувствую на самом деле?» Как Вы и советовали. И я понял, что раздражен тем, что моя мать послала меня с этим поручением купить новый ремешок для наручных часов моего отца. Я не рассержен на своего отца, а только на свою мать за то, что она послала меня со словами: «О, Роджер, сделай, пожалуйста, вот это, и когда ты будешь там, не забудь сделать и вот это тоже». И я иду словно тряпка! Ей кажется, что мне 16 и мне больше нечем заняться. Но если я заикнусь об этом, у нас возникнет спор или я раню ее чувства».

Я пояснил: — «Такой анализ Ваших собственных чувств — процесс, который был подавлен в детстве. Вы оказались втиснуты в роль хорошего мальчика, которые не мог понять, что он чувствует».

Роджер добавил: — «Который был бессилен».

«И который в свою очередь начал восхищаться мальчиками, которые вели себя непосредственно, раскованно и уверенно», — сказал я. — «Поэтому вы влюбились в образ, который проецировал Перри — он был прямолинеен и экстравертен. Но вам нужно поддерживать в себе осознание своих собственных чувств и реагировать на ощущения тревоги, скуки и депрессии».

«А также раздражения и беспокойства», — добавил он.

Затем Роджер рассказал мне о фотографии, которую он видел на прошлой неделе и которая произвела на него необычное впечатление. Благодаря ей, он смог понять чувства, которые кроются за его эротическим влечением к мужчинам.

«Я был в книжном магазине и рассматривал книги в отделе искусства. Там я увидел альбом фотографий с обнаженными мужскими моделями. Ничего порнографического или такого. В общем, я обратил внимание на снимок трех парней, стоящих кругом в бассейне. Они стояли по пояс в воде и было видно только их спины, т. е. ничего откровенного. Однако, в этой снимке было что-то ужасно притягательное».

Я поощрил его: — «Продолжайте анализировать этот снимок. Что именно было притягательным в этом снимке?»

«Ну, мне как бы хотелось быть с ними. Они смеялись, наслаждались жизнью, обнаженные, свободные, на открытом воздухе. И я хотел быть там с ними». — Роджер продолжал с оттенком грусти в голосе: — «У меня никогда не было настоящего опыта естественного общения с мужчинами. Знаете, как местный бассейн, в который мальчики ныряли голышом. Я никогда не занимался этим».

«Вы говорите о скрытом стремлении к естественному физическому контакту. По мере Вашего взросления, оно приобрело эротическую направленность».

«Вот именно! Когда я смотрю порновидео с мужчинами, я фантазирую, что я участвую в фильме вместе с ними — что мне снова 13 лет и я нахожусь в кругу мастурбирующих друзей».

«Вы занимались этим в 13 лет?»

«Нет. Но в некоторой степени я жалею, что этого не было. Возможно, тогда я не испытывал бы в этом необходимости теперь».

Догадка Роджера напомнила мне об идеях известного психиатра Хэрри Стэка Салливана, также гомосексуалиста. У него была странная, естественно, непонятая в свое время идея о том, что гомосексуальное поведение между мальчиками помогает сформировать основу для гетеросексуальности во взрослой жизни. Я думаю, что Салливан был прав насчет базового принципа: мальчику нужны близкие мужские отношения (хотя и не сексуального характера) для того, чтобы перейти к фазе интереса к противоположному полу.

Затем Роджер задал вопрос: «Перри и его друзья недавно были на митинге в защиту прав женщин, и я подумал, что геи — практически всегда за феминисток. Почему?»

«Гомосексуалистов и женщин объединяет недоверие к мужской силе. Они не верят в то, что мужская сила может быть положительной».

«Хм. Я думаю, это правда», — кивнул Роджер.

«Это коалиция, которую две группы создали против устоявшегося порядка вещей, при котором политическая структура общества строится на власти белых мужчин».

Затем Роджер поднял проблему, которая волновала его: — «На прошлой неделе я получил от работодателя ежегодную оценку своей профессиональности. Мой начальник сказал мне, что я слишком чувствительный». Он нервно потер ладони. «Это правда. Когда какие-то сопляки отпускают глупые замечания за моей спиной, я притворяюсь, что не слышу их, но их слова эхом отдаются в моей голове еще несколько дней. — «Может быть, я — *такой*, или такой, или вот такой». Я всегда остро реагировал на такие вещи».

«Вы уязвимы потому, что образ, который Вы поддерживаете, не является реальным», — объяснил я. — «Потому Вы ощущаете себя таким незащищенным».

«Но иногда бывают дни, когда я чувствую себя сильным и оптимистично настроенным. Мне кажется в такие моменты, что никакие слова не могут повлиять на мое настроение».

«Хорошо. Теперь Вам известна разница между Вашей ложной сущностью и подлинной сущностью», — сказал я. — «Обратите внимание, что когда Вы теряете себя в ложной сущности, у Вас может уйти полдня и больше только на то, чтобы осознать, что случилось. Теперь время, которой уходит на возвращение к Вашей подлинной сущности, другими словами, время восстановления будет становиться все короче по мере того, как будете практиковаться в этом».

Роджер спросил: — «Но какое, черт возьми, отношение это имеет к гомосексуальности?»

«Прямое», — сказал я. — «Гомосексуальность — всего лишь симптом, всего лишь одно из проявления утраченной мужской силы, которую Вам так и не удалось обрести, начиная с детства».

Пока Роджер обдумывал эти новые идеи, я думал об интерпретации гомосексуализма философом Эли Сигелем как проблема жизненной адаптации. *Эстетический реализм* Сигеля побуждает гомосексуалиста пробиться сквозь свою пассивность для того, чтобы добиться подлинного контакта с противостоящими ему элементами окружающего мира, включая полярную противоположность мужчин и женщин.

Роджер заговорил снова: — «Я прожил в пассивном состоянии столько лет своей жизни, что теперь оно кажется моей второй натурой. Это как будто...» — он сделал паузу, чтобы подобрать верное слово, — «нормально».

Я заверил его: — «Но теперь вы знаете разницу. Вы сможете добиться перемены внутри себя, когда Вы захотите вернуться к своей подлинной сущности».

Через неделю Роджер рассказал мне, что случайно встретил Перри в кинотеатре.

«В прошлую субботу я встретился с ним на его квартире и понял, что мои чувства к нему еще живы. В начале разговора он рассказал мне о своих подвигах, и я ощутил ревность. Он рассказал мне о своем новом приятеле, которого встретил в «Ночлежке». Это новый гей бар в стиле «вестерн».

«Где все в образе ковбоев?»

«Ага», — он рассмеялся. — «Итак... этот новый парень — он, по словам Перри, идеальный бойфренд. В любом случае, Перри сказал, что теперь он — в полной гармонии со своей

гомосексуальностью, прочтя лекцию о том, что она ниспослана ему Богом».

«Но затем посреди этого разговора Перри повернулся ко мне и спросил: — «У тебя когда-нибудь был секс, после которого ты ощущал бы себя полностью удовлетворенным?» — Я подумал об этом и сказал: — «Нет, никогда». — «У меня тоже», — сказал он, потом добавил: — «Я не думаю, что такое признание является гомофобским».

«Он все еще ходит по барам, суетится, пытается отвлечься. Я думаю, что на самом деле он очень несчастен, его мучает внутренний конфликт, через который прохожу и я. Поэтому-то это так больно».

«Расскажите мне, почему *его* боль ранит *Вас* так сильно».

«Я чувствую себя настолько связанным с ним, что от этого больно». — Роджер выявил частую проблему, возникающую в гомосексуальных отношениях — нарциссическое отражение.

Я объяснил: — «То, что Вы испытываете, связано с *двойникованием*. Вы стали близнецами, испытываете одни и те же чувства. Этот термин был придуман прогомосексуальными психологами для описания поведения гомосексуалистов в романтической фазе отношений. Это нарциссическая идентификация себя с другим человеком. Другой человек становится проекцией Вашей идеальной мужской сущности».

Роджер сказал: — «Наши чувства, словно, совпадают и вроде бы это должно быть хорошо. Но это приносит боль, которая кажется неправильной». — Пытаясь описать свою привязанность, он продолжал: — «Я не знаю. Что-то не так в этом — это слишком болезненно, чтобы быть настоящим». — И затем он обозначил сущность двойникования: — «Это слишком болезненно, чтобы быть естественным».

«Да», — заверил я его.

Роджер сказал: — «В этом слишком много отчаяния». — Он добавил: — «Парень, который написал книгу *«Натурал»*, высказал идею, которую я полностью разделяю. Он говорил о «приписывании анонимному партнеру личности, которой он не является». И я осознаю, что это то же, что Ваше двойникование. Хотя Пэрри нельзя назвать «анонимным», я вижу его как сумасбродного и свободного человека, каким я сам хотел бы быть».

Я сказал: — «Как Нарцисс, Вы можете утонуть, преследуя свой образ».

«Кому Вы говорите это! Я и *чувствую себя* так, будто я тону», — Роджер сказал. Затем, успокоившись, он продолжил рассказ о субботнем вечере: — «Мы продолжили разговор — Пэрри был потрясен тем, что я продолжаю с терапией. Я рассказал ему о дневнике, в которой я веду в рамках терапии. Между нами словно проходило соревнование. Каждый из нас пытался рассказать побольше о *себе*».

Он вздохнул и продолжил: — «Затем мы вернулись в мою квартиру. Кстати, между нами ничего не было. Он сказал: — «Могу я посмотреть твой дневник?» — Я достал его, и он прочел несколько страниц целиком в полной тишине. Во время чтения его трясло и он едва не заплакал. Он долго молчал, а затем взглянул на меня и сказал: — «В этом дневнике столько чувств. Ты проявил большое мужество. Ты сделал правильный выбор». Он сказал мне очень много комплиментов».

Роджер остановился, затем сказал мне: — «Но, Джо, я думаю, что он говорил не обо *мне*. Он говорил о *себе*. Это было нарциссическое отражение. То, что я делал — прохождение терапии,

попытка измениться — повлияло на него не потому, что он был рад за меня, а потому что он хотел бы, чтобы *он сам* это сделал».

После долгого молчания, я спросил: — «Что Вы чувствовали после его ухода?»

«Я был рад увидеть его. Его похвала по поводу журнала воодушевила меня, но встреча с ним опустошила меня, оставила после себя грусть, потому что я все не решил однозначно, стоит ли мне продолжить свою борьбу и преодолеть мою гомосексуальность. Перри и я иногда заходили в бары. Парни в них казались совершенно счастливыми. Когда они говорят, что счастливы, меня нет причины подвергать их слова сомнениям. Но с другой стороны, я смотрю на парней, которых я встретил на Конференции Исхода, и они также кажутся счастливыми. Их не волнует, изменятся ли они полностью или нет. Они движутся к своей далекой цели. И их устраивает то, что они движутся в направлении, которое они считают верным. Для них это верный путь, независимо от того, смогут ли они измениться. Их это устраивает».

Он оживился: — «Но мне не дает покоя то, что я застрял посередине. Почему? Остальные люди определяют с выбором и обретают покой, которого я не могу достигнуть».

Я поправил: — «Которого Вы еще не достигли».

«Верно», — повторил он. — «Которого я еще не достиг».

«Не потому, что Вам нужно лучше изучить варианты выбора, а потому, что Вам нужно лучше узнать себя», — сказал я.

«Иногда это бывает очень трудно, так ведь?» — Он повторил: — «Это очень трудно. Иногда я спрашиваю себя: — «Зачем я пришел сюда?»

Через неделю Роджер вошел в кабинет в типично эксцентричном наряде: на этот раз в черном кожаном жилете поверх белой футболки, потертых джинсах с прорезями на коленях и легких туфлях (без язычка и без носок). В этом был весь Роджер — застенчивый, но жаждущий обратить на себя внимание.

На этот раз он хотел рассказать о своем сне. С помощью этого сна мы сможем наглядно представить то, как гомосексуальные мужчины относятся к женщинам.

Роджер начал свой рассказ: — «Я обнажен. Я поворачиваю голову влево и вижу темнокожую женщину, лежащую на земле. Я хочу заняться с ней любовью. Неожиданно появляется мужчина с развитой мускулатурой, и я смотрю на него. Он кажется мне привлекательным. Затем, он начинает заниматься сексом с той женщиной, и я хочу лечь на него. Я передумываю и вместо этого стягиваю мужчину с женщины. Я начинаю заниматься с ней сексом, но испытываю противоречивые чувства по этому поводу. Затем я просыпаюсь».

«Хорошо», — сказал я. — «При толковании снов действуют два правила. Во-первых, каждая деталь сна имеет значение, независимо от того, понимаем ли мы ее. Во-вторых, каждая деталь сна является отражением какого-либо аспекта нас самих».

Роджер осторожно высказал предположение: — «Ну... мужчина это я, и секс с женщиной — это то, чем я хочу заняться, то к чему я стремлюсь».

Я пояснил: — «Но Вы не готовы заняться этим прямо, поэтому Вы делаете это через свой идеал мужчины. Вы говорите, что он — мускулистый и привлекательный. Он представляет собой Вашу утраченную мужественность. Этот сон обладает репаративной темой: установление

контакта с женщиной посредством обретений Вашей мужественности через другого мужчину. И обратите внимание, что Вы смотрите налево. Женщина приближается к Вас с бессознательной, неактуализированной стороны».

Затем я спросил: — «Но скажите, почему женщина — темнокожая?»

«Дайте подумать». — Казалось, он смутился. — «Я нахожу темнокожих женщин привлекательными. Это странно, что меня притягивают темнокожие женщины, правда?»

«Нет, вовсе не странно», — ответил я. — «Я встречал много гомосексуальных мужчин, которым больше нравятся афроамериканки или женщины восточного типа. Мужчины, у которых были конфликты с матерями, могут притягивать только те женщины, которые выглядят «не так как мама».

Он рассмеялся: — «Вы что? Прикалываетесь надо мной?»

Роджер был обрадован и удивлен тому, что то, что казалось ему странным в себе, в действительности имело значение и было свойственно и другим людям. Гомосексуально ориентированным мужчинам, судя по всему, особенно необходимо открывать в себе качества, которые характерны и для остальных мужчин. Кажется, будто им нужно сказать себе: — «Вот еще одна черта, в которой я совпадаю с другими мужчинами».

«Вы знает, я сам это подозревал», — сказал Роджер. — «Может быть, я думал, что мне нравятся негритянки, потому что они так непохожи на других».

После паузы, сопровождавшейся улыбкой, он объявил: «Да! Мне нравятся негритянки», — затем он громко рассмеялся. — «Здорово!»

Затем Роджер рассказал о своих отношениях с Джимом, гетеросексуальным другом и коллегой. Он пояснил: — «Я играл с ним в ракетбол в обеденный перерыв. Теперь я с нетерпением жду этого часа. На прошлой неделе две секретарши из администрации хотели сыграть с нами парами. Джим хотел согласиться, но мне было неудобно».

«Почему?» — спросил я.

«Я не знаю», — ответил он неуверенно.

Я предложил варианты ответов: — «Страх соревнования? Боязнь сплеховать?»

Пораздумав немного, он ответил: — «Нет. Я не думаю, что причина была в этом. Звучит глупо, но я хотел, чтобы Джим проводил время только со мной». — Неловкий смешок. — «Не в сексуальном плане. Я просто хотел, чтобы мы были вдвоем — мужской междусобойчик». — В его голосе зазвучало раздражение: — «Не люблю, когда женщины путаются под ногами. Те девушки поставили меня в затруднительное положение, попросив меня сыграть с ними, и я не знал, как избавиться от них, чтобы не ранить их чувства».

Роджер описывал важную фазу своей мужской самоидентификации: необходимость в полном и совершенном общении с мужчинами без вмешательства женщин.

«Звучит знакомо?» — спросил я.

Роджер выглядел совершенно сбитым с толку. Я повторил: — «Вам это не кажется знакомым? Вам кажется, что в Ваши дела вмешались, что Вас использует женщина, но если Вы выскажете

ей это честно, то Вы или рассердите ее или раните ее чувства».

Он понял, что я имею в виду, и тут же ответил: — «Мама! Снова она».

«Да, мама», — сказал я. — «Вы все еще не знаете, как противостоять навязчивой женщине. Вы не знаете, как возразить женщине, потому что напоминает Вам о беспомощности, которую Вы испытываете рядом с матерью».

«Я не хочу общаться с девушками», — сказал он рассерженно. — «У меня было не так много друзей среди парней в детстве. Теперь я хочу играть с ними. Парни поддерживают меня, помогают мне жить дальше».

Наша андрогинная культура утратила понимание необходимости того, что мальчику требуется поддержка со стороны представителей своего пола. Мужские клубы и команды теперь должны принимать в свое число девочек, пренебрегая естественной потребностью мальчиков в воспитании мужественности. Мальчики имеют природную потребность в отрицании девочек, по крайней мере, в определенном возрасте, когда это необходимо для их развития, для того, чтобы потом, став взрослыми, они могли правильно обращаться с женщинами.

Роджер выглядел возбужденным, счастливым. — «Вы знаете, я только начинаю понимать то, что мои сексуальные чувства искажали то, чего я действительно хотел от мужчин». — Он на мгновение замолчал, обдумывая: — «Как, например, недавно... Я думал о Марке, парне, которого я встретил в своей церковной группе. Я испытывал смутное сексуальное влечение и потому мне приходилось останавливать себя и говорить себе: — «Это ложь. Это не то, что происходит на самом деле. На самом деле ты просто одинок и ты ищешь для себя эмоциональной подзарядки вместо честной дружбы. Секс — быстрый и удобный способ, которым ты удовлетворял такую тоску в прошлом, а теперь — ты просто не можешь заниматься этим больше».

Он торопливо добавил: — «Я не имею в виду, что если какой-нибудь парень застанет меня в минуту слабости, я ни за что не поддамся искушению. Но большую часть времени, когда я замечаю парня того типа, который мне нравится, я думаю: — «Что ж, он — привлекательный, но я не хочу секса с ним». — Понемногу я начинаю чувствовать себя увереннее... сильнее. Впервые за многие месяцы я могу сказать, что я знаю, почему я прихожу сюда».

Для Роджера наступил момент встретиться лицом к лицу с волнениями и сложностями групповой терапии. Придя однажды на занятие со мной, он казался раздраженным и возбужденным. Я понял, что предстоящее ему испытание привело к временному ухудшению. Напряженно сидя в стуле, он выпаливал свои страхи и опасения, связанные с необходимостью быть откровенными с другими мужчинами.

Он начал с описания типичной для гомосексуальных мужчин проблемы, которая проблема вынуждает их выбирать между одиночеством или созависимыми отношениями, сопровождаемым всяческими «безумствами». Роджер признался, что когда он не имеет близких отношений с кем-либо, он может функционировать вполне адекватно. Я одинок, но я, по крайней мере, контролирую свою жизнь. Но как только я сближаюсь с кем-нибудь, все безумства начинаются снова. Затем я отступаю, двигаюсь вперед, снова назад, вперед и опять назад». — Горький, ироничный смех. — «Затем, когда другой парень отступает, я сам начинаю его преследовать».

После некоторой паузы он медленно произнес: — «Я всегда искал близких отношений, но даже когда у меня есть кто-то, я ощущаю себя изолированным». — Он добавил задумчивым

голосом: — «Это сумасшествие».

«Но это типично для однополых отношений», — сказал я.

«Но разве так не бывает в гетеросексуальных отношениях?» — спросил Роджер.

«Гетеросексуальные отношения обычно не бывают такими противоречивыми или такими разбалансированными. Все из-за того, что неудовлетворенные потребности гомосексуалиста в самоидентификации приводят к возникновению созависимости».

Роджер продолжил: — «Я вижу, как геи повторяют такую модель отношений, не пытаюсь понять, почему их отношения не складываются. Они просто учатся адаптироваться к такой модели».

«Однако, сам я понял», — продолжал он. — «Перемены кажутся пугающими... потому что я не знаю, во что я могу превратиться! Я знаю, что я просто должен проявить инициативу для того, чтобы узнать, куда эти перемены могут привести меня. Да... я как бы должен прочувствовать страх и идти дальше, несмотря на него».

Тут Роджер переключился на группу и на свои планы присоединится к следующему ее занятию: — «Я думал о следующей неделе и о том, чтобы впервые повстречаться с ребятами». — Долгая пауза. — «Я знаю причины, по которым я должен присоединиться к группе...» — он помедлил. — «Однако, я не знаю, будет ли это верным для меня решением. То есть, что я не смогу ладить с ними? Если они не поймут меня?»

Поняв, что Роджера надо приободрить, я сказал: — «Итак, присоединение к группе разбудило все страхи. Помните, что до тех пор, пока Вы остаетесь честными с самим собой, идентифицируете свои страхи по мере их появления, не боитесь озвучить их мне или группе, Вы будете в порядке».

Роджер упорствовал: — «Это очень страшно».

«Я знаю, — сказал я ему. — «Но можно бояться, и при этом сделать то, чего боишься».

«Ну, я пытаюсь, но у меня не получается. Всегда возникает что-то такое...» — он задумался над верным словом, — «что выбивает меня из колеи».

«Вы делаете сейчас что-то новое для себя, начинаете вероятно самые близкие отношения с мужчинами в Вашей жизни», — указал я.

Затем я заметил в поведении Роджера распространенное упадническое настроение, которое часто проявляется у моих клиентов, столкнувшихся с личной проблемой.

Он сказал: — «Размышляя о том, что я должен сделать, я чувствую, как падает моя самооценка. Я практически собираю причины для того, чтобы быть низкого мнения о себе. Даже в школе, когда кто-нибудь делает слегка критичное замечание о моих преподавательских качествах — бац! — я начинаю использовать его против себя. Стоит сотруднику коммунальной службы холодно поприветствовать меня — бах! — очередное свидетельство не в мою пользу. Клерк отпускает саркастичную ремарку по телефону — бум! — еще одно прибавление в колеекции».

«Почему так происходит?» — спросил я.

«Я не знаю», — ответил он. — «Я понимаю, что я делаю — загоняю себя в депрессию, но я не знаю, почему».

Пытаясь несколько смягчить его самоистязания, я предложил: — «Попробуйте сделать предположение наугад».

Роджер запустил волосы в копну своих непослушных каштановых волос. — «Я думаю... я думаю, что я накручиваю себя для того, чтобы не быть разочарованным в группе». — Он медленно кивнул, как бы соглашаясь с самим собой. — «Именно. Я знаю, что я делаю это сам с собой. Я буду чувствовать себя полным ничтожеством к тому моменту, когда я приду на групповое занятие».

«Почему Вы делаете это с собой?»

«Для того, чтобы затея не закончилась полным провалом»,

«Правильно. С другой стороны, это может быть связано с глубинной фантазией о том, что эти парни окажутся настолько замечательными, что они спасут Вас от самого себя».

Роджер с трудом сдержал смех и мягко согласился: — «Может быть».

«В любом случае, Вам важно понять то, как работает такой механизм самоподавления. Посещение группы предлагает как возможность научиться общению с мужчинами заново, но в то же время несет риск быть отвергнутым и потерпеть крах. Карлос Кастанеда говорит: — «Воин идет между ужасом и чудом». Вы также испытываете ужас и удивление перед чудом, но Вы не позволяете себе насладиться этой надеждой. И...»

«Вы правы», — прервал он меня. — «Я даже не могу ощутить радостное волнение и надежду. Только страх».

«Тогда почему Вы соглашаетесь присоединиться к группе?» — спросил я.

«Потому что Вы говорите, что настало время сделать это, а я доверяю Вам».

«Хорошо», — сказал я. Тут тоже было чему поучиться. Роджер был склонен доверять мужскому авторитету, человеку, который побудил бы его пойти навстречу новым испытаниям. Не из-за страха или боязни осуждения, а просто из слепого доверия к наставнику.

«Вы боролись со страхом неудач, намеренно обрекая себя на неудачу. Станным образом, подготавливая себя к неудаче для того, чтобы избежать другой неудачи, Вы обретаете чувство контроля», — сказал я Роджеру.

«Звучит странно», — рассмеялся Роджер.

«Да. Это психологическая уловка, усвоенная в детстве — «Я лучше упаду сам прежде, чем кто-то подставит мне подножку».

С облегченным видом, словно он почувствовал, что наконец-то понял, что происходит, Роджер продолжил: — «Преодоление собственного страха — вот чем для меня является присоединение к группе. Теперь я с новой точки зрения вижу то, какое влияние страх оказывает на меня. Например, когда какой-нибудь парень входит в учительскую и мы начинаем разговаривать. Я чувствую, как я немедленно закрываюсь. Я могу проследить такое поведение до самых старших классов и даже дальше. Я всегда чувствовал, что я остаюсь в стороне, но всегда знал, что я *сам*

добивался этого — я изолировал себя. Риск, связанный с поиском друзей, обязательства, которые накладывает дружба, пугали меня. Я понимал это, пытался побороть это и затем отступал».

Затем он сказал, не понимая всей важности своего наблюдения: — «Но в этот раз я ощущаю страх. Даже когда я рассказываю об этом, я испытываю страх. Мне хочется, чтобы меня оставили в покое. Сталкиваясь со стрессом, который вызывают отношения с людьми, я хочу остаться один. Я не знаю, Джо. Может быть, работа в группе мне не по силам».

На групповых занятиях Роджер вел себя осторожно и скрытно. Хотя ему было интересно послушать остальных, он редко принимал участие в разговоре. Однако, его растущий интерес к мужчинам, побудил его произвести переоценку своего понимания отношений с мужчинами, в частности, того, что мужчины могли предложить ему.

На следующем занятии он рассказал мне: — «Меня пугает то, что у меня совершенно искаженное представление о мужской дружбе. Я не знаю, что такое настоящая дружба. Я не знаю, какой она должна быть, какие чувства она должна вызывать. Как я могу иметь близкие отношения с парнем, который не является моим любовником? Я смотрю на то, как общаются гетеросексуальные парни и думаю: — «Как они делают это?» Я не знаю, каким именно образом два парня должны *быть* вместе». — Он рассмеялся, словно сама мысль об этом была абсурдна. — «Я боюсь вступать в отношения с людьми — т. е. парнями, я хочу сказать — потому что я не знаю, чего ожидать от себя. В каком направлении я должен двигаться? То есть, я не могу представить себе близкие отношения с кем-либо, с кем у меня нет любовных отношений. Без одержимости. Как это бывает, когда тебе семь лет и ты боишься, что твой лучший друг станет играть с другими детьми в песочнице». Жалоба Роджера была типичной для гомосексуалистов.

Затем он рассказал мне о своем самом глубоком страхе, страхе, который испытывают все гомосексуальные мужчины при прохождении репаративной терапии. Он сказал: — «Я боюсь, что зрелые, взаимно благотворные отношения несексуального характера, о которых Вы всегда говорите, не принесут эмоционального удовлетворения. Я боюсь, что меня снова охватят сильные чувства, с которыми я не смогу справиться».

Роджер говорил о том, что он застрял между тем, что кажется ему бессмысленностью обычной дружбы и типичного для него сильного романтического увлечения. Он признался: — «Я боюсь, впасть в одну из этих двух крайностей: либо оказаться зависимым человеком или обнаружить, что отношения превратились в поверхностное приятельство, пустышку». — Затем, с отчаянием: — «Я не знаю, как можно построить близкие отношения с парнем без уже знакомых мне сильных чувств».

Я услышал в этом мольбу о практическом совете. Я заверил его: — «Вы сможете найти золотую середину между этими двумя крайностями. Мы будем следить за тем, чтобы Вы не впали в зависимость или не оказались влиянием эротического влечения».

Роджер покачал головой: — «Сохранение такого баланса — это словно попытка убедить меня в том, что надо пройти через прелюдию таким образом, чтобы не оказаться потом в постели. Развить в себе вкус к пресному. Это не звучит как положительная перемена. Это просто произвольно установленные ограничения».

Я сказал: — «Это все равно, как сказать человеку, который соблюдает диету: — «Смотри на еду, вдыхай ее запах, пробуй ее на вкус... но затем выплюнь вместо того, чтобы проглотить».

Он рассмеялся: — «Точно».

«Я понимаю», — заверил я его. Но мог ли я действительно понять, что он чувствует. Я осознавал, что моя гетеросексуальность ограничивает мое понимание. На данном этапе только бывший гомосексуалист мог дать Роджеру необходимую поддержку. Я надеялся, что он получит ее в группе.

«Если проблема гомосексуальности состоит в этом» — продолжил Роджер, — «то я понимаю, почему геи сторают прежде, чем достигнут сорокалетнего возраста. Они просто начинают относиться к отношениям цинично. Одна интрижка за другой — в конце концов это начинает утомлять. После того, как проходишь через такой цикл множество раз, то перестаешь придавать этому значение. Эти парни знают, что их отношения закончатся через пару лет, и они снова окажутся на прежней карусели. Или, даже если они останутся вместе для того, чтобы сохранить дружбу, они не будут верны друг другу. Им даже не надо читать все эти социологические данные для того, чтобы знать об этом. Поэтому они просто думают: — «Какого черта, я побуду с ним два-три года, а потом брошу его раньше, чем он бросит меня».

Он вздохнул, а затем добавил: — «Я просто не знаю ответ, Джо».

Наш час истек, и на этой незаконченной мысли мы закончили занятие. Я знал, что наиболее полезным для Роджера на этом этапе терапии было бы общение с другими мужчинами, которые испытывали бы такие же проблемы. Я рассчитывал на то, что отец Джон и Чарли помогут мне.

На следующей неделе Роджер вошел в кабинет и сел, не произнеся ни слова. Я спросил: — «Как дела?»

Он улыбнулся: — «Неплохо. Вчерашнее занятие в группе было не таким болезненным для меня, как я опасался. Никто не давил на меня».

«Хорошо. Значит я был прав?»

Он ухмыльнулся. — «Вы были правы. Я выживу».

Затем он заговорил серьезным голосом: — «Но с другой стороны, в последнее время я испытываю трудности. Например, в понедельник утром я проснулся с ощущением беспокойства и депрессии. Меня снедали мысли о паре проблем. Одной из них было то, что в банке допустили ошибку в выписке с моего счета. Я знаю, что расстроюсь, если при попытке исправить ошибку кассир станет спорить со мной».

Неожиданно он напрягся и спросил: — «И это так странно... почему моя работа причиняет мне такой большой стресс? Мне кажется, профессия учителя мне не подходит. Я всегда получал хорошие отзывы, да и люди говорят мне, что я хорошо выполняю свою работу, но в глубине души я чувствую, что я не обладаю всеми нужными для нее качествами».

Я давно обнаружил, что неспособность признать собственные заслуги является общей проблемой для гомосексуальных мужчин. Клиенты часто жалуются о том, что считают себя слабыми и некомпетентными, и это помогло мне понять, что гомосексуальность является проявлением недостатка внутренней силы. Мальчик с предрасположенностью к гомосексуальности не только не получает поддержки в процессе его самоидентификации с мужским полом, но часто он не получает поощрения в плане личного развития. В плане личного развития половая самоидентификация и ощущение внутренней силы взаимосвязаны.

Репаративная терапия — это вводный курс лечения, который побуждает клиента вырабатывать в себе новые способы поведения и менять свое отношение к себе. Теперь Роджера необходимо было вывести из состояния жалости к себе. Я спросил: — «Что же вы делаете, чтобы стать сильнее?»

«Ну, ничего особенного. Но что-то придется делать, в этом я уверен».

«Это пассивный подход — «Что-то придется делать. Вам нужна программа».

Словно опасаясь услышать очередную лекцию, он сказал: — «Ну, я встречался несколько раз со своим другом Джимом, и мы планируем встречаться друг с другом раз в неделю».

«Отлично!» — похвалил я его.

Репаративную терапию часто критикуют за использование методов, которые называют манипулятивными, даже принуждающими. Если поощрение и внесение предложений можно назвать манипулированием и принуждением, то, на мой взгляд, применение таких методов оправдано.

Роджер сменил тему: — «Недавно я ходил в магазин продуктов, и это напомнило мне о том, как мы с Перри вместе ходили за покупками. Мы всегда покупали еду в гастрономе Gelson's. И я ощутил грусть и меланхолию, вспомнив то, как хорошо, когда есть парень, с которым ты можешь разделить повседневные заботы. Когда я направился к выходу из магазина, я заметил, как вошел привлекательный парень, и во мне вспыхнула надежда, что он заметит меня. И тут я осознал, что я все еще веду себя как маленький мальчик, который, завидев «мужчину», — Роджер обозначил кавычки движением пальцев, — «тут же должен подбежать к нему и привлечь его внимание. Я — все еще этот маленький мальчик. Это даже не совсем связано с сексом, хотя в это трудно поверить. Это просто желание получить признание и внимание мужчины».

«Верно», — сказал я. — «Если потребность во внимании остается неудовлетворенной в детстве, то она впоследствии приводит к гомосексуальным чувствам».

Роджер продолжил с тоскливой нотой в голосе: — «И я до сих пор не расстался с мечтой о том, как меня обнимет, прижмет мою голову к своей груди большой, сильный мужчина».

«Именно, и это не обязательно сексуальное желание — просто желание ощутить теплоту, защищенность, покой», — подтвердил я.

Он кивнул.

Слушая жалобы Роджера, я думал о том, как много мужчин говорило мне, что все, чего они хотели в детстве, — нежного объятия, но по мере взросления и приобщения к гей-среде, изначальная тяга к поддержке и пониманию забывалась под грузом сексуального опыта.

Беспорядочность мужских гомосексуальных отношений зафиксирована многими исследованиями. По результатам, проведенного в 1978 г. Институтом Кинси опроса, около 43% опрошенных имело секс с более чем 500 партнерами или более, в то время как 28% имело секс более чем с 1000 партнеров. Хотя из-за эпидемии СПИДа в наше время эти значения были бы другими, я думаю, что они являются достаточно показательными.

Я напомнил Роджеру, чем вызвана его мечта — «Вы желаете получить тепло и понимание, которого Вас в детстве лишил отец».

«Да, и теперь, когда я вижу своего отца...»

«Подождите», — прервал я его. — «Прежде чем мы перейдем к отцу, давайте вернемся к бакалейной лавке. В каком эмоциональном состоянии Вы находились *перед* тем, как увидели того привлекательного парня?»

«Мне было одиноко», — ответил Роджер. — «Я думал о Перри и скучал по нему».

«Да. И я полагаю, что эти чувства сделали Вас особенно подверженным впечатлению от незнакомца. Я сомневаюсь, что Вас тянуло бы к нему с такой силой, если бы Вы не были так одиноки».

Роджер сделал паузу, а затем протянул с сомнением: — «Я не уверен, что это было так просто».

«Хорошо», — продолжил я. — «Что бы Вы испытали к тому привлекательному парню, если бы Ваш друг-натурал Тим был с Вами в бакалейной лавке? Если бы Вы хорошо проводили время, и Вы ощущали связь с ним?»

Роджер обдумал мой вопрос: — «Что ж», — ответил он наконец. — «Я бы все равно нашел его привлекательным. То есть, я бы все равно обратил на него».

«Верно», — продолжил я. — «но Вы бы по-прежнему тянулись к нему с такой тоской?»

«Что ж, я понимаю, к чему Вы клоните. Конечно, такого влечения к нему не было бы», — уступил он.

«Вы все равно нашли бы его привлекательным, возможно, даже сексуальным. Но желание общения с ним было бы не таким сильным, если бы Тим был с Вами».

«От такого тяготения можно излечиться с помощью отношений с Вашими друзьями среди мужчин. Когда Вы придаете субъективный характер Вашему интересу к мужчинам, то эротическое влечение снизится. Таким образом постепенно Ваши гомосексуальные влечения уменьшаться, их будет легче контролировать, они будут вызывать меньше стрессов».

«Да, наверное, Вы правы», — тихо повторил он.

Благодаря своему опыту работы, я мог понять грусть, которую испытывал Роджер. Он уже испытывал ностальгию по приливу сексуальных и романтических переживаний. Он испытывал это томление с детства и оно глубоко укоренилось в нем. Теперь он узрел, какую цену ему придется заплатить, чтобы покончить с гомосексуальностью.

Его интонация резко изменилась. — «Я добился успехов в своей дружбе с Тимом — мы играем в ракетбол, ходим в походы. Но мне нужно сохранить это».

«Именно», — согласился я. — «Вот что я имел в виду, когда говорил, что Вам надо постоянно подбрасывать дрова в огонь. Если у Вас произойдет срыв, подобный сексуальному влечению по незнакомцу в бакалейной лавке, не закливайтесь на этом, двигайтесь дальше».

Роджер рассмеялся: — «Я знаю. Сначала, то что Вы говорите кажется лишь лицемерным дерьмом, но...» — Его голос стал грустным и задумчивым. — «Занимаясь такими вещами, я не чувствую себя самим собой». — Он рассмеялся с иронией. — «Когда я играл в баскетбол в детстве и в меня попадали мячом или я ударялся, я говорил: — «Спорт — полная ерунда. Я

бросаю». Я смотрел, как тренеры Молодежной лиги кричали на упавших детей, чтобы те встали и вернулись в игру. Я ненавидел этих тренеров. Я считал их сволочами».

«Вы избегали их. Вы отказывались принять их вызов. А теперь Вам приходится платить психоаналитику, чтобы он тренировал Вас».

Роджер все еще иногда неодобрительно качал головой в ответ на некоторые мои слова или выражал сомнения относительно репаративной терапии. Однако, было очевидно, что он учился и все больше узнавал о том, что ему нужно делать, чтобы бороться со своей гомосексуальностью.

Взросление с помощью репаративной терапии является непрерывным процессом. Как правило, гомосексуальные желания возвращаются в периоды стресса или одиночества. Поэтому вместо *излечения* я обозначаю цель как *изменение*, с помощью которого происходит изменение в самоопределении. Хотя у клиента могут возникать гомосексуальные желания, он больше не будет идентифицировать себя с ними. Благодаря измененной самоидентификации клиент получает новые способы понимания природы влечения к представителям своего пола. Он начинает иначе смотреть на свою проблему. Как сказал один бывший гомосексуалист: — «Многие годы я думал, что я гей. Наконец-то я понял, что я не гомосексуалист, а гетеросексуал с проблемой гомосексуальности».

Если употребление слова *изменение* вместо слова *излечение* кажется пессимистичным, мы можем применить слово *излечение* так, как оно используется в отношении прочих психических отклонений. Никакое психиатрическое лечение не гарантирует абсолютного излечения. Невозможно полностью исправить низкую самооценку человека, избавив его от неуверенности. Алкоголики никогда не излечиваются, о них говорят, что они находятся в переходной стадии *выздоровления*. Вместо того чтобы концентрироваться на идее излечения, нужно смотреть на проблему с точки зрения уменьшения гомосексуальных потребностей через установление здоровых взаимоотношений с мужчинами, лишенных эротизма. Степень излечения может варьироваться от частичной до значительной и до полного избавления от нежелательных гомосексуальных влечений. Для некоторых мужчин будет возможно вступление в гетеросексуальный брак.

Целесообразность любой терапии, независимо от метода лечения или цели, определяется тем эффектом, который она производит на жизнь клиента. Хорошая терапия должна давать большие результаты, чем смягчение какого-либо конкретного симптома, от которого клиент желает избавиться в первую очередь. Хорошая терапия должна иметь положительные результаты, которые проявляются во всех аспектах личности клиента, его жизненной ситуации. Если лечение подходит клиенту, то оно подарит ему ощущение свободы и благополучия. Помимо снижения депрессии переход к здоровому образу жизни поможет клиенту лучше осознать свою внутреннюю силу.

Наиболее важная и часто самый болезненная часть психотерапии наступает тогда, когда клиенту приходится честно взглянуть на чувства, которые он перенес на терапевта со своих предыдущих отношений. Эмоциональное перемещение чувств из прошлого называется *трансфером*, и, вероятно, является наиболее важным фактором в исцелении души. Клиент видит терапевта глазами ребенка, которым он был когда-то и в некоторой степени до сих пор является. Перенесенные чувства включают страх, злость, агрессивно-защитные реакции и сексуальное влечение.

Долгое время Роджер относился ко мне с подозрением и даже враждебностью. Хотя такие трансфертные реакции могут возникать в любых отношениях, взаимоотношения между

терапевтом и клиентом стимулируют особо сильные трансфертные реакции, поскольку они предполагают откровенность, эмоциональность, и клиент находится в зависимом положении.

Терапевт должен уметь терпеть такие трансфертные чувства и не должен преждевременно обрывать трансфертные реакции клиента, поскольку это разозлит его, вызовет чувство неловкости или смущения. Я старался избегать таких действий с Роджером. Благодаря моей осторожной и терпеливой интерпретации его трансфертных реакций, Роджер смог отделить себя от своих привычных перцептивных и поведенческих моделей.

Страх и враждебность являются обратной стороной эротизированного трансфера. Хотя Роджер часто с иронией отзывался на мои слова, он, тем не менее, опасался моей критики. Он часто пытался защититься от тех позитивных эмоций, которые он испытывал ко мне, прикрываясь саркастичными и скептическими замечаниями.

Трансфер негативных реакций всегда должен подвергаться анализу во время терапии. Исходя из моего опыта, особенно враждебные и травматичные отношения с отцом в раннем детстве вызывают наибольшие всплески гнева во время психотерапии. В детстве Роджеру не доставало внимания от его равнодушного отца. Как и многие гомосексуально-ориентированные мужчины, ему казалось, что он никогда не сможет добиться признания этого человека, и в наших взаимоотношениях он часто начинал спорить лишь, чтобы возразить мне.

По этой причине гомосексуальные клиенты редко срабатываются с терапевтами, удерживающими дистанцию. Терапевтам, которых обучали в соответствии с традиционным методом психоанализа и которым внушили, как советовал Фрейд, оставаться «закрытыми», нетерпимы по отношению к гомосексуальному клиенту. Гомосексуальный клиент желает и нуждается в подлинном личном контакте с человеком, который проявил эмоциональное участие. Терапевт ни в коем случае не должен вести себя строго, равнодушно или авторитарно.

В своих отношениях с Роджером я пытался быть хорошим отцом — отзывчивым, активным и объективным, но в то же время всегда понимающим.

Со временем Роджер постепенно менялся. Подобно тому, как широта колебаний маятника постепенно сокращается и он в конце концов змаирает в центре, Роджер нашел свою собственную точку зрения по поводу гомосексуальности. Как он сказал: — «Я отказался идентифицировать себя как гея не из-за какого-то морального убеждения, а на основании своего опыта. Мне это просто не подходит». Спустя два года групповой и индивидуальной терапии он почувствовал себя достаточно удовлетворенным, чтобы прекратить ее.

В последующие годы он навещал меня время от времени. Он приобрел множество друзей среди гетеросексуалов и бывших гомосексуалистов и преодолел свою зависимость от Перри. Гомосексуальность больше не представляла для него проблему. Когда у него происходил срыв, он понимал его причины. Он отслеживал эмоции, которые вызывали в нем негативное отношение к себе, и все больше понимал, что они не представляют его подлинную личность. Как он сказал мне: — «Даже когда я срываюсь, я точно знаю, почему это произошло. Это не связано с сексом или любовью. Это происходит из-за того, что я забываю, как нужно правильно удовлетворять свои эмоциональные потребности».

9. Мужчины вместе — как происходит исцеление в группе

Групповые занятия составляют очень важную часть репаративной терапии. Они не только предлагают поддержку и возможность обмениваться информацией, но, что, более существенно, они помогают построить здоровые взаимоотношения с мужчинами. Все восемь человек,

описанных в этой книге, принимали участие в групповой терапии, одновременно посещая индивидуальные занятия.

Я побуждаю самостоятельно решить, что они хотят получить от занятий в группе. — «Поставьте перед собой цель. Продумайте одну или две проблемы, с которыми Вы хотите разобраться. Поделитесь ими — пусть группа знает, на каком этапе Вы находитесь».

«Пусть группа узнает, какие проблемы стоят перед Вами, а затем отчитывайтесь перед участниками о том, как Вы их решаете!» — говорю я им. — «Эти испытания как перекладины приставной лестницы, за которые Вы можете ухватиться и подтянуться выше. Если Вы не поставите перед собой такие цели, Вы просто будете плыть по течению, у Вас не будет ориентиров».

«Давайте не забывать во время наших бесед, что необходимо балансировать нашу необходимость поддержки со стороны мужчин с необходимостью решение терапевтических задач. Но, ставя друг другу задачи, давайте делать это без враждебности», — предупреждаю я их. — «Мы здесь для того, чтобы делиться нашими чувствами и опытом, и поддерживать друг друга».

Я также говорю им: — «Помните, мы отвечаем за самих себя, но также мы отвечаем за другого. Мы помогаем друг другу задавая вопросы, подбадривая друг друга, не боясь того, что иногда мы можем раздражать друг друга. Как бы мы ни хотели быть «хорошими парнями», иногда нам приходится прибегать к провокациям».

«Итак, друзья», — сказал я. — «Что в последнее время Вас волновало?»

Стив заговорил первым. — «На прошлой неделе, мне нужно было выполнить некоторые поручения в Голливуде. Закончив с делами, я зашел в ближайший магазин порнографической литературы. Я сказал себе: — «Мне просто *нужно* увидеть последний номер Playgirl». — В группе раздалась смешки. — «Когда я вошел некоторые из посетителей оглянулись, чтобы посмотреть на меня. И молодой продавец подошел и встал рядом со мной. Он взглянул на мою ширинку и это завело меня. Я подумал: — «Хм. С ним можно приколоться». — затем я подумал. — «Тьфу, если я сделаю что-то не то, мне придется рассказать об этом доктору Джо, а я не хочу делать этого». — Затем я говорю себе: — «И *что с того*, что мне придется рассказать ему».

Снова смешки.

«Затем меня посетила другая мысль: — «Если ты хочешь сделать это, надо быть более взыскательным». — Он был не совсем моего типа. Итак, я заплатил за журнал, вышел из магазина и поехал обратно».

Все замолчали. Я подождал. В конце концов Чарли задал вопрос: — " Playgirl кажется... как бы это сказать, слишком *невинно* для порномагазина. Ты действительно зашел за этим журналом?»

Стив, казалось, попал в неловкое положение. — «Думаю нет. Я немного растерялся. Наверное, это был компромисс».

«Игры, в которые мы играем», — пробормотал Дэн.

Затем, словно оправдываясь, Стив продолжил: — «Но я все-таки отверг внимание того парня. Я рад этому».

Чарли напирал: — «Да, это легко удастся, когда они не твоего типа». (Все рассмеялись.)»

Я сказал Стиву: — «Вы отвергли парня, но при этом уже испытали возбуждение. Я хочу, чтобы Вы поняли, что если Вы идете в такое место, то уже запустили цикл. Если даже Вы сказали «Нет» в ответ на какой-либо соблазн, Вы уже стимулировали свою систему и затем захотите закончить цикл зависимости: взять в прокате порновидео, прочитать магазин и все в этом роде, чтобы пройти через цикл целиком».

«Поэтому...» — задал я неизбежный вопрос. — «Я вынужден спросить, Вы затем просто вернулись домой и легли спать?»

Стив помедлил, затем признался: — «Нет. Я мастурбировал с журналом».

«Конечно. Вы должны были завершить цикл, если не с настоящим парнем, то с журналом».

«Спасибо Господу за маленькие чудеса», — вставил Чарли. Ребята захихикали.

Я бросил взгляд на Эда. Он, казалось, был шокирован откровенными разговорами. Я подумал: «что ж, он хотя бы слышит такие вещи с *такой* точки зрения».

Стив выглядел обиженным, и Роджер поспешил поддержать его. — «Я думаю, что Стив совершил достижение, которое мы не признали за ним. Я мог провести в «Жажде» пять часов и говорить: — «Нет, нет, нет, нет», затем покинуть клуб с чувством удовлетворения, сесть в машину, а затем по дороге домой совершить какое-нибудь действие, связанное с сексом. Зайти в магазин порнолитературы. Как Вы говорите, Джо, я должен был завершить круг».

Роджер продолжил: — «Раньше я много катался по Бульвару Санта-Моника. Вы знаете, там шатаются мужчины-проститутки. Я мог остановиться, подобрать парня и отыметь его за двадцатку. Для меня, я думаю, это было больше чем циклом зависимости. В моей голове словно звучал голос, который говорил мне, что я заслуживал такого».

Несколько человек в группе закивали в знак согласия. Затем возникла пауза.

«Я бы хотел обсудить кое-что, что меня беспокоит, если ты уже закончил, Роджер», — сказал Альберт.

«Хорошо».

Во время наших индивидуальных занятий Альберт много раз жаловался на то, что кажется себе слабым и беспомощным. Он сказал мне, что надеется, что ему хватит смелости поведать группе о своих обидах и переживаниях.

«На прошлой неделе», — начал Альберт. — «кто-то рассказал историю о своем брате, которая зацепила меня. Я понял, что причиной, по которой я вижу себя в таком отчаянном положении, является то, что в нашей семье я всегда играл роль жертвы. С самого своего рождения я ощущал себя абсолютно беспомощным и неспособным повлиять на ситуацию. Я думаю, это неудивительно. То есть, посмотрите на людей, которые были моими изначальными ролевыми моделями. Во-первых, мой сводный брат Дэвид. Мои первые воспоминания о нем — его кулак, приставленный к моей челюсти, его пинки по моим ногам, толчки локтем в живот. Вот что я помню о нем. Ему нужно было выплеснуть свою агрессию и показать себя крутым парнем. Для этого он бил меня».

В голосе Альберта слышалась обида. Группа внимательно слушала, и Альберт продолжил.

«Другой моей ролевой моделью был отец. Отец, который ко всему был безучастен. Он ни в чем не оказывал мне поддержку. Точка. Помню, он несколько раз брал меня с собой в загородный клуб, чтобы поплавать в бассейне. Я умел плавать как рыба и мне не терпелось пойти, но в раздевалке я растерялся. Вокруг было столько голых мужчин... Должен ли я раздеться перед ними? Надо ли мне принять душ? Я не знал, что делать дальше. Он никогда не брал меня под свое крыло, не показывал мне, как и что надо делать. Он просто ждал, что я сам догадаюсь». — Он вздохнул. — «Для меня это значило бы так много, если бы он дал мне почувствовать, что обо мне заботятся».

Альберт выпрямился. Его голос зазвучал решительно. «Но недавно я сказал себе: — «Все это в прошлом. Мне надоело плакать из-за этого. Это должно прекратиться. Мне пора взять свою жизнь под контроль». — Впервые в своей жизни я могу сказать, что я не испытываю к себе ненависти».

Он сделал паузу, оглядел всех, затем продолжил: — «Я был в аду, но теперь я чувствую, что я возвращаюсь к жизни, и я говорю: — «Слава Богу. Время пришло». — В прошлом месяце на конференции бывших геев ко мне подошел старик и сказал: — «Тебе повезло, потому что ты взялся исправлять свою жизнь, пока ты еще молод. Так держать!»

Иногда работа в группе нужна не для диалога, а для того, чтобы предоставить людям возможность быть услышанными. Иногда возникает необходимость просто выразить свои чувства, не ожидая ответных реплик, советов или комментариев — только для того, чтобы тебя выслушали. В данный момент Альберт испытывал такую потребность.

Затем он задал сложный вопрос: — «И хотя я испытываю радость от своих успехов, я боюсь, что если я добьюсь успехов в том направлении, в котором я движусь, то я окажусь лишенным какой бы то ни было ориентации. То есть, у меня никогда не будет романтических отношений ни с кем. Никогда никого не полюблю, ни мужчину, ни женщину. Кого я буду любить? На этот вопрос я не знаю ответа».

Некоторое время группа молчала. Затем заговорил Чарли. Его медленная, уверенная речь резко контрастировала с нервным стаккато Альберта: «Я хочу сказать тебе Альберт, что я лично об этом думаю».

Мы все ждали, пока Чарли обдумывал первую фразу, изучая Альберта через стекла своих очков в металлической оправе. — «Я сам был обеспокоен этим вопросом. Окажусь ли я «бесполом», лишенным сексуальности, если я избавлюсь от своих гомосексуальных влечений? Но как я понимаю сейчас, в моей жизни нет ничего важнее задачи уменьшения таких влечений. Возможно однажды я смогу реагировать на женщин, возможно нет. Но в данный момент я так благодарен, что я имею некоторый контроль над той частью моей жизни, которая выходила из под контроля и вызывала столько стрессов. И я могу сказать теперь, такие влечения теперь по большей части *отвлекают*.»

Я вмешался: — «Около половины мужчин, с которыми я работал, развили в себе влечение к женщинам. Некоторые женились. Другая половина не имеет ярко выраженных гетеросексуальных влечений, но они испытывают облегчение от того, что обрели контроль над чувствами, которые они считали разрушительными и очень тяжелыми».

Альберт сказал: — «Я думаю, что хотел бы решать не более одной проблемы за раз. Я лучше довольствоваться своим счастьем в настоящем, чем жить будущим».

Все погрузились в раздумья.

Затем Эдвард, самый молодой из участников, сменил тему: — «В последнее время меня беспокоила сплетня, которую пустили геи, участвующие в постановке. Они сказали, что я, вероятно, гей, и они думают, что у меня была интрижка с одним из рабочих». — В его голосе звучало негодование. — «У меня могут быть какие-то чувства, но я бы не назвал себя геем».

«То, как Вы называете человека, имеет чрезвычайно важное значение», — сказал я. — «Действительно, в мире гомосексуалистов считается, сексуальные чувства человека определяют его идентичность. Весь образ жизни вращается вокруг этой андреггаундной гей-идентичности».

Чарли подытожил мою точку зрения: — «Гомосексуальное искусство является эротическим искусством. Гомосексуальная поэзия является эротической поэзией. Кино о гомосексуалистах является эротическим. Эта культура чрезвычайно сфокусирована на сексе».

Стив добавил: — «Я помню, что когда я был примерно в том же возрасте Эда, я как раз поступил в вуз, я познакомился с одним мужчиной, владевшим антикварным магазином, и я позволил ему забавляться с собой. В его магазине на витрине стоял керамический пенис и повсюду были другие сексуальные вещи. С ним жил другой парень. Они показывали мне фотографии обнаженных парней с плетками и в цепях в журнале для геев».

Эд горячо сказал: — «Вам стоит посмотреть объявления о знакомстве на последней страницах журналов для геев. Они открывают глаза».

В начале следующей сессии отец Джон начал рассказывать о проблеме, которая мучила его всю жизнь.

«Я молился Богу, чтобы он дал мне понять, каким человеком я действительно являюсь. Потому что я понял, что меня одарили двойной ложной идентичностью. Во-первых, я был послушным сыном. Затем я начал играть роль послушного священника. Многие годы я надо мной довлел образ хорошего мальчика. Я даже не знаю, действительно ли это я».

«Теперь у меня, кажется, возникли проблемы с пастором. Я учился более решительно выступать в конфликтных ситуациях. Для этого мне нужно было отбросить ложный образ себя покорного, а монсеньор не привык к этому. Я думаю, что, на самом деле, ему не нравлюсь настоящий «я». Вчера вечером во время ужина я, наконец, открыто выступил против него. Я сказал ему, что я устал от того, что мне всегда поручают вести шестичасовую мессу. Он уставился на меня и едва не уронил свой стакан с вином».

В группе захихикали.

«Вы обвиняете его?», — спросил я.

«Ну, ему не стоит пить так много». — Снова смешки.

«Вы обвиняете человека за то, что он поручал Вам вести утреннюю мессу, хотя Вы никогда не жаловались ему на это?»

«Я думаю, что нет. Думаю, он думал, что я из тех, кто любит рано вставать», — он рассмеялся. — «Но это не так. Учитывая, мою тайную ночную жизнь, мне было нелегко вылезать из кровати в такую рань».

«Расскажите мне подробнее о Вашей подлинной личности, которую Вы начали осознавать».

«Когда я являюсь самим собой... когда я честен с самим собой и с другими. Когда я говорю, что думаю, больше не изображая из себя хорошего мальчика. Я больше не боюсь, что люди могут назвать меня придурком, если я заслуживаю этого, потому что внутри себя я убежден, что я нормальный, что меня можно любить».

«Я думаю, этого хотят все находящиеся в этой комнате» — сказал Дэн.

Озлобленный Дэн, подумал я, больше всех понимал необходимость выразить свой гнев и при этом чувствовать любовь окружающих.

Отец Джон внимательно посмотрел Дэну в лицо, затем кивнул: — «Со своей стороны я всегда играл роль хорошего парня. Я всегда был радушен и любезен. Большую часть времени я стараюсь угодить людям. Но людей, с которыми я бываю честен, очень мало».

Отец Джон описывал качество, присущее многим гомосексуальным клиентам — чрезмерную озабоченность необходимостью самозащиты.

«Есть много вещей, которые я хотел бы высказать, но я никогда не делаю этого. Я никогда не знаю, что именно я скажу в этой группе. Я рассказываю о себе по чуть-чуть за один раз и потом гадаю, не отвернутся ли от меня после моего рассказа. Смогут ли они несмотря ни на что сказать: — «Ты небезразличен мне»?»

Тут Дэн решил рассказать о своем опыте. — «Меня охватывает паранойя и я начинаю выдумывать, что обо мне думает другой человек. Драматизировать ситуацию».

Он добавил: — «Я могу позвонить другим людям из студии, когда я волнуюсь о них. Но когда они нужны мне, когда я хочу сказать: — «Эй, помоги мне. Я страдаю». — Это практически невозможно. Я не стремлюсь завести друзей, потому что я не хочу ощущать себя уязвимым».

«В этом и состоит весь риск. Никто не хочет снова испытать боль», — сказал отец Джон.

Дэн спросил отца Джона: — «Вы сказали «снова». Когда Вам причинили боль в первый раз?»

«Первый раз, когда я испытал боль, который я помню, — когда я осознал, что мой отец отдает явное предпочтение одному из моих старших братьев», — «сказал священник». — «Мне было 3 года и я подумал, что наверное со мной что-то не так. И я помню, что между мной и мамой были близкие отношения, но без проявления нежности. Я не помню, чтобы мама когда-нибудь обнимала меня или моих братьев и сестер».

Он продолжил: — «Единственный раз, когда меня коснулись, наступил много лет спустя, когда меня пытались совратить. Вероятно я отреагировал положительно, потому что ... это было лучше, чем ничего. И, что, как я понимаю, характерно для отношений между взрослыми мужчинами и юношами, меня бросили, как только чувство новизны было утрачено. Вот что я чувствовал тогда. Я никогда не мог понять этого».

Слушая их я почувствовал, что рад тому, что эти двое мужчин слушают и понимают друг друга. Я знал, что им обоим трудно участвовать в такого рода откровенном разговоре.

Во время таких занятий я имел счастливую возможность видеть, как люди меняются в ходе терапевтического процесса. Группа продолжала занятия в течение восьми лет, при кто-то уходил из нее и приходил кто-то новый. Большинство оставалось на год или два; некоторые — на три или четыре года в зависимости от своих личных проблем и темпов продвижения. Я гордился успехами каждого из участников группы, но я знал, что им предстоит работать еще

долгое время после того, как они покинут ее.

Два месяца спустя Стив рассказывал о своем мучительном разрыве со своим любовником Рэнди. В его рассказе я углядел типичную для гомосексуалистов борьбу за превосходство и нарциссистское соревнование.

«Наши отношения то прерывались, то возобновлялись с самого дня нашей встречи», — рассказал Стив группе. — «Из нас двоих я был лидером, я радовался встречам с новыми людьми. У меня было много друзей. Мне всегда было куда пойти, было чему радоваться. Если я ссорился с Рэнди, это не беспокоило меня. Я не тратил на него энергию. Я ощущал себя сильным и это позволяло мне контролировать наши отношения. Затем лидером оказался Рэнди. Он хорошо зарабатывает, владеет половиной ресторана. Он ходит в разные места, встречается разных людей. Он — центр внимания. Мы поменялись местами. Теперь он относится ко мне так, как я относился к нему, как к ничтожеству. И я не могу сказать, что виню его».

Затем он спросил грустно: — «Бывает ли так, что кто-то один играет роль лидера в отношениях?»

Я ответил: — «Между партнерами одного пола возникает естественная конкуренция, особенно между мужчинами... то есть такая ситуация вполне типична для мужских пар».

Стив добавил неожиданно дрожащим голосом: — «С самой нашей встречи в наших отношениях присутствовало соперничество. Мы всегда изводим друг друга. Считалось, что я привлекательнее его. Когда мы выходили вместе, люди всегда смотрели именно на меня. Потом он начал заниматься в фитнес-клубе, как это раньше делал я. Я не хочу играть женскую роль в отношениях, быть слабым, тем, кто всегда зависит от партнера. Теперь, когда мы идем по улице, люди сначала обращают внимание на него. Это звучит эгоистично, но из-за этого я чувствую себя паршиво».

Стив замолчал. Мы все ждали, когда он заговорит снова, но он не произносил ни слова. Мы слышали волнение и чувство беспомощности в его словах. Наконец, Чарли сказал: — «Ты чувствовал, будто ты утратил контроль в этих отношениях».

Стив кивнул.

«Но скажи, Стив, а чего бы ты сам хотел от этих отношений?»

Этот вопрос я часто задавал ребятам, а теперь они начали использовать его, чтобы помогать друг другу.

«Мне надоело жалеть себя из-за этих отношений», — сказал Стив. — «Я хотел отношений, от которых мне было бы хорошо, но это было как зависимость, от которой я не мог избавиться. У меня всегда было много друзей, но при этом я не доверял мужчинам. Я не умел принимать добрые поступки, которые они совершали по отношению ко мне. Я не хочу, чтобы кто-то заходил на мою территорию, вторгался в мою жизнь. По крайней мере не на глубоком уровне. И когда я влюблялся в кого-нибудь, я полностью терял контроль над ситуацией и меня втаптывали в грязь».

«Вы не хотели близости, потому что она казалась Вам ловушкой», — сказал я.

Стив признал: — «На прошлой неделе я подумал: — «Как бы я хотел, чтобы я никогда не начинал курс терапии с Джо. Счастье в неведении». — Потом я понял: — «Нет, неправда. Это не было счастьем. Я бы так и продолжал крутиться в порочном круге отношений. Я бы просто

не понимал, почему я продолжаю заниматься этим».

Рассказ Стива о борьбе за лидерство со своим любовником напомнила мне о большом количестве литературы, в которой гомосексуальные отношения описываются как чрезвычайно противоречивые. В ходе работы я общался со многими парами, как гомосексуальными, так и гетеросексуальными, но наиболее бурные ссоры происходили в мужских парах.

В течение нескольких месяцев Стив медленно и с частыми рецидивами высвобождался из своих неудачных взаимоотношений с Рэнди. Группа всегда была готова поддержать его и помочь с разрывом. Глубина внутреннего конфликта Стива особенно ярко проявила себя в том, насколько много времени ему потребовалось, чтобы избавиться от созависимости с Рэнди.

Как-то мы начали наше занятие с обсуждения рассказа Роджера о его недавней поездке в Сан-Франциско. Пародируя голос диктора, он сказал: — «Последние новости от парней из «Клуба Джей-О» в Сан-Франциско для тех, кто отстал от моды: вместо того, чтобы носить делать пирсинг ушей, они теперь прокалывают пенисы».

Альберт ответил с притворным ужасом: — «Ооо! Нет, только не надо деталей, пожалуйста!»

«Они и в самом деле делают это?» — шепотом спросил отец Джон Дэна, мигая.

«Да, на самом деле!» — с возбуждением ответил Роджер. — «Они все там помешаны на сексуальных штучках. Они занимаются сексом с пирсингом в пенисе»,

Альберт снова повторил с притворным ужасом: — «О, нет!»

«А для чего это?» — спросил Эд.

Чарли покачал головой: — «Дети порока. Настоящее безумие».

«А что такое «Клуб Джей-О»?»

Роджер объяснил: — «Клуб «Джерк-Офф (Подрочи)» — такой есть в каждом крупном городе. В общем, нужно заплатить за вход, раздеться и оставить одежду в раздевалке. Разрешается оставить только ботинки — только таким образом можно заявить о своем вкусе в моде. Кроме того, выдают бумажный стаканчик с какой-то смазкой — «Криско» или что-то вроде этого. Затем парни тусуются в помещении, трогая друг друга, устраивают групповую мастурбацию. Это оргия с безопасным сексом».

Я спросил группу: — «Ну, а для чего они делают пирсинг пениса? Вы усматриваете садомазохизм в том, чтобы калечить себя? Вы знаете, что это означает?»

«Да. Это очень темная сторона гомосексуальности», — сказал Роджер.

«Помните, что мы говорили о внутреннем конфликте, присущем гомосексуальности», — сказал я им. — «В гомоэротическом влечении кроется внутреннее неприятие, неприятие, которое происходит из отношения к равнодушному отцу. Гомоэротическое влечение начинается с обиды на отца и сексуализации такого неприятия. В результате этого возникает неотъемлемая враждебность по отношению к избранникам. Поэтому в гомосексуальных отношениях возникает садомазохизм».

«Но как одновременно могут сосуществовать любовь и враждебность?» — спросил Эд.

«Что ж... в некотором смысле можно сказать, что гомосексуалист — это маленький мальчик пытающийся привлечь внимание отца, но при этом он воспринимает себя недостойным такого внимания. При этом он зол на своего отца за то, что оказался в обидном и несправедливом положении преследователя».

Я рассказал о недавнем исследовании, которое выявило, что около 20% объявлений о знакомствах в журнале «Адвокат» было от людей, которые искали жесткого секса — с кнутами, поркой, мочеиспусканием, связыванием, фистингом, ректальным проникновением с помощью посторонних предметов, словесное унижение и так далее.

Роджер спросил: «Да, но разве мы не встречаем садомазохизм и в гетеросексуальных отношениях?»

«Да, но он намного менее распространен. С другой стороны, журналы для гомосексуалистов постоянно публикуют фотографии на тему контроля и доминирования».

«Парни в полицейских формах, с кнутами, в кожаных сапогах и так далее — в образе крутых мужчин», — добавил Роджер.

Том подал голос: — «То, что Вы сказали, Джо, понятно мне. Иногда, когда я смотрю на мужчин, я чувствую в себе злость, и я понимаю, почему секс является выражением этого гнева на половом уровне. До моего брака с Синтией у меня был как-то жесткий агрессивный секс с женщиной, который неожиданно разозлился на меня и потребовал, чтобы я заплатил ему за то, что он делал со мной. Казалось, что я не заслуживаю его внимания, если сначала не заплачу ему за это. Все желание тут же улетучилось».

Отец Джон оживился. — «А еще увлечение молодостью и красотой. Разговоры о том, «Ты — счастливчик, потому что ты молод, привлекателен, хорошо сложен и подкачан. Я — неудачник, потому что я старше, не так привлекателен, я лысею, у меня животик». И как только заканчивается оргазм, начинается чувство вины, стыда, страха, ненависти к себе и желание вытолкнуть парня за дверь, потому что он видит меня таким, какой я есть. Затем наступает фаза «мешуга».

Эд прервал его: — «Какая фаза?» Ему показалось, что он услышал о каком-то незнакомом извращении.

Отец Джон прервался, улыбнулся и вернулся к своей привычной роли наставника: — «Мешуга» означает безумие, невротический бзик».

Получив утвердительный кивок от Эдда, отец Джон продолжил с прежней лихорадочностью: — «Итак, я выталкиваю парня за дверь и начинаю думать: — «О боже мой, я мог подцепить СПИД, и я заслуживаю этого, потому что я дерьмо. Вся фаза состоит из самоуничтожения». — Он добавил: — «Хорошо избавиться от этого безумия. Все что я видел в гей-среде было безумием».

Эти трое мужчин, Чарли, отец Джон и Том, были самыми мудрыми и красноречивыми участниками группы, хотя они не всегда делились интимными подробностями своей жизни вне индивидуальных занятий со мной. Они, в некотором смысле, были лидерами, стремившимися помочь более молодым участникам.

«В некотором смысле, я думаю, меня привлекало ощущение приключения, безумия», — сказал Альберт.

Чарли согласился: — «Секс давал нам не только ощущение того, что нас принял другой человек, но дарил особое чувство радости, волнения и приключения, которое мужчины испытывают вместе. Я думаю, что это мужская энергия, часть которой гомосексуалист хочет получить».

«Именно это и привлекает в гей-барах. Там есть чувство свободы, которого нам не хватало, когда мы были мальчиками», — признал Альберт.

Я сказал: — «Гомосексуальны мужчины часто вырастают из забитых, хороших мальчиков. В детстве они были замкнутыми, поэтому став взрослыми они присоединяются к большой тусовке».

Отец Джон пошутил: — «Теперь есть организация бывших гомосексуалистов, которая называется *Вырастем*».

«Но я думаю, что я начинаю понимать, какую цену мы платим за свободу», — продолжал Альберт. — «Несколько месяцев назад я познакомился с парнем, который начал работать в оранжерее. Он был очень дружелюбен. Я подумал: — «Этот парень мог бы стать тем другим, о котором мы говорим на терапевтических занятиях. Между нами могла бы быть здоровая мужская дружба без секса». Потом, после того как мы встретились несколько раз, мы устроили вечеринку втроем с его подругой, и я выкурил косячок. Каким-то образом они вовлекли меня в групповой секс. Я был совершенно подавлен. Я прекратил всякие отношения с этим парнем. Это воскресило во мне чувства, которые я испытывал, когда мне казалось, что меня используют и я не обладаю контролем над ситуацией, как это было, когда меня соблазнили в детстве. Меня всего трясло. Все прежняя боль вернулась, когда я заново пережил в себе историю с моим двоюродным братом. И мне было ужасно стыдно. Я не ощущал себя мужчиной, утратил уважение к себе. Я был слабым, беспомощным созданием, которое оказалось втянутым в нечто постыдное. Я потерял самоуважение, осознание самого себя».

Он добавил: «После этого я начал ходить в группу для того, чтобы у меня появились настоящие друзья».

Некоторое время все молчали.

Затем отец Джон сказал, прервав молчание: — «Мы очень рады, что ты пришел к нам, Альберт».

Несколько недель спустя мы начали обсуждать проблему пассивности, недостатка уверенности и страха «сделать что-либо не так» — все это является частью мужского гомосексуального отклонения. Мужчины рассказывали о своем страхе сменить работу, а также о своих попытках стать более уверенными в себе.

Дэн недавно был сокращен со своей работы на телевизионной станции. Чтобы сэкономить деньги, он вернулся на некоторое время в дом своей матери. Было очевидно, что он переживает рецидив, потому что его гомосексуальные наклонности прорвались наружу с еще большей силой.

«В последние несколько недель я не ощущаю связи с самим собой», — объяснил Дэн. — «Я утратил чувство контроля, как и раньше».

«Почему Вы ощущаете будто, утратили контроль?», — спросил я.

«Наверное потому что меня уволили с работы», — ответил он. — «И потому что я вернулся в

дом своей матери».

«Я утратил контроль» — как часто я слышу эту жалобу! Клиенты повторяют эту фразу снова и снова, описывая свое мироощущение. Они чувствуют себя беспомощными и бессильными. Для того, чтобы избавиться от однополюсных влечений, необходимо обрести чувство самообладания.

Дэн сказал. — «Мне казалось, будто я заново переживаю всю боль. Утрачиваю все, чему научился.

«Почему, по-Вашему, так происходит?» — спросил я.

«Я думаю, потому, что я снова вынужден жить со своей матерью. Мне уже почти сорок лет. Я жил самостоятельно с самого окончания школы. Теперь мне неудобно, что моя мама помогает мне. Я чувствую себя опустошенным... абсолютно беспомощным».

Сделав глубокий вдох, он продолжил: — «Одной из целей, которые я поставил перед собой, когда пришел в группу, было принятие более активного участия, но сейчас я ощущаю себя усталым и отчужденным».

«Расскажите об этом подробнее», — попросил я.

«Я просто ощущаю отчуждения. Даже от группы. Я не верю больше, что способен выразить свои чувства. Я чувствую себя так, будто я свернулся в клубок, барахтаясь в своих эмоциях, и я не знаю, как выбраться из этого самостоятельно».

Я понял, что Дэн оказался в положении, которое я называю *черной дырой*, эмоциональное болото, при котором внутри появляется мертвенное чувство, неспособность выразить свои чувства и непреодолимое чувство беспомощности. Это состояние может длиться несколько часов или дней. Такое чувство впервые появляется в детстве, когда противоречивые требования родителей сбивают ребенка с только настолько, что наступает эмоциональный паралич. Если в этот момент окружение не заметит такое положение и не поможет мальчику выразить свою подлинную натуру, когда родители слишком часто поощряют ложный образ, создаваемый ребенком, мальчик привыкает не доверять искренним проявлениям эмоций. Позже, уже в зрелом возрасте, особенно во время стресса и трудностей, он уходит в себя, пассивно ограждаясь от потока эмоций в то же время потакая своей жалости к самому себе.

Есть только один способ выбраться из черной дыры: соотносить свои внутренние чувства с внешним выражением. Если человеку удастся правильно соотносить свои внутренние чувства с их внешним выражением, то он снова соединяется со своими подлинными эмоциями.

Ошибочным способом перезапуска чувств и соединения со своей мужественностью является гомосексуальное поведение. На короткое время, возникшее эмоциональное возбуждение или прилив эмоций казалось бы позволяют прямо подключиться к своей неактуализированной мужественности. Но такую связь не удастся удержать надолго. *Верным* способом соединится со своей мужественностью — рассказать о своих чувствах другу. При таком варианте не возникает головокружительного прилива эмоций, но связь является длительной, более удовлетворительной и более подлинной.

Для того, чтобы помочь Дэну выбраться из его черной дыры, я использовал терапевтическую технику Юджина Гендлина по фокусировке на соотношении слова и чувства. Я пришел к выводу, что этот способ очень помогает людям, которые застряли в таком положении. Со временем они обучаются самостоятельно применять этот метод.

«Что Вы чувствуете прямо сейчас?» — спросил я, в то время как все остальные молча слушали.

Ничего не выражающим монотонным голосом Дэн сказал: — «Я ничего не чувствую».

«И на что похоже это *отсутствие чувств*?»

«Что?» — он был озадачен.

«На что похоже это *отсутствие чувств*?» — повторил я.

«Смятение», — ответил он.

«Хорошо. Теперь оставайтесь с этим чувством смятения. Удерживайте его в себе. Следите за тем, не превращается ли это чувство во что-то другое. Подумайте, не сможете ли Вы подобрать другое слово, кроме «смятение».

Он сидел молча, оглядывая остальных участников группы. Но в конце концов, он опустил взгляд и посмотрел на самого себя. Это был хороший знак. Когда люди смотрят в стороны на уровне своих глаз, они размышляют. Когда люди смотрят вверх, они вспоминают. Но когда люди опускают глаза вниз, как это делал сейчас Дэн, они пытаются уловить чувство.

Наконец, он сказал: — «Мне кажется, я раздосадован, я думаю».

Я подумал: — «Обычно, говоря «раздосадован», они имеют в виду «рассержен». — Я решил подтолкнуть его дальше: — «Отлично. Остановимся на «досаде». Это слово действительно подходит под то, что Вы описываете сейчас?»

Он нахмурился: — «Я думаю, что я зол. Я зол из-за того, что я утратил контроль. Я вынужден мастурбировать по три раза на дню для того, чтобы поддержать свое настроение».

Чувства были высказаны. Мы все теперь видели, что Дэн действительно был с нами. Мы ждали продолжения.

«Это не имеет отношения к маме», — сказал он. — «Это все связано со *мною* — хотя она действительно достает меня донельзя» — Участники закивали в знак сочувственного понимания. — «С тем, что мне пора привести мою жизнь в порядок. *Сделать* что-нибудь. Взять контроль в свои руки».

Теперь Дэн полностью ощущал свои чувства: сначала злость на себя, затем, с помощью группы, ясность по поводу того, что он должен сделать сам. Поняв, что Дэн получил, что хотел, заговорил Роджер:

«Недавно я столкнулся с такими же проблемами», — сказал он. — «Я тоже могу застрять в пассивном состоянии и терпеть неудачи. Как раз сейчас мне нужно сделать с дюжину всяких неприятных вещей: сходить к стоматологу, продлить водительские права, получить новый рецепт на очки. И кажется, что чем больше я осуждаю себя за то, что я не делаю эти вещи, тем более пассивным я становлюсь. Я могу или застрять в черной дыре, или начать принимать мелкие решения для того, чтобы выполнить какие-либо из этих задач, стоящих передо мной».

Эдвард сказал: — «Я тоже ощущал себя в тупике по поводу одного решения. Один мой друг настойчиво предлагал мне согласиться на работу официантом в «Гамбургер Хамлет», которой можно было заниматься в свободное от репетиций время. Но честно говоря я ужасно боялся того, что мне придется обслуживать столики. Забавно, что я могу сыграть роль в пьесе, но

боюсь выставить себя дураком в ресторане: уронить тарелки, перепутать заказы, боюсь оплошать или почувствовать себя некомпетентным, или того, что надо мной будут смеяться. И мне вовсе не доставит удовольствие выслушивать крики менеджера».

Он добавил: — «Но я также должен сделать это, чтобы преодолеть свой страх и свою пассивность». — Тут Эдду удалось вовлечь группу в многословные, но непродуктивные споры о положительных и отрицательных сторонах работы официантом.

Наконец вмешался Чарли: — «Главную проблему Эда можно сформулировать как «Быть или не быть официантом — вот в чем вопрос».

Стив прошептал: — «Как здорово он умеет вставить аллюзию на Шекспира».

В группе захихикали. Том посмотрел на Стива. — «Такой остроумный, такой необщительный».

Вернувшись к более важной теме, Чарли продолжил: — «Нам всем нужно побороть страх перед необходимостью принять решение. Мы все понимаем, что любое наше решение в перспективе может иметь негативные последствия!».

Эд сказал: — «Мне действительно нужны дополнительные деньги, которые можно было бы получать на этой работе. Поэтому если я не воспользуюсь этой возможностью, то я буду ощущать себя так, будто подвел себя самого. Я должен сделать это. Я должен сделать это. Побороть страх. Просто сделать это, даже если я не смогу выполнять эту работу безупречно».

«Именно перфекционизм и является причиной всего», — продолжил Чарли. — «Перфекционизм — часть ложного образа. Освобождение от защитного механизма перфекционизма пробуждает забытые тревоги и ощущение некомпетентности».

Эд признал. — «Меня учили быть безупречным, никогда не ошибаться. Я старался никогда не выделяться, никогда не подавать повод для критики. С другой стороны, я могу выйти на сцену и при чувствовать себя раскованно. Разве это не странно?»

«Нисколько», — сказал я. — «Это ложная роль. Как только ты выходишь на сцену, ты изображаешь кого-то другого, а не себя. Легче выйти перед безличной аудиторией, чем поговорить один на один с другим человеком».

Стив добавил: — «Как-то я допустил оплошность на глазах своих одноклассников и меня высмеяли. Это одно из самых болезненных для меня воспоминаний. Оно причиняет такую боль, что я стараюсь избегать действий, чтобы никто не мог посмеяться надо мной».

«Все дети боятся того, что над ними будут смеяться другие дети», — сказал я ему. — «Но в то время как одни быстро забывают о насмешках, другие дети оказываются полностью подавленными ими. Впоследствии они начинают избегать всех трудностей. Для мальчика с предрасположенностью к гомосексуальности привычной реакцией является замыкание в себе. Он уходит в мир собственных фантазий, занимая себя уединенными занятиями, такими как рисование или музыка. Он утешает себя тем, что в чем-то он лучше этих мальчиков, что он особенный. Часто, его мать поощряет в нем это ощущение своей уникальности».

Здесь отец Джон вставил замечание: — «Я, например, ушел в музыку и учился игре на фортепиано».

Многие исследования показывают, что мальчики с предрасположенностью к гомосексуальности интересуются театром и актерским искусством. Многие из моих клиентов

тоже играли на пианино с раннего детства. Я расцениваю это, как очередной способ ухода от жизненных трудностей под прикрытием ложной идентичности.

Альберт добавил: — «Моим способом бегства была природа. Я помню, что я часто убегал из дома в рощу высоких деревьев. Я забирался на дерево и висел на суку, воображая, что я маленькая птичка. Я думал: — «Никто не найдет меня здесь».

Как часто случается при репаративной терапии, во время дискуссий мы редко обсуждали секс. Мужчины большей частью говорили о своих попытках обрести утраченную идентичность.

Отец Джон продолжил: — «Главное, чему я научился здесь, — бороться против пассивности и ощущения безнадежности. Раньше я просто поддавался своей зависимости от порнографии. Даже сейчас, когда я смотрю порнофильм дома, закрыв двери и задернув занавески, я говорю себе: — «Я знаю, чем вызвано это безудержное желание. Я хочу таким образом вступить в мужской клуб». — Я действительно могу соотнести себя с фразой «чувствовать себя исключенным из мужского клуба». И всю свою жизнь я чувствовал себя таким образом».

Чарли добавил: — «Я понимаю это искушение вернуться в прежнее состояние, оказаться заключенным во тьме души. Хорошего мало, но хотя бы знакомо».

Отец Джон замолчал, казалось обдумывая слова «во тьме души». продолжил он, — «я теперь расцениваю как возможность для трансформации. Вот что мой герой, Колин Кук, называет *преуспеть в падении*.

«Как можно преуспеть в падении?» — спросил Эд.

«Когда я поддаюсь греху, то убиваю по несколько дней на порно и мастурбацию, раньше на это уходили недели», — сказал отец Джон. — «Но преуспевание в падении означает, что если я не смогу сдержаться, я могу использовать такие мгновения в повод для вознесения хвалы Господу, несмотря на все их уродство».

Вид Альберта выдавал сомнения, в его глазах читалось подозрение: — «Звучит как гомосексуальная набожность», — сказал он.

«Это не так», — заверил его отец Джон. — «Я все же принимаю на себя ответственность за свои грехи. Я не хочу, чтобы это дерьмо оставалось в моей жизни. Но я совершал ошибку, отталкивая от себя Бога в такие моменты моей жизни. Колин Кук говорит: — «Не упуская Бога из виду».

Он добавил: — «Раннехристианские богословы говорили о *felix culpa* или «блаженном грехе», что звучит противоречиво, однако падение может быть возможностью для трансформации».

Настало время завершить сессию. Собравшиеся покидали мой офис по две и трое, беседуя негромкими голосами.

Колин Кук, духовный лидер бывших гомосексуалистов и автор нескольких книг, который был фигурой национального значения в движении бывших гомосексуалистов и получал хорошее финансирование для своей религиозной деятельности. Вокруг него разразился скандал, когда обнаружилось, что он имел сексуальные связи с некоторыми из своих последователей. Скандал сильно подорвал едва сформировавшееся движение бывших гомосексуалистов. Защитники гомосексуалистов и критики репаративной терапии использовали историю Колина Кука, как доказательство того, что гомосексуалисты не могут измениться. С тех пор Колин смог восстановить свою репутацию, постепенно завоевав доверие и продолжая делать еще больший

вклад в движение мужчин, желающих освободиться от гомосексуальности.

Во время нашего следующего занятия Том начал обсуждение с рассказа о своем предыдущем опыте лечения у психотерапевтов.

«Другие терапевты говорили мне, что я должен принять свою сексуальную ориентацию. Но что бы я получил, если бы принял этот совет? Я не мог совмещать интрижки с мужчинами на стороне с браком. Многие годы я пытался жить в двух мирах. Этот терапевт заставил меня сидеть на ограде из кольев — острым концом в моей заднице!»

Стив громко рассмеялся, затем извинился: — «Прости, Том. Твои слова рассмешили меня».

«Эту ограду построил дьявол», — прошептал отец Джон.

Чарли добавил: — «С моим первым психотерапевтом у меня была такая же проблема. Он сказал мне: — «Живи с этим. Другие живут с этим, и ты сможешь». — Я сказал ему: — «Но я не могу». — Он сказал: — «Тебе придется принять это. Ты не можешь изменить свои чувства. Ты — *такой*, и тебе нужно быть честным с собой».

Я сказал им: — «Многие мои коллеги купились на политически удобное решение экзистенциальной проблемы. Они поддались давлению со стороны гомосексуальных психологов, которые хотят, чтобы их ориентация считалась равноценной гетеросексуальной. Это напоминает мне про одну старую шутку», — сказал я. — «Человек приходит к доктору и говорит: — «Доктор, каждый раз, когда я сгибаю руку, меня пронзает острая боль.» — Доктор отвечает: — «Не сгибайте руку». — Вот так психиатры отвечают неудовлетворенным гомосексуалистам. Человек приходит к терапевту потому что, он не удовлетворен своей гомосексуальностью. Терапевт говорит: — «Перестаньте чувствовать себя неудовлетворенным».

В течение многих лет мужчины, такие как мои клиенты, которых я называю негомосексуальными гомосексуалистами, игнорировались психологами. Они — жертвы политизированной психиатрии.

Чарли открыл одно из наших занятий, вернувшись к старой теме — взаимоотношениям со своим отцом.

«Когда я не хотел идти на футбол, он воспринимал это так, будто я отвергаю лично его. Когда я не хотел играть в игру, он думал, что я не принимаю *его самого, его любви* к футболу. Так же я чувствовал себя, когда отказывался выполнять работу по дому в привычном ему порядке. Когда я начинал спорить, ему казалось, что я восстаю против него. Он был ужасно самолюбив».

«Словно ты существовал для него одного», — сказал я.

В этот момент заговорил Дэн, которого редко можно было услышать во время групповых занятий: — «Так бывало и со мной тоже. Я говорил отцу, что мне не нравятся групповые игры или оружие. Он негодовал в ответ».

«Да. Воспринимал как личную обиду», — добавил Чарли.

Дэн продолжил: — «Для моего отца футбол был как первая любовь. Сначала — футбол, потом — семья. Игра была важнее. Так же и с оружием. Он построил в подвале оружейную мастерскую за три тысячи долларов».

Ребята продолжили обмениваться воспоминаниями о том, как разочаровывали своих отцов, не оправдывая их стереотипные ожидания, и об ощущении неудачи, возникавшем, когда они осознавали отцовское разочарование.

Затем Роджер долго говорил о своем бывшем возлюбленном Пэрри. Хотя отношения закончились, явно сохранилась созависимость, при которой личные границы между любовниками исчезли.

За девять месяцев своих бурных взаимоотношений Роджер и Пэрри оба пытались изменить ориентацию. Они договорились излечиться от гомосексуальности, но у них часто бывали срывы, которые приводили к противоречивым чувствам по отношению друг к другу и лечению. Когда их отношения закончились, Пэрри неожиданно изменил свое решение и нашел нового любовника. По своему психотерапевтическому опыту я знаю, что ничто не может подорвать намерение пройти репаративную терапию, как новость о том, что у бывшего возлюбленного новые и внешне удачные отношения. Полные радости отчеты о новом возлюбленном напоминают клиенты о его собственных неудовлетворенных эмоциональных потребностях.

Роджер к тому времени научился быть более прямолинейным. Он говорил нам, что испытывает серьезные сомнения по поводу правильности терапии. В то же время он испытывал совершенно противоположные чувства. Он завидовал новому роману Пэрри, но он знал, что сам он неспособен на удачные взаимоотношения такого рода. Он мог заявить о своем желании вернуться к гомосексуальной жизни и в следующую минуту сказать обратное, критикуя такой вариант как отговорку. Он сказал: — «Я ехал в машине и слушал радио, какое-то ток-шоу. Там какой-то парень рассказывал, как он рад быть геем, как несчастен он был в течение тех лет, что пытался измениться. В общем, обычная история про каминг-аут. Я знаю, что он что-то недоговаривает, но должен признать, что испытываю искушение, когда слышу такое. Я часто натываюсь на такие искушения всякий раз, когда заглядываю в газету или включаю телевизор».

Я подумал, что Роджер был прав. Человек, пытающийся излечиться от гомосексуальности, ведет войну на два фронта: внутреннюю — против своих собственных чувств, и внешнюю — против общества, которое не ценит и не понимает его борьбу.

Затем Роджер сказал группе: — «Теперь, каждый раз, когда я испытываю влечение к парню, мой внутренний голос говорит: — «Да, но что будет потом? Не получится ли как раньше? Я больше не хочу думать о том, что может получиться из взаимоотношений. Я чувствую себя слабым, слабым и утомленным».

Я понимал, что Роджера беспокоит, смогу ли я понять или принять его решение прекратить терапию. Он повернулся ко мне и спросил: — «Так что же мне делать?» — Его голос прозвучал резко и раздраженно.

За многие годы терапевтической практики я научился, что нельзя принимать враждебную позицию, отстаивая репаративную терапию. Вместо этого я оставлял клиенту возможность выбрать, сможет ли он извлечь пользу для себя из лечения. Занимая нейтральную позицию, я не поддаюсь их ожиданиям того, что я избавлю их от болезненного выбора дальнейшего направления.

Роджер продолжил рассказывать о своих сомнениях, пытаясь подтолкнуть меня к тому, чтобы я принял решение за него. Наконец, я сказал, несколько раздраженно: — «Слушай, Роджер, ты знаешь мое мнение. Но тебе придется решать самому, насколько это нужно тебе. Я — здесь, мы все — здесь для того, чтобы помочь тебе, если ты захочешь этого».

Отец Джон сказал ему ласково: — «Мы развиваемся не только противостоя дурному, но, скорее, двигаясь к благу. Верным путем для всех нас, Роджер, будет обрести Бога через это».

«Я не знаю, чего я хочу, отец Джон. И я не знаю, проявляется ли в происходящем воля Божья. Я кажется неспособен принимать решения самостоятельно. Я всегда в итоге обращаюсь за подсказкой к другим людям. Я спрашиваю их мнение, я хочу, чтобы они сказали мне, что делать».

Чарли сказал задумчиво: — «Мы обращаемся за советом тогда, когда уже знаем ответ, но не хотели бы его знать». — Он продолжил: — «Я не думаю, что твои сомнения возникли только потому, что твой бывший парень сейчас счастлив в любви. Я считаю, что это подстегнуло твое нежелание проходить лечение».

Роджер сказал: — «Я чувствую себя как лабораторная крыса, которая обошла все дорожки в лабиринте и опять оказалась на старте. Сколько бы поворотов я не проходил, я снова сталкиваюсь с проблемами, которых я избегал».

Поняв, что мы не собираемся подсказывать ему решение, Роджер не мог больше сердиться на нас. Он спросил: — «Хочу ли я принять усилия, заглянуть внутрь себя? Действительно ли я хочу измениться?»

Чарли надавил на него: — «А кто должен это сделать? Убедись, что именно ты будешь делать это, а не кто-то другой. Иначе ты всегда будешь относиться к терапии с неприятием».

Роджер повернулся ко мне. — «Вы понимаете, что я чувствую?» — Прежде, чем я успел что-либо ответить, он добавил: — «Я поступал только так, как меня учили, то есть я изображал послушного ребенка. Слушаться чужих решений».

«Именно», — ответил я. — «Для некоторых людей репаративная терапия является более болезненной, чем для других. Для кого-то это не решение, которому можно следовать, однажды приняв его. Многие разрываются между двумя направлениями прежде, чем им удастся выбрать верное».

Чарли сказал: — «Двойственность — неотъемлемая черта зверя», — и добавил. — «этот зверь — гомосексуальность».

Том повернулся к Роджеру и сказал мягким голосом: — «Не обижайся на то, что столкнулся с трудностями. Тебя на заставляют быть здесь».

«Я знаю», — сказал Роджер медленно. Грустным голосом.

Взаимость — важная концепция в репаративной терапии. Мужчинам с гомосексуальной проблемой сложно добиться ощущения взаимности и равноправия в отношениях с другими мужчинами. Они склонны оказываться в отношениях с нарушенным балансом, в которых они или принижают другого мужчину или возводят его на пьедестал.

В отличие от традиционной психотерапии, которая запрещает участникам групповой терапии встречаться вне занятий, репаративная терапия поощряет дружеские взаимоотношения для того, чтобы снять чувство изолированности, характерное для гомосексуальности. Альберт и Стив общались вне группы и я поддерживал их дружбу, потому что видел в ней возможность для здоровой взаимной привязанности.

На одном занятии Альберт начал разговор с жалобы на Стива, который в тот день не пришел.

Он сказал: — «Стив поддерживает меня во многих отношениях, но есть проблема».

«Какая?» — спросил Чарли.

«Я не уверен», — сказал он в растерянности.

Альберту явно было трудно определить, что было не так в их дружбе. Гомосексуальным мужчинам постоянно приходится воздерживаться от тенденции недооценивать или переоценивать других мужчин. Может возникнуть склонность оказаться пассивным во взаимоотношениях, позволяя проблемам, связанным с лидерством и межличностными границами, выйти из-под контроля.

Альберт продолжил: — «Стив был для меня положительной ролевой моделью. Он достиг того же, чего хочу добиться я. Он оказывает мне поддержку. Но в последние несколько недель он заставляет меня чувствовать себя неловко». — Вопросительные взгляды. Альберт поспешил добавить: — «Между нами не происходит ничего сексуального». — Он продолжил: — «Мы смотрели один фильм, в котором играл очень симпатичный актер. Стив отпустил по его поводу несколько шуток — он часто так делает».

«Ну и что такого?» — Нерешительность и неопределенность рассказа Альберта начала выводить меня из себя.

«Стив часто обращает внимание на мужчин на улице, шутит на тему секса, и», — нерешительно, — «я должен признаться, что это заводит меня. У него необузданное чувство юмора. Мы часто дразним друг друга».

Он замолчал, затем сказал: — «Я не знаю, что делать. Может быть, я просто слишком чувствителен. Я должен быть честен со Стивом, но я не хочу терять нашу дружбу».

Гомосексуальные отношения часто характеризуются созависимостью. Желания мужчин смешиваются, при этом одни желания подавляют и скрывают другие. Я решил, что для того, чтобы разобраться с пересекающимися желаниями, надо начать с чувств Альберта.

«Хорошо. Начнем с простого вопроса: — «Что Вы испытываете из-за таких замечаний?»

«М-м... Я расстраиваюсь», — сказал он.

«Понятно. Что еще?», — спросил я.

Наконец, он сообщил, в чем кроется проблема: — «Должен признать, что меня возбуждают его шутки и замечания. После этого я начинаю думать о парнях, регрессировать». — Он нервно рассмеялся.

Мы молча ждали продолжения.

«Но это не то, чего я хочу от наших отношений».

Том сказал: — «Итак, Стив вызывает в тебе внутренний конфликт. Тебе приятны эти чувства, но ты не хочешь, чтобы они возникали».

Оценка Томом чувств Альберта оказалась верной, спровоцировав дальнейший поток откровений. Оживленно и с некоторым высокомерием Альберт отрезал: — «Да, нравятся, но я не хочу этого от него. Он не помогает мне, привлекая мое внимание в таких вещах. Я хочу

заменить удовольствия, от которых я пытаюсь отказаться, другими. Я не ощущаю, что он поддерживает меня в этом».

«Замечательно!», — сказал я.

Теперь Альберт выглядел уверенным в себе. Он позволил себе высказать недовольство. Но это не было *жалобой*, как ее характеризует Ван ден Аардвег, а заявлением об оправданной необходимости.

«Хорошо. Что Вы можете сказать Стиву?», — спросил я.

Альберт сразу обмяк. Долгая пауза, ничего не выражающий взгляд. Затем Альберт сказал: — «Я просто не хочу ранить Стива. Он ведь не специально...»

Предотвращая очередное смятение в его мыслях, я вмешался: — «Не нужно думать о его намерениях. Об этом может говорить лишь Стив. Сейчас мы говорим о том, что Вы можете сказать Стиву».

«Думаю, что я сказал бы: — «Послушай, я знаю, что ты делаешь это не специально, но твои шуточки про секс и комментарии о других парнях не помогают мне. И *нам* не помогают!»

«Правильно», — я испытал удовлетворение от того, что Альберт оказался способен сделать два шага, необходимых для того, чтобы разрешить агрессивную зависимость, столь характерную для гомосексуальных отношений: (1) идентификация собственных потребностей, независимых от потребностей другого человека; и (2) эффективное выражение таких потребностей. Эти шаги кажутся проще, чем они есть на самом деле, и они необходимы для того, чтобы восстановить взаимность.

Альберт спросил: — «Но как я скажу ему, что я чувствую?»

Вопрос о поведении другого мужчины, который гомосексуально-ориентированный мужчина забывает спросить у себя: «Что я чувствую к этому человеку?» Вместо существует тенденция концентрироваться на другом человеке — избегая неудобных вопросов и ссор из страха потерять его как друга.

«Что мешает Вам поговорить со Стивом? Вам ясно, что Вы хотите сказать ему. Так почему же так трудно добиться понимания?»

«Объясните».

«Вы со Стивом равны. Между вами установилось равенство. Никто из Вас не является лучше или важнее другого».

«Я думаю, что я возвел его на пьедестал», — признал Альберт.

Я объяснил: — «Ваша задача, которая является общей задачей для всех мужчин с гомосексуальными проблемами, — постоянно контролировать склонность недооценивать или переоценивать других мужчин. Не бойтесь того, что Стив может подумать о Вас, если Вы что-то скажете ему. Заявите о своих чувствах, не возводите его на пьедестал».

Я подумал о том, насколько сильно желание гомосексуалиста озвучить свои чувства, свои желания, свои страхи. Он позволяет другому мужчине вести его, позволяет проблеме лидерства и отсутствия личных границ выйти из-под контроля.

«Вы правы!» — сказал Альберт. — «Я действительно боюсь говорить людям, что я думаю».

Том отметил: — «Я заметил, что ты заговорил об этой проблеме в отсутствие Стива. Я вижу, что тебе намного легче говорить о своих чувствах, потому что его сейчас здесь нет. Я думаю, было бы лучше, если бы ты прямо рассказал Стиву о своих чувствах».

Групповые занятия позволяли добиться медленного, но устойчивого прогресса. Участники постепенно усваивали коммуникативные навыки, которые могли бы помочь им более эффективно общаться с другими мужчинами.

Две недели спустя группа начала обсуждать внешне незначительное событие, случившееся со Стивом — он должен был зарезервировать место для друга.

Никто из других участников группы не мог вызывать интенсивные чувства в других мужчинах, как Стив. Его открытая, искренняя манера общения привлекала внимание, а иногда вызывала и негативную реакцию.

На этом занятии Дэн был, как обычно, очень прямолинеен. В последние двадцать минут занятия он говорил более откровенно, чем когда-либо прежде.

Он сказал, обращаясь к Стиву: — «Я не знаю, куда это заведет, но я хотел поговорить с тобой, Стив». — Затем он повернулся к группе: — «В прошлую субботу я договорился со Стивом и его другом на концерт. Я пришел поздно и нашел в зале Стива. Место рядом с ним было свободно, но я не был уверен, было ли оно зарезервировано для меня. Я спросил его, занято ли это место. Он ответил: — «Да, занято». Меня это очень ранило, потому что я думал, что мы будем сидеть вместе. Когда я услышал это, я просто замер на месте. Стив долго ничего не говорил. Когда я повернулся, чтобы уйти, он сказал: «Я просто пошутил». К тому моменту я был уже расстроен и рассержен».

Дэн повернулся к Стиву и сказал очень тихо и очень серьезным тоном. — «То, как ты сказал это Стив, казалось обидным и язвительным».

Частые среди друзей грубые шутки являются болезненной темой среди наших мужчин — что является смешным, а что обидным? Простой инцидент, который легко можно забыть, вызывает непонимание. — «Может я слишком чувствительный? Почему мне больно, хотя им весело? Что во мне такого, что провоцирует агрессивный юмор?»

Из-за раны, причиненной в детстве отцовским равнодушием или враждебностью, гомосексуально-ориентированные мужчины очень чувствительны к малейшим признакам пренебрежения со стороны мужчин. Двойственность розыгрышей — это шутка или признак враждебности? — вызывают к жизни старую проблему, начавшуюся с отца: — «Я не могу добиться его симпатии». Затем возникает вопрос: — «Если я смогу быть верным самому себе и стану защищать себя от несправедливости, то не буду ли я отвергнут другими мужчинами?» Эти проблемы связаны с необходимостью ощущать себя частью компании.

Дэн замолчал на мгновение, в то время как остальные участники группы наблюдали за ним. Затем он продолжил: — «Я заговорил об этом потому, что» — тихим, но твердым голосом, — «Я не хочу, чтобы со мной так обращались. Вот все, что я хотел сказать».

Все молчали. Наконец, Стив заговорил: — «Я согласен. Никому не нравится, когда его ранят, и я извиняюсь. Мне очень жаль, что ты понял это таким образом». — Затем, защищаясь, добавил: — «Но если ты спросишь людей обо мне, то ты узнаешь, что я любитель розыгрышей. Но ты сказал, что ожидал, что место будет занято для тебя — а я так и сделал. Я рад, что ты

ожидал этого, но почему ты не верил в то, что я сделаю это для тебя?»

«Я не был уверен. Я хотел быть частью вашего дружеского круга. Я надеялся, что место будет зарезервировано».

Тут вмешался Роджер. — «Все утро ты выглядел так, будто тебя что-то беспокоит, Дэн. Почему ты не сказал ничего раньше?»

«Когда мне больно, я просто молчу», — ответил он.

«Я никогда больше не буду шутить над тобой, Дэн», — сказал Стив. — «Кажется, ты хочешь этого».

«Позволь мне пояснить: не шути со мной *именно таким образом*», — его голос звучал очень серьезно.

«То есть ты будешь указывать мне, как я должен шутить» — в голосе Стива звучало раздражение.

«Ну...»

Стив прервал его: — «Так мне нужно просить разрешения? Вроде как: «Дэн, можно мне пошутить?»

Придя в себя, Дэн спросил: — «Неужели ты не понимаешь, что то, что ты сделал было обидно?»

«Конечно! Естественно! Я был на твоём месте». — Отстаивая свою точку позицию, он продолжил: — «Любой розыгрыш может быть неправильно понят».

«Если по-твоему каждая шутка может быть неправильно понята, то я не хочу иметь дело с таким юмором».

«Такова природа розыгрышей», — настаивал Стив. — «В ней обыгрывается чье-либо больное место, но беззлобно. Это всего лишь...»

Дэн сердито прервал его: — «А, так ты говоришь, что цель розыгрыша — надавить на чье-либо больное место. То есть ты хотел подшутить над моим больным местом?»

«Нет. Я бы не стал делать этого», — сказал Стив, оправдываясь.

Том вставил: — «Дэн, расслабься».

Дэн продолжал смотреть на Стива: — «Нет. Тебе кажется очень забавным, когда ты можешь посмеяться над моими слабостями».

Стив вздохнул с удрученным видом: — «Чтобы шутка сработала, надо было немного помолчать, подождать, пока до тебя дойдет. Если бы я...» — он оборвал предложение. — «Нужно было выждать, чтобы она сработала. Если бы я сразу рассмеялся, то она не сработала бы». — Он добавил, на этот раз с отчаянием. — «Для того, чтобы шутка была смешной, нужно было подождать».

«Да, и тебе это кажется смешным? Тебе вся эта ситуация кажется смешной?» — Дэн смотрел на него чуть ли не с презрением.

Альберт заговорил успокаивающим тоном: — «Он просто шутил, Дэн».

«Мне стало неловко, когда я увидел, что тебя это обидело», — сказал Стив. — «Но как-то ты сказал...»

Дэн прервал его: — «Ты знал, что это ранило меня? Ты понял, что это ранило меня?»

«Не тогда. Нет. Я не знал этого, пока ты не заговорил об этом сейчас», — голос Стива звучал искренне.

«А теперь, ты все еще считаешь это смешным?»

Стив выглядел растерянным: — «Что тебя это ранило? Нет. В любом случае, я прошу прощения».

Дэн продолжал допытываться: — «А теперь? Когда ты понял, что это ранило меня, ты все еще считаешь это смешным?»

«Теперь?» — Стив выглядел озадаченным. — «Нет. Это было бы смешно, если бы ты рассмеялся. Это было бы смешно для меня, если бы это было смешно для тебя».

Остальные участники группы молчали, не зная, как прекратить перепалку.

Дэн никак не мог успокоиться: — «Ах, так розыгрыш можно назвать смешным, только если я буду смеяться».

«Да», — сказал Стив. — «Розыгрыш — смешной только тогда, когда над ним смеется тот, кого разыграли».

Возникло молчание.

Стив сделал отчаянную попытку примирения: — «Ты не смеялся, поэтому розыгрыш не удался. Это не было смешно. Прости меня».

Он ждал ответа. Мы все ждали. Включая Дэна.

Наконец, Стив сделал глубокий вдох, решив сделать еще одну попытку. — «Я не знал, что ты чувствуешь себя так неуверенно. Теперь я понимаю, что шутка о занятом месте может вызвать такие эмоции. Но я не хочу думать, что я не могу пошутить, когда я общаюсь с тобой. Но если для тебя это важно, то я буду учитывать это».

Сделав паузу, Стив продолжил: — «Ты знаешь, я должен признаться, что у меня было искушение совсем прекратить общение с тобой, но на самом деле я не хочу этого. Может быть мне нужно понять, когда ты чувствуешь себя неуверенным». — Он тяжело вздохнул, затем посмотрел Дэну в лицо. — «На самом деле я рад — очень рад — что ты заговорил об этом».

Дэн сказал медленно, с усилием: — «Но ты *знал*, что ты делаешь».

«Что я раню тебя?» — произнес Стив, не веря своим ушам. — «Что я хотел ранить тебя?»

Дэн медленно кивнул. — «Да».

«Мне обидно, если ты действительно так думал», — сказал Стив, — «что я мог намеренно ранить тебя. Ты считаешь, что я стал бы намеренно причинять тебе обиду?» — Он вздохнул. —

«Ох, неужели мне придется еще с тобой возиться?»

Чарли решил вмешаться: — «Я так не думаю». — Он повернулся к Дэну: — «Я думаю, тебе пора научиться брать на себя ответственность за свою боль. Ты можешь обвинить его в чем-то, и он может извиниться, но ты должен принять на себя часть ответственности, а не сваливать ее полностью на Стива».

Дэн тихо сказал: — «Что это значит?»

Чарли объяснил: — «Я хочу сказать, что ты должен доверять Стиву. Ты должен узнать его, узнать, на что похож его характер. Тебе нужно быть готовым к таким ситуациям и не принимать их близко к сердцу. Когда Стив сказал, что место занято, ты мог ответить: — «Ребята, вы знали, что я хотел сесть рядом с вами, почему вы не заняли для меня место?» — Вместо этого ты промолчал и держал обиду в себе».

«Потому что это на самом деле меня ранило», — произнес Дэн жалобно.

Чарли сказал твердо: — «Возьми на себя ответственность за эту боль и взгляни на него».

«Мне совсем не нравится, что ты тоже нападаешь на меня, Чарли. Мне это очень не нравится», — сказал Дэн тихо, но твердо.

«Да ты крутой!», — ответил Чарли резко.

Дэн сказал: — «Хорошо. Я просто сказал тебе».

«Я знаю, что тебе не нравится слышать такое», — сказал Чарли. — «Вместо этого ты бы хотел все свалить на Стива».

«Неправда!», — теперь Дэн выглядел рассерженным. — «Я не говорю, что я не хочу принимать на себя ответственность. Я просто говорю о том, как сильно это ранило меня».

«Ты просишь всех нас обращаться с тобой бережно», — сказал Чарли.

«Мне не нужны ваши оценки», — выпалил Дэн в ответ.

«Я лишь сделал наблюдение».

«Что ж, мне не нравится, то как ты говоришь со мной. Словно я что-то делаю не так».

Чарли сказал тихо: — «Я понимаю твои трудности. Я просто прошу тебя нести ответственность за себя».

Чарли подбирался к сути проблемы.

«Мы не обязаны всегда думать о том, как мы ведем себя в твоём присутствии», — сказал ему Чарли. — «Ты должен позволить нам быть самими собой и решить, что тебе не будет больно, когда мы будем вести себя так, как нам свойственно».

Дэн ответил тихо: — «Вот. Я бы понял тебя сразу, если бы ты с самого начала это сказал».

Чарли ответил громким голосом: — «Отлично! Я — несовершенен, Дэн», — и затем смягчил тон. — «Нам придется поработать над этим. У нас ушло много времени, чтобы добраться до этого уровня. Тебе нужно доверять Стиву, доверять мне, доверять нам, верить в то, что мы

решаем эту проблему и движемся к цели вместе с тобой. Ты не можешь просто цепляться за свою боль и обвинять нас в ней, потому что таким образом ты отталкиваешь нас».

Все сидели в молчании. Затем Дэн сказал: — «Что ж, я не доверяю Стиву. Просто не доверяю».

Чарли сказал: — «Что ж, это очень серьезный твой недостаток. Если ты не доверяешь мужчинам в этой комнате, то ты не доверяешь ни одному мужчине».

Дэн сказал тихо: — «Я доверяю Стиву достаточно, чтобы сказать ему то, что я ему сказал».

«Я так не думаю, иначе ты поговорил бы с ним об этом наедине», — ответил Чарли. — «Ты заговорил об этом, потому что все были здесь. Так безопаснее».

«Угу». — Дэн замолчал.

«Не будь таким мнительным, относись с большим пониманием к тому, как мы себя ведем. Иначе ты никогда не сможешь помочь нам чем-нибудь и ничего не получишь взамен», — сказал Чарли, на этот раз ласковее.

«Я один за это отвечаю?» — спросил Дэн.

«Мир не станет прогибаться под тебя, Дэн», — вмешался Том. — «Мы можем приспособиться под тебя, но другие люди не станут делать этого. Если ты не сможешь общаться в таких условиях здесь, то ты нигде не сможешь нормально общаться».

В беседу вмешался Роджер: — «Дэн, мне это тоже знакомо. Если я становлюсь слишком чувствительным, я жду, что другие люди изменятся. Но так никогда не бывает. Вместо этого мне приходится изменить свое восприятие. Но я должен сказать тебе, что наше стремление изменить других мужчин происходит из-за нашей неверной самоидентификации с ними». — Роджер продолжил: — «Мы хотим измениться, потому что мы не понимаем мужчин такими, какие они есть».

Отец Джон решил вставить замечание: — «Из-за таких шуток срабатывает кнопка: ОПЯТЬ ОБИДА ОТ ОЧЕРЕДНОГО МУЖЧИНЫ! Наверное, ты думал, что такое не может случиться здесь, среди нас».

Стив повернулся к Дэну и сказал искренне: — «Мне жаль, что я обидел тебя. Если я снова сделаю что-то, что обидит тебя, ты всегда можешь рассказать об этом здесь».

При этом обсуждении был затронут основополагающий аспект репаративной терапии, а именно, необходимость переборов свою обиду и недоверие, научиться доверять другим мужчинам. Пытаясь успокоить Дэна, участники группы и сами усваивали этот урок.

Проблема злости неизбежно возникает в ходе групповой терапии. Злость другого человека вызывает особенно глубокую обиду, поскольку затрагивает раны, нанесенные по самолюбию гомосексуального мужчины его отцом.

В детстве большинству из этих мужчин не разрешалось проявлять какую-либо враждебность; единственным способом защиты для них остается переживание обиды внутри себя. Когда злость направляется против них, это воспринимается как глубокая обида, как эмоциональное разрушение их хрупкого образа самих себя. Таким образом срабатывают уроки, усвоенные в детстве: 1) Я не имею права проявлять свой гнев — он не стоит того, и 2) гнев мужчины, направленный против меня, полностью убивает меня.

Долговременное воздействие таких уроков проявляется при групповых занятиях, когда возникает конфликт между двумя участниками.

Выражение гнева, оказывается тягостным как для того, кто его выражает, так и для того, против кого, такой гнев направлен. Мужчина, дающий выход своему гневу, нуждается в возможности выразить свой гнев таким образом, чтобы он был услышан и чтобы с ним считались. С другой стороны, его оппонент может почувствовать себя оскорбленным и отвергнутым как личность. Ему будет сложно вернуть свое самообладание и веру, в то, что человек, рассерженный на него, останется ему другом.

Доверие является ключевым фактором при групповых занятиях. Мужчины должны усвоить принцип справедливости, который необходимо сочетать с доброжелательностью. Они должны научиться верить в способность участников примиряться с индивидуальными различиями. При всей их сверхчувствительности, ранимости и склонности к агрессивной самозащите, они должны помнить, что их объединяет общая проблема.

Постепенно клиент перерастает прежнее ощущение изолированности, незначительности и недооцененности. Вместо того, чтобы пассивно ждать внимания или манипулировать человеком, стремясь привлечь его внимание, он начинает самоутверждаться и общаться с другими людьми. Общаясь с другими людьми и ставя перед собой новые задачи, он постепенно перерастает прежнее убеждение в том, что он обижен и беспомощен.

На этом я повернулся к Роджеру. — «Не так давно ты всерьез сомневался о том, хочешь ли ты продолжать терапию. Ты все еще испытываешь такие сомнения?»

«Теперь, когда я лучше понимаю, чего я искал в мужчинах, я чувствую, что беспокойство значительно уменьшилось», — сказал он мне. — «Когда я начинал проходить терапию, я был в полубезумном состоянии, и я знал, что мне нужно вернуть контроль над собой. Мои отношения, такие, как, например, с Пэрри, сопровождалось безумными поступками. Я был практически ненормальным. Я был полон болезненных желаний, тоски. Я все еще испытываю их в некоторой степени, но теперь я контролирую их. Потому что я знаю, что они из себя представляют, вижу их с другой точки зрения. Теперь я знаю, что я никогда не смогу реализовать их. Они — недостижимы».

«Ты понял это», — сказал отец Джон торжественным тоном.

Роджер улыбнулся и сказал: — «Я начинаю понимать, что такое озарение является частью примирения с собой».

«Это и есть примирение с собой», — сказал я. — «Парадоксально, но отрицание нежелательной гомосексуальности является примирением с собой».

«Что Вы имеете в виду?» — спросил Эдвард озадаченно.

«Сказав «нет» гомосексуальности, Вы говорите «да» чему-то более важному. Решившись быть здесь, Вы говорите «да» тому, чем Вы действительно являетесь, а не Вашей гомосексуальности».

Роджер задумчиво кивнул: — «Я начинаю понимать то, что Вы как-то обо мне сказали: — «Ты знаешь слишком много, чтобы вернуться назад, Роджер».

«Ты, действительно, знаешь слишком много. У тебя не осталось выбора», — напомнил я ему.

Словно говоря с самим собой, Роджер сказал: — «Борьба будет тяжелой, но я должен напоминать себе, что я сам ее выбрал. Я делаю это ради самого себя».

«Я делаю это ради самого себя», — повторил я. — «Звучит вдохновляющее. Все зависит от внутренней силы, обретения контроля над своей жизнью, ощущения своей силы. Что происходит с тобой, когда ты говоришь: — «Я делаю это ради самого себя?»»

Роджер сказал медленно: — «Я ощущаю совершенно новое чувство — я кажусь себе сильнее, словно я сам управляю своей жизнью».

Я был рад, что Роджер принял решение продолжить терапию. В течение многих месяцев он открыто выражал свои сомнения. Затем он обрел поддержку и друга в лице Чарли, с которым он случайно встретился в кофейне на Венис Бич. Чарли помог Роджеру глубже понять свой страх близости с мужчинами и побудил его проанализировать, почему не сложились его отношения с Пэрри.

Я был рад успехам, которых участники группы добились во время занятий. Все участники смогли добиться успехов именно с помощью данного вида терапии, обмениваясь своим опытом друг с другом. Групповая терапия дает им возможность оказывать друг другу поддержку, сравнивать свои успехи и самоидентифицироваться, которая отсутствует при индивидуальных занятиях, несмотря на всю их важность.

10. Как работает репаративная терапия?

Мне часто задают вопрос: «Как работает репаративная терапия?» Как и все виды лечения, основанные на психоанализе, репаративная терапия исходит из предположения, что некоторые детские задачи развития в свое время не были решены. Понимается, что, когда пациент был ребенком, его родители не смогли помочь ему пройти успешно через эти этапы развития.

Одним из лучших, на мой взгляд, определений психотерапии является краткое: «возможность дать себе то, чего не дали нам родители». Став взрослыми, мы, тем не менее, все еще нуждаемся в помощи других. Репаративная терапия требует активного вовлечения в процесс психотерапевтов, друзей-мужчин и членов психотерапевтической группы.

Важнейшей установкой репаративной терапии является знание, что большинство пациентов (почти 90%, по моему опыту) страдает синдромом недостаточной мужской гендерной самоидентификации. Именно это внутреннее ощущение неуверенности в своей собственной мужественности является важным основанием гомосексуальных влечений. Фундаментальное определение репаративной терапии — «Гендерная идентификация определяет сексуальную ориентацию». Мы эротизируем то, с чем не идентифицируем себя. Целью лечения, таким образом, является полноценное развитие у пациента мужской гендерной самоидентификации.

Репаративная терапия работает с опытом как прошлого, так и настоящего.

Работа с прошлым включает понимание ранних отношений пациента с родителями. Пациент часто осознает, что его мать, будучи очень любящей, в то же время способствовала недостаточному развитию в нем мужской самоидентификации. Сплошь и рядом она поощряла в своем сыне ложную идентификацию («хороший маленький мальчик», «пай-мальчик»), при этом между матерью и сыном возникали отношения сверх-тесной близости, когда мать становилась первым поверенным лицом, духовным наставником или лучшей подругой своего сына. Пациент также мог идентифицироваться с бабушкой, тетями и старшими сестрами.

Параллельно тому, что мать, как правило, проявляла гиперопеку, отец, чаще, был безучастен и эмоционально сдержан. Он, обычно, не мог признать в мальчике отдельную личность и ребенка мужского пола. Он проявлял эмоциональную неспособность в том, чтобы установить контакт с сыном и ввести взаимоотношения в правильное русло. Многие из отцов вообще не понимали, что происходит в отношениях, и были не в состоянии что-либо исправить. Более всего они похожи на того, кого я называю «уступчивым отцом». Эмоциональное невнимание отца — особенно болезненное воспоминание, с которым пациенту придется иметь дело во время лечения.

Другая часть работы с прошлым включает понимание причиняющих боль детских отношений со сверстниками и, часто, с доминирующим старшим братом. Любые ранние гомосексуальные опыты со сверстниками или старшими мужчинами нуждаются в анализе и интерпретации. Нет ничего необычного в том, чтобы столкнуться с историей травматизации психики в результате сексуального насилия над пациентом в детстве.

Работа с настоящим включает понимание того, как пациент потерял ощущение внутренней силы. Под внутренней силой понимается ощущение себя самостоятельным и независимым. Неспособность утвердить до конца свою гендерную идентификацию всегда приводит к потере внутренней силы. Так, один пациент говорил:

— Будучи ребенком, я не просил то, чего хотел... Я ожидал, что другие знают, чего я хочу, поэтому я просто ждал.

— И если вы не получали желаемого ...? — спросил я.

— Я всю жизнь хранил секреты. Я храню мой секрет силы.

— Какой силы?

— Моя сила — в получении того, чего я хочу, косвенным путем, знаете, с помощью манипулирования.

Существенной частью репаративной терапии является понимание пациентом того, как присущий ему дефицит мужественности проецировался на других, идеализируемых им мужчин: «У другого мужчины есть что-то, чего не достаёт мне, — поэтому мне нужно сблизиться с ним» (имеется в виду сексуальное сближение).

Репаративная терапия по своей природе представляет собой инициацию. Она требует не только размышления над собственной сущностью, которое всегда относительно пассивно, но и активного освоения новых типов поведения. Пациент должен постараться разрушить старые паттерны избегания и оборонительного отчуждения от мужчин, чтобы сформировать тесные, близкие несексуальные мужские дружеские отношения.

Психотерапия побуждает пациента справиться с гендерными задачами, оставшимися не решенными в раннем детстве, по достижении взрослого возраста. Другими словами, его путь развития будет включать эти задачи уже в годы взрослости. Ему придется прийти к тому, чего гетеросексуальный мужчина достиг многими годами раньше. Таким образом, в конечном счете, он может достичь гетеросексуальности, но другим путем.

Многие ранние чувства по отношению к отцу и другим значимым мужским фигурам будут переноситься на терапевта. Терапия предоставит благоприятную возможность поработать с этими реакциями. Эмоции к психотерапевту могут включать ожидание неприятия и критики, тенденцию к зависимости, в том числе враждебной, а также сексуальные чувства и гнев.

Так же, как и вся психотерапия, репаративная производит в пациенте значительные изменения. Эти изменения — результат его инсайта. Когда пациент «лицом к лицу» сталкивается с подлинными нуждами, лежащими под его реальным нежелательным поведением, он приобретает новое понимание своих действий. Его нежелательное романтическое влечение теряет всю свою мистическую привлекательность. Он начинает воспринимать его как выражение естественных нужд любви — во внимании, привязанности, в одобрении со стороны других мужчин — которые не нашли своего удовлетворения в детстве. Он узнает, что такие потребности могут быть действительно удовлетворенными, но уже не эротическим путем.

Когда это понято, происходит значительная трансформация — «Я на самом деле не хочу секса с мужчиной. Скорее, я, действительно, хочу восстановить свою мужественность». Исцеление наступает, когда удовлетворены естественные потребности в любви — потребность в мужском внимании, привязанности и одобрении.

Значимая трансформация включает не только интеллектуальное понимание (инсайт), но ощущение самого себя в новых формах поведения.

Этот воплощенный опыт — опыт человека, идущего новым путем, — изменяет личностную идентичность. В случае гендерного дефицита и гомосексуальности, возросшее владение своей мужественностью снижает эротическое влечение к другим мужчинам. Постепенное укоренение в душе ощущения своей маскулинности оставляет в прошлом мучающие соблазны.

В последние годы появилась гей-аффирмативная терапия (ГАТ), призванная помочь гомосексуалам принять свою сексуальную ориентацию и утвердиться в ней. Этот вид терапии исходит из предположения, что не удовлетворенные собой гомосексуалы могли бы достичь большего удовлетворения в отношении самих себя, если бы смогли освободиться от предрассудков, навязанных им обществом. ГАТ считает репаративную терапию игрой, построенной на самообмане, чувстве вины и низком мужском самоуважении. ГАТ постулирует, что coming out («выход из подполья») — наилучший ответ на любые проблемы, присущие большинству гомосексуальных пациентов.

Согласно теории репаративной психотерапии гомосексуальность представляет собой известное недоразвитие личности. Если придерживаться этой точки зрения, тогда гей-аффирмативная терапия предлагает пациенту ассоциировать себя со своей патологией во имя, якобы, психического здоровья.

Уильям Аарон в своей автобиографической книге «Натурал» (W. Aaron, «Straight») справедливо утверждает: «Убедить кого-либо, что он сможет приспособиться к обществу и самому себе благодаря снижению собственных стандартов и укоренения в том, что он внутренне презирает (гомосексуальность), — это не ответ».

ГАТ рассматривает гомосексуальность как естественную и здоровую сексуальную вариацию. Исходя из этой точки зрения, она объясняет любую личностную и межличностную проблему мужчины-гея общественной или интернализированной гомофобией. Эта теоретическая модель описывает жизненный путь пациента как жертвы, неизбежно восстанавливая его против традиционного общества.

Остается только недоумевать, как бы ГАТ объяснила очевидную пользу, которую приносит репаративная психотерапия, — возрастающее самоуважение пациента, снижение стрессов, беспокойства и депрессий. В рамках репаративной психотерапии мужчины обычно отмечают улучшение отношений с другими и освобождение от болезненных переживаний.

Что интересно, как гей-аффирмативная, так и репаративная терапия единодушны в понимании того, чего хочет и в чем нуждается гомосексуальный мужчина: позволить себе любить других мужчин. Но ГАТ работает с гей-установкой, предполагающей эротизацию этих отношений, в то время как репаративная терапия рассматривает секс между мужчинами как вызов взаимности, которая необходима для роста зрелости. Репаративная психотерапия допускает отношения любви одного мужчины к другому — но не как сексуальных партнеров, а как товарищей и братьев.

Групповая терапия ставит перед каждым мужчиной особый вызов. Группа решает, кто будет говорить, как долго, о чем и с какой целью. Каждый участник должен решить для себя, как он будет использовать помощь группы. От каждого ожидается, что он будет ответственно подходить к разговору и займет свое место в дискуссии.

Групповая терапия заставляет мужчин избавиться от привычки пассивного слушания. Пассивное слушание — эгоцентричный тип слушания, который стимулирует личные ассоциации, но не активную реакцию на слова говорящего. Привычка пассивного слушания как следствие оборонительного отчуждения лишь еще более закрепляет эмоциональную изоляцию.

Активное слушание, напротив, означает «самозабывание» с целью поддержания тесной связи с говорящим. Активный слушатель чувствует внутренний отклик на то, что говорят другие. Он может затем выбрать, каким образом выразить ответную реакцию, — в форме вопроса, комментария или совета.

Групповая терапия дает возможность устанавливать связи с другими мужчинами — способность, которой они так до конца и не научились в детстве. Как сказал мне один новый пациент: «Будучи ребенком, я не знал, как быть другом. Если мне нравился мальчик, я подходил слишком настойчиво, слишком интенсивно, слишком властно. Сейчас, когда я встречаю потенциального друга, я все еще продолжаю делать те же вещи — я начинаю так: «Давай пообедаем, давай сходим в кино (смеется), что ты готовишь на утро?»

Большинство пациентов никогда не говорили открыто о своей сексуальности с другими мужчинами, которые бы тоже боролись со своим влечением к собственному полу. Возможность такой открытости пугает, но вместе с тем вызывает новые уникальные переживания. Поэтому каждый пациент в течение первой групповой встречи осторожен, даже испуган. Присутствует чувство возбуждения, не исключаются и фантазии о встрече с привлекательным мужчиной, с которым он мог бы развить чрезвычайно интимные отношения.

Хотя первые групповые сессии характеризуются сильной заинтересованностью друг другом, остается, все же, опасение по поводу перспективы личного самораскрытия со стороны каждого участника группы. Наши пациенты не гордятся своей сексуальной ориентацией, и они должны столкнуться с чувством стыда. Они думают: «Не дай Бог встретить здесь кого-то из знакомых». Но, в конечном счете, едва в группе начинают формироваться дружеские отношения, эти опасения отступают.

Становясь частью группы, каждый ее участник понимает, что это место, где он чувствует себя принятым и понятым. Группа — это место, где их объединяют общие проблемы, с трудом полученные инсайты и общее вдохновение.

Как пояснил один мужчина: «Для меня опыт группы — все равно, что надеть очки при близорукости. До этого я мог видеть только шаблонно».

Другой пациент сказал: «Еще до того, как я пришел сюда, я понял, что испытываю дефицит мужской силы. Я пришел, потому что знал: мне нужна помощь в осознании того, что с этим делать. Раньше я чувствовал себя в вакууме, совсем один, не разговаривая ни с кем, поэтому—то у меня и не многое получалось».

Основная модель наших еженедельных групповых обсуждений подразумевает три уровня отношений:

□ Первый уровень: Без.

□ Второй уровень: С.

□ Третий уровень: Между.

Первый уровень — «Без» — типичен для начальной части каждого группового занятия. Как в индивидуальной, так и в групповой психотерапии он годится для безопасного разогревающего разговора. Обычно этот уровень включает беседу о происшествиях недели, сводясь к простому перечислению внешних событий, не предполагающему анализ внутренних мотиваций.

Второй уровень — «С» — возникает, когда двое или более человек начинают изучать и выяснять мотивы участника группы, основываясь на событиях, о которых он рассказал. Это совместная попытка понять, какова была роль человека в данных событиях.

Третий уровень — «Между» — наиболее «терапевтический». Он бросает человеку вызов и связан с риском, но предоставляет большую возможность построить отношения доверия. Это происходит, когда, по крайней мере, два члена группы говорят об отношениях друг с другом. Ощущение времени на этом уровне существенно важно, и участники группы должны разговаривать, оставаясь в настоящем. Когда они выражают как негативные, так и позитивные чувства друг другу, они описывают, что чувствуют в данный момент.

Для того, чтобы добраться до третьего уровня — прямого диалога, может потребоваться значительное время. Участники группы легко могут почувствовать себя задетыми на этом уровне, и, как правило, на данном этапе возникает много чувств притяжения-отталкивания и поиска недостатков в групповой работе. Когда кто-то из участников задет, то он прибегает к намекам, давая понять, что сомневается, полезна ли для него группа. Он может угрожать, что не уверен, вернется ли сюда на следующей неделе.

Третий уровень наиболее полезен для всех групп. Он дает возможность испытать взаимность, где существует баланс между вызовом («удар под дых») и поддержкой («похлопывание по спине»).

На первых нескольких сессиях вновь сформированной группы люди активно ищут недостатки друг в друге. Пока сыплются жалобы, продолжается сопротивление слиянию с группой. Каждый испытывает чувство, что «все «они» другие: «слишком старые» или «черезчур молодые», «слишком беспорядочные» или «слишком неопытные», «слишком религиозные», или, напротив, «недостаточно религиозные». Этот поиск недостатков — симптом оборонительного отчуждения, обозначенный тем, что Брэд Саржан (Brad Sargent) называет «пределной уникальностью», что означает: «присущая мне особенность делает невозможным понимание меня другими мужчинами». Эта идея удерживает каждого участника в состоянии эмоциональной изоляции, поскольку связана с фрустрирующей моделью ожидания во всех значимых мужских отношениях двух их основных типов. Он либо обесценивает других мужчин, минимизирует их значение и ставит их в подчиненное положение, либо возвышает, восхищается и возводит их на пьедестал.

Расстановка других мужчин по этому принципу определяется символическими представлениями о высоко ценимой маскулинной атрибутике, которой ему недостает, как он подсознательно ощущает, и которой наделяется другой мужчина. Причем, даруемые качества обычно никак не связаны с характером самой личности избранника. Как только развиваются реальные близкие отношения, тот теряет свою эротическую привлекательность.

В нашем групповом процессе мы часто возвращаемся к дифференциации двух типов мужчин, которая практикуется среди наших пациентов: одни из мужчин признаются обычными, другие наделяются чертами таинственности. Таинственные мужчины это те, кто обладает загадочными маскулинными качествами, которые одновременно и ошеломляют и пленяют пациента. Такие мужчины переоценены и даже идеализированы, они — воплощение всех тех достоинств, о которых мечтает пациент как о пределе достижений, к которым он стремится.

Эта поврежденная эмоциональная модель уровней важности постоянно заново проигрывается в групповом процессе. Одержимость «типом» — источник гнева и разочарования в гомосексуальных отношениях, ею объясняется непостоянство и неустойчивость большинства гей-отношений.

Кроме обесценения или переоценки других мужчин, есть третий возможный вариант реакции: взаимность. Это то, к чему мы стремимся. Связь, которая характеризуется взаимностью, включает в себя честность, раскрытие и равенство. Даже в случае существенной разницы в возрасте, социальном статусе или жизненном опыте подлинно глубокие отношения уравнивают все эти несовпадения. Цель групповой терапии — именно взаимность в отношениях, и именно на этом уровне человеческих взаимоотношений приходит исцеление. Взаимность создает открытость, благодаря которой происходит мужская идентификация. Это тропа, с которой каждый мужчина гей начинает свое исцеление.

Один член группы сказал: «Если бы я пришел на терапию с мыслью, что всего лишь должен воздерживаться от секса, не ожидая совершенно нового положительного опыта близости с другими мужчинами, я не думаю, что был бы способен к реальным переменам. Сейчас я признал свою нужду в настоящей близости, но не в ее сексуальном выражении».

Другой член группы описал свой опыт так: «Моя группа — это источник мужской энергии, в которой я каждый день нуждаюсь. Группа стала моим сильным, интенсивным и богатым опытом. Наша группа стала отцом, который так нужен нам всем, и которого у нас не было в ранние годы детства. Я ощущаю присутствие силы среди нас, которая делает нас дающими, исцеляет нас и побуждает заботиться друг о друге».

Процесс лечения в целом должен преодолеть некоторые барьеры роста. Упрощая, можно сказать, что лечение гомосексуальности — это борьба с оборонительным отчуждением в отношениях с мужчинами. Групповая психотерапия — возможность проработать эту отчужденность, являющуюся отказом идентифицировать себя с маскулинностью.

Временами кажется, что все члены нашей группы заряжены отрицательной энергией, отталкивающей друг друга, как однополюсные магниты. До того, как появляется подлинный интерес друг к другу, преобладают сдержанность и критицизм, которые могут парализовать весь групповой процесс.

Оборонительное отчуждение было описано ранее как блокирующий процесс, который препятствует мужской идентификации. Сначала это защита от полученных в детстве обид от ближайшего мужского окружения, во взрослой жизни — это препятствие к настоящей близости и взаимности с другими мужчинами. Гомосексуал разрывается между двумя

противоборствующими тенденциями: естественной потребностью удовлетворить свои привязанности, с одной стороны, и оборонительной отчужденностью, заставляющей испытывать страх и гнев в отношениях с мужчинами, с другой.

Проявлениями оборонительного отчуждения в групповом процессе служат враждебность, противоборство (соревновательность), недоверие и страх непринятия. Члены группы особенно чувствительны к предательству и обману. Мы наблюдаем боязливость, ранимость и оборонительность в отношениях, что лишает их долговечности, чрезвычайно хрупкое и осторожное доверие, легко разрушаемое самыми незначительными проявлениями недопонимания.

С другой стороны, есть сопротивление развитию дружеских отношений с обычными, «нетаинственными» мужчинами — теми, кто не обладает идеализированными качествами. «Обычные» мужчины не только недооцениваются, но нередко пренебрежительно отстраняются. Один пациент описывал свое восприятие мужчины следующим образом: «Пока меня не привлек один особенный парень, я воспринимал мужчин как нечувствительных неандертальцев, сплошных «мачо» — типов, с которыми у меня не могло быть никаких отношений, и которых я презирал». В результате столь предвзятого восприятия у большинства наших пациентов практически отсутствуют отношения, характеризующиеся взаимностью. Классифицируя других людей и относя их к той или другой из вышеупомянутых категорий, клиент тем самым обретает обоснование своего отчуждения. Он чувствует себя либо слишком ничтожным, либо слишком превосходящим другого, чтобы установилась взаимность, необходимая для дружбы.

Это сопротивление дружбе с «обычными» мужчинами — одна из причин того, из-за чего первоначальный интерес и даже восхищение, вызванные встречей с другими участниками группы, легко сменяются разочарованием, которое испытывает пациент. Он понимает, что другие члены группы «такие же слабые, как он сам», и начинает презирать их. Особенно ему противны «слабаки», которые еще более женоподобны и эмоциональны, чем он сам, проявляющие особые признаки уязвимости. Такое сопротивление должно быть дополнительно проработано в индивидуальной психотерапии.

Важной задачей психотерапии является демистификация мужчины — он должен из сексуального объекта стать обычным (развитие от эроса — к агапе). Анализируя свой опыт в области этих двух особых восприятий, один 28-летний пациент сказал: «Сразу вслед за буквально каждым гомосексуальным приключением возникает ощущение, что чего-то недостает. Близости с другим мужчиной, которой мне хотелось, не появилось. Я пришел к мысли, что секс — не то, чего я хочу. Это не похоже на мои отношения с моим гетеросексуальным другом, Бобом. С ним я не ощущаю потребности в сексе. Быть с ним таким близким, получать от нашей дружбы все, что нужно, но даже не думать о сексе... когда я позволяю себе такие взаимоотношения, это очень вдохновляет».

Когда участники группы встречаются за ее рамками, всегда есть вероятность, что они вступят в сексуальные отношения. В редких случаях так и происходит. Сексуальный контакт неминуемо вредит дружбе и может либо ее совсем разрушить, либо предоставить возможность дальнейшего роста в направлении к более глубокой открытости. Значение такого шага очень велико, как для отдельного участника, так и для группы в целом. Поэтому я призываю таких мужчин к саморефлексии и диалогу.

После такого срыва мужчин просят ответить друг другу на следующие вопросы:

1. Когда впервые у меня возникла мысль о возможности сексуального контакта?

2. Что я сделал, чтобы вовлечь тебя в эту ситуацию?
3. Какие эмоциональные последствия имел для нас этот сексуальный инцидент? Нарушил ли я твое личное пространство?
4. Сержусь ли я на тебя?
5. Я манипулировал? Был ли я эгоистичен? Использовал ли тебя в своих целях?
6. Какие эмоциональные потребности я хотел удовлетворить, благодаря тебе, на самом деле? Удовольствие, внимание, защищенность, привязанность, власть, сексуальное облегчение?
7. Получил ли я, что хотел? Если нет, то, что я получил взамен? Мы затормозили наше исцеление?
8. Как наше настоящее сексуальное поведение изменило характер наших отношений?

Относительно будущего:

1. Какие подлинные эмоциональные потребности я испытываю сейчас по отношению к тебе?
2. Чего ты сейчас хочешь от меня ?
3. Как я могу помочь тебе в развитии?
4. Чему бы ты хотел научиться от меня в отношении мужской дружбы?
5. Чего ты еще ждешь от нашей дружбы?
6. Должен ли я попросить прощения?
7. Кто мы теперь друг другу, как мы будем друг к другу относиться?

Если оба участника на все эти вопросы ответили с предельной откровенностью, эти двое мужчин найдут новые, исключаящие эротику, способы помочь себе и друг другу.

Геи не устают мечтать о том, чтобы иметь секс наряду с дружескими отношениями. Но группа начинает осознавать один неотвратимый факт — сексуальный контакт между двумя мужчинами непременно меняет качество их отношений. Те, кто вовлечен в такой сексуальный контакт, могут отрицать, что происходит что-то деструктивное. Или, они могут соглашаться, что что-то произошло, но настаивать, что это не имело серьезных последствий. Но мы должны констатировать, что секс никогда не является частью здоровой мужской дружбы.

За несколько месяцев совместной работы группа обращается ко множеству вопросов. Многие из них связаны с проблемой самоутверждения. Случается, что мужчины проявляют себя неудачниками или компрометируют себя, чтобы добиться мужской поддержки. Они проходят через это ощущение себя жертвой и раздражение, чтобы получить одобрение со стороны других. Но для всех становится очевидным, как быстро можно попасть в неприятную зависимость от других.

Психотерапия — процесс, который дает пациенту возможность расти в направлении целостности. Я говорю группе, что, хотя, по общему мнению, предметом анализа является гомосексуальность, но в действительности основой процесса является инициация, рост и изменение.

Мужчины осознают, что каждый поставлен перед задачей полного взросления, и каждый — гетеросексуал или гомосексуал, пациент или психотерапевт — должен преодолеть свои собственные препятствия, корни которых уходят в прошлые неудачи в их эмоциональном развитии. Несомненно свойственная человеку способность к самоанализу и выбору позитивных изменений — действительно удивительная черта человеческой природы.

Мне часто задают вопрос, действительно ли гомосексуал может стать гетеросексуалом?

Обсуждая свое собственное лечение, Алан Медингер, известный лидер движения экс-геев, описывал следующую ситуацию: «Спустя годы, как я, в сущности, оставил позади все гомосексуальные интересы, и спустя годы моих счастливых и удовлетворяющих сексуальных отношений в браке, меня все еще беспокоила одна вещь. Если бы в комнату вошли одновременно привлекательный мужчина и женщина, я бы первым делом посмотрел на него».

Критики репаративной терапии верят, что фантазии определяют сексуальную ориентацию человека. В таком случае возникает вопрос, если натурал фантазирует на гомосексуальную тему, разве это делает его гомосексуалом? Если кто-то представляет, что он что-то ворует, это делает его вором?

Мы могли бы найти ответ на вопрос об исцелении в книге доктора Салмона Ахтара «Поврежденные структуры» (S. Akhtar, «Broken Structures»), где он приводит «Историю о двух цветочных вазах». Доктор Ахтар описывает занятие по курсу психопатологии характера в группе студентов, изучающих клиническую психологию. Один студент поинтересовался: «Можно ли с помощью психотерапии вылечить очень тяжелого пациента так, чтобы он ничем не отличался от человека, который всегда был здоров»? Ахтар пишет: «Я помедлил минуту и далее прислушался к внутреннему голосу, и сам собой появился следующий ответ. Я сказал ему: предположим, перед нами — две цветочные вазы из хорошего фарфора. Обе — со сложным рисунком, каждый из которых не уступает другому своей ценностью, изяществом и красотой. Внезапно подул ветер, и одна из них упала и разбилась на куски. Вызвали эксперта из далекой страны. Мастер тщательно, один за одним, склеил осколки. И вот, разбитая ваза снова цела, не пропускает ни капли, и на общий взгляд безупречна. Несмотря на это, она сейчас не похожа на первую. Линии, по которым она раскололась, навсегда останутся едва уловимым напоминанием о прошлом, видимыми для опытного глаза. Однако эта ваза приобрела мудрость, поскольку она получила опыт, которого не было у неразбитой вазы. Она знает, как это: разбиться и быть склеенной снова».

Во время моей последней встречи с великим исследователем доктором Ирвингом Бибером (I. Bieber) за несколько месяцев до его смерти в 1982 году, я спросил его: «Действительно ли гомосексуалы, которых вы лечили, на самом деле внутренне менялись, или же они просто достигали контроля над своим поведением»?

Он ответил быстро и уверенно: «Конечно! Многие мои пациенты стали стопроцентными гетеросексуалами».

Я продолжал: «Но, похоже, часто у них все еще остаются гомоэротические фантазии и ощущения»?

С той же самой уверенностью он ответил: «Да, конечно. Они всегда остаются», — и пожал плечами. Не желая спорить с пожилым и мудрым человеком, я замолчал. Но затем подумал, каким образом Ирвингу Биберу удавалось с такой уверенностью мирить столь явное противоречие?

Ответ дают вазы Ахтара: «Разбитая ваза цела, не пропускает воды, кажется безупречной, несмотря на то, что линии склейки навсегда останутся едва уловимым напоминанием о прошлом».

Не могу не заключить, в продолжение притчи Ахтара, что натуралы, вазы из мягкой глины, не знают ни опыта падения со своего пьедестала, ни мудрости, которая происходит из опыта падения и восстановления целостности.

Для многих мужчин репаративная терапия — способ подобного восстановления.

Приложения

В приложения мы вынесли главу из книги Дж. Николоси «Shame and Attachment loss» о дружбе, а также несколько отдельно опубликованных статей.

Мужская дружба

В детстве меня никогда не выбирали в спортивные команды, поэтому я научился ходить туда, где меня обязательно выберут. Вот я и «снимаюсь» сегодня — чтобы меня выбрали.

Мне очень помогает то чувство подлинного братства, которое я испытываю в мужских группах, где я могу налаживать связи с обычными мужчинами. Получить «штамп одобрения», который подтверждает, что ты нормальный — это очень мощное чувство.

Большинство гомосексуальных мужчин отмечают, что чувствуют себя скованно в компаниях других мужчин, и причины этого дискомфорта можно найти в глубоком детстве. Возникнув из отчуждения отца, эта скованность типична для развития гомосексуального мужчины и коренится глубоко в этиологии этого расстройства.

Наши клиенты обычно отмечают болезненное отсутствие близкой дружбы с другими мужчинами. Мужчина, борющийся с влечением к своему полу, воспринимает себя не только отделенным от других мужчин (то есть «не таким, как они»), но и «в меньшей степени» мужчиной по сравнению с другими.

Отношения наших клиентов болезненно искажены, поскольку позитивная потребность мужчины установить связь с другими мужчинами вступает в конфликт с ожидаемым чувством стыда из-за обнажения собственной недостаточной мужественности. Один клиент объяснял: «Даже когда я нахожусь рядом с другими мужчинами, я чувствую себя одиноким. Я не даю им приближаться, я построил вокруг себя защитную, охраняющую меня стену. А за всем этим стоит страх, что в конце концов они потеряют интерес ко мне».

Мужчина с ВСП ищет близости с другими мужчинами, стремясь исцелить отцовскую рану; он непрерывно ищет близких отношений с мужчинами, в то же время испытывая к ним страх. Эту странную ситуацию, оставляющую его хронически несчастным, Моберли (1983) назвал «однополый двойственностью».

Большая часть проблемы заключается в том, что мужчины, борющиеся с гомосексуальностью, имеют идеализированные и нереалистичные взгляды на мужчин, а также наивное понимание природы мужской дружбы. Невосполненные глубокие эмоциональные потребности искажают их ожидания от здоровой мужской дружбы. Как сказал один клиент: «Мне всегда кажется, что как только я найду того самого лучшего друга, мы взглянем друг другу в глаза и запоем «Эти глаза напротив»».

Столкнувшись с таинственностью нормальной мужской дружбы и тяжелым трудом, который требуется для ее формирования, некоторые мужчины используют достаточно необычную тактику для избегания нежелательного эротизма. «Когда мне нужно установить связь с другим мужчиной, я сильно смущаюсь, — сказал один клиент. — Как именно это делается? Полезной уловкой для меня оказалось спросить себя: «А что бы я сделал, если бы он был моей подругой?»»

И все же установление здоровой мужской дружбы и ее развитие — важная задача для мужчины, желающего преодолеть свою гомосексуальную проблему. Неэротическая близость — необходимое условие для расщепления однополого влечения, причем настолько необходимое, что прогресс клиента обычно можно оценить по уровню его близости с друзьями-мужчинами.

Более того, в первой половине лечения, качество мужской дружбы является более важным показателем прогресса клиента, чем уменьшение гомосексуальных действий.

В начале терапии многие клиенты отмечают, что у них имеются близкие друзья-мужчины. Но подробный опрос обычно выявляет, что эти отношения поверхностны, им не хватает честности, откровенности и полной взаимности. Такие утверждения о наличии близких друзей-мужчин указывают на определенный самообман, основанный на склонности принимать желаемое за действительное. Но еще важнее то, что вера клиента в искренность этих отношений основана на неспособности реалистично оценить мужскую эмоциональную близость, а эта неспособность, в свою очередь, вызвана глубоко укорененным, фундаментальным непониманием мужчин и маскулинности.

Таинственные мужчины

Мужчины с влечением к собственному полу имеют тенденцию впадать в крайности в своем восприятии мужчин, обожествляя или демонизируя их. Они психологически разделяют других мужчин на «хороших» и «плохих», что отрицательно влияет на их способность принимать естественные разногласия, возникающие в любых взаимоотношениях. Это по-детски наивная склонность воспринимать поведение других людей как исключительно положительное или исключительно отрицательное может, в некоторых случаях, иметь корни в неспособности триадически-нарциссической семьи воспитать чувство постоянства объекта.

Способность поддерживать эмоциональную связь с другим мужчиной, находясь при этом в конфликте с ним, имеет чрезвычайную важность в процессе лечения, хотя и представляет собой сложную задачу. Чувство злости в дружеских отношениях мужчины с ВСП воспринимает как глубокую угрозу, которая часто провоцирует ожидание глубокого отвержения. Мужчины воспринимаются им как таинственные, непостижимые, мощные силы, которые остаются вне пределов понимания. Один мужчина рассуждал:

В течение всех школьных лет, я всегда спрашивал себя: что мне нужно делать? Или иметь? Или показать? Какие индикаторы статусности я должен продемонстрировать, чтобы меня «впустили»? Как я могу попасть в ту теплую, удобную атмосферу принятия, из которой я чувствую себя исключенным, и в которой мне так болезненно отказывают?

Я хотел, чтобы тот парень меня хотел. Но в нем ли было дело? На самом деле, это был не он, а собирательный образ тех парней, с которым я хотел быть в одной компании.

Терапевт как тренер

Задача формирования и развития мужской дружбы может пугать и приводить в уныние. Здесь, похоже, нет четких указаний; мир мужчин является чужеродной культурой. Один клиент так

описал свою попытку подружиться с женщиной: «Как мне начать? Я даже не знаю, что ему сказать. Может, его спросить, сколько приседаний он может сделать?» Нашим клиентам не хватает простого понимания того, как мужчины на самом деле становятся друзьями. Когда другие мальчики, во время латентного периода, учились общаться с парнями, наш клиент обычно был заточен в изолированном от других мальчиков мире, погружен в свои фантазии и часто сидел дома, выслушивая жалобы мамы на папу.

Следовательно, терапия должна включать в себя ускоренный курс по формированию и развитию мужской дружбы. Эта остро необходимая практическая информация подается терапевтом в тональности учителя-тренера. Он дает основные знания о том, что такое мужчины, как они устанавливают связь друг с другом, как общаются, и что стоит ожидать от мужской дружбы.

Потребность в таком базовом образовании можно увидеть на примере одного семнадцатилетнего школьника, который описывает, как он однажды погрузился в чувство стыда из-за своих нереалистичных ожиданий от друзей-мужчин.

[Запись беседы с терапевтом]

— Когда я пришел в церковь, у меня было отличное настроение. Я увидел, что на задних рядах девушки сидели по одну сторону прохода, а парни — по другую. Я подумал: «Вот это точно репаративный момент. Мне надо сесть с парнями». Но я не смог найти свободного места рядом с ними, поэтому я быстро ретировался к девушкам. Как только я сделал это, я понял, что совершил ошибку.

— Разве у парней совсем не было свободных мест?

— *(колеблется)* Ну, скорее, дело было в их отношении. Они... не были рады меня видеть.

— Что именно произошло?

— Они увидели, что я захожу, посмотрели на меня, но продолжили общаться друг с другом.

— А что ты ожидал *(нетерпеливо)* бурные овации?

— *(застенчивый смех)* Нет *(размышляя)* Я знаю, что это выглядит глупо, что они не были рады видеть меня, но *(глубоко вздыхает, как будто собирая все свое мужество)* как бы... девочки типа... *(высоким голосом)* Дэвид! Иди сюда! Садись тут!

— И что, ты ожидаешь, что парни так же тебя будут приветствовать?

— Ну...

— Нет, парни не так показывают свое отношение друг к другу. Ты просто приходишь и присоединяешься к компании. Там нет таких чрезмерных приветствий, как у девушек, или как у парней-геев. Ты просто приходишь и создаешь сам себе место.

— *(медленно кивает)* Я знаю, что вы правы... но моя неуверенность захватывает меня, и мне начинает казаться, что дело именно во мне.

Общение геев и общение натуралов

Негативный подтекст слова «натурал» подразумевает непоколебимого, недалекого и негибкого

человека. Как сказал один мужчина: «Я жил в одной комнате и с геями, и с натуралами, и я вижу разницу. Геи используют полунамеки и скрытые смыслы. Они многое говорят тем, что *не* говорят. А парни-натуралы прямолинейны, грубоваты, без всяких скрытых смыслов. Наверное, поэтому они и называются натуралами [*натурал по-английски straight, прямой*]».

Когда клиенты лучше узнают мужчин-натуралов, они замечают, что те отличаются от геев и в других аспектах. Один тридцатидвухлетний клиент рассказывал: «Я заметил, что когда натуралы разговаривают друг с другом, они часто перебрасываются предметами. Я никогда этого не замечал, возможно потому, что был запуган. Я не думал, что смогу поймать его, поэтому старался все это игнорировать — притворялся, что не вижу предмета, летящего в мою сторону». Другой клиент рассказывал: «Я обнаружил, что натуралы... оказывается, даже слово для этого есть, ономаптопя... в общем, свистят и издают звуки, когда о чем-то рассказывают».

Психиатр Ричард Фридман (1988) говорит, что прегомосексуальный мальчик не может правильно оценить значение агрессии, исходящей от других мальчиков, ему сложно понять, хотят ли они причинить ему вред, или это просто часть грубоватой игры. Даже во взрослой жизни он часто надевает маску показного равнодушия, услышав шуточную критику в свой адрес, и напрягается от обычного грубоватого общения между мужчинами. Натуралы любят словесные перепалки, подкалывания и добродушные «обломы». В разговоре мужчин-натуралов больше перебиваний, разногласий, прямолинейного выражения несогласия и сомнений. Такая благожелательная, но нервная враждебность со стороны друзей скорее всего напугает нашего клиента, давая ему повод чувствовать себя непринятым.

Близость, по определению, включает в себя проявление уязвимости и обнажение своих чувств к другому мужчине — это именно то, чего желает клиент, но с другой стороны этого же глубоко боится. За гомоэротическим драйвом часто скрывается простое желание установить связь с другим мужчиной особым образом, который хотя и может показаться заурядным, но для клиента является глубоко удовлетворяющим. Как сказал один мужчина: «Парни вроде меня жаждут простоты и глупости парней-натуралов».

Молчаливое понимание

Разочаровавшись в гей сексе, другой клиент рассказал мне о своем подростковом возрасте. Этот рассказ передает саму суть того, *что* он на самом деле искал в других мужчинах:

Мы с Джимом целый день катались на лыжах. Мы гоняли по склонам, исследовали разные маршруты и отрабатывали новые прыжки и повороты. А в конце дня мы, проголодавшись, сели за деревянный стол, друг напротив друга. Через его плечо я смотрел на метель в холодной ночи, за окном нашего теплого, приветливого домика.

Когда мы ели пиццу с горячим какао, между нами установилось безмолвное понимание и принятие. Мне не было необходимости говорить что-то смешное или умное, или беспокоиться о том, говорю ли я правильно. На самом деле, он даже не ожидал, что я буду о чем-то говорить: я чувствовал, что меня ценят за то, что я нахожусь там, и что я — это я.

Во время этого простого ужина мы делились друг с другом не только пищей. Мы чувствовали себя настолько близкими, насколько бывают близки искренне связанные друг с другом братья. Пока мы ужинали, мы вряд ли произнесли больше, чем «ммм...» или «вкусно...». Однако наше простое молчание каким-то образом говорило гораздо больше о наших отношениях, отношениях двух сердец и двух мужчин.

Когда я вспоминаю тот вечер, я понимаю, насколько сильно я ценю такие моменты

эмоциональной связи и как сильно стремлюсь к ним; сложно объяснить такое молчаливое понимание и чувство товарищества между двумя мужчинами, и все же оно жизненно необходимо.

Автомат по продаже конфет

Другой клиент, шестнадцатилетний мальчик, осознал подлинную сущность отношений в своей семье. Все детство он пытался «улучшить» свою семью, в которой его отец не принимал никакого участия, а мать нуждалась в его внимании, но была эмоционально пуста. Наконец, он пришел к выводу, что он больше не может надеяться на улучшение ситуации дома и что он должен заставить себя вступить в отношения со сверстниками, чтобы получить необходимое одобрение. С жаром рассказывая о своих желаниях, он описал такой образ:

Я — маленький мальчик, сидящий рядом с поломанным автоматом по продаже конфет [его отец]. Я надеюсь на то, что, бросив в него монету, получу конфету. Но автомат не работает и ничего не выдает. Сквозь стекло я вижу шоколадные и обычные конфеты, иногда внутри автомата что-то с дребезжанием поворачивается, но он по-прежнему не выдает ни одной конфеты.

Вдруг я вспоминаю, что в двух кварталах от дома есть магазин сладостей [мужская дружба]. Но он кажется таким далеким. Я не уверен, что пойду туда; я никогда не уходил от дома на целых два квартала. Кроме того, я могу потеряться или меня могут похитить. Гораздо проще просто сидеть и типа ждать.

Четыре категории мужской дружбы

Давайте рассмотрим четыре категории мужской дружбы, в порядке возрастания их репаративной ценности: (1) с геем, (2) с гомосексуальным негеем, (3) с мужчиной-натуралом, (4) с мужчиной-натуралом, к которому имеется сексуальное влечение.

1. Дружба с мужчинами-геями создает условия для появления эротического влечения и взаимных сексуальных намерений. Подлинная дружба умягчается флиртом и полунемеками, в которых каждый стремится усмотреть сигналы сексуальной доступности другого. Взаимная игра и манипуляции разрушают возможность создания здорового равенства, таким образом сводя на нет ценность таких отношений.

2. Целибатная дружба с другими гомосексуальными негеями дает сопереживание и особое взаимопонимание. Группы поддержки, состоящие из других мужчин с ВСП [*влечением к своему полу*], могут серьезно подействовать процессу исцеления. Однако потенциал этих отношений ограничен тем, что такие мужчины не способны помочь разрушить тот ореол мужской таинственности, которым, с точки зрения гомосексуала, обычно окружены мужчины-натуралы. Проблемы в таких отношениях включают вероятность возникновения стыда в психике обоих мужчин, а наигранное равнодушие и болезненные недоразумения постоянно ставят эти отношения под угрозу. Такая дружба — подготовка к более многообещающим отношениям с эмоционально менее подготовленными и «несведущими» парнями-натуралами.

3. Гетеросексуальная дружба, не сопровождающаяся сексуальным влечением, имеет большее значение в репаративной терапии. Жизненные обстоятельства часто сводят клиента с подобными мужчинами, однако он не чувствует в себе мотивации к установлению дружбы, поскольку такие мужчины не кажутся достаточно привлекательными. Мужчина, выглядящий заурядно, в отсутствии привычного сексуального влечения оказывается неинтересным или

скучным. Из-за того, что клиент презрительно обесценивает этих людей, он ничему от них не может научиться (при том, что в принципе любой мужчина может хоть немного научить тому, что значит быть мужчиной).

4. Гетеросексуальная дружба с мужчиной, к которому клиент чувствует эротическое влечение, приносит наибольшую пользу процессу исцеления. Только через такие ассоциации эротическое влечение трансформируется в истинную дружбу, развеивая таинственность, которой окружен отдаленный мужчина (*distant male*). Хотя мужчина с ВСП всегда будет иметь способность эстетически оценивать привлекательную внешность и маскулинные качества другого мужчины, в процессе терапии ему будет становиться все более очевидным, что сексуальным фантазиям просто не место в дружбе, основанной на взаимном уважении.

Со временем увеличивающееся чувство принятия со стороны других мужчин и близкое общение приведут к тому, что сексуальные чувства, испытываемые клиентом, естественным образом уменьшатся: «Это все равно, что думать о сексе со своим братом». Но когда дружеские отношения затухают (в отсутствии друга), однополые фантазии могут возникнуть вновь. Как сказал один клиент о своем «великолепно выглядящем» друге: «Когда я с ним, я не думаю о нем в сексуальном ключе. Но когда я не с ним, особенно в течение долгого времени, я думаю о нем именно так».

От эроса к филии

Трансформация сексуального в братское (т. е. эроса в филию) — важная часть исцеления мужской гомосексуальности. При любой возможности, этот урок должен быть увиден и повторен. Как сказал мне один клиент: «Когда я учился в колледже, я состоял в мужском братстве. Я играл в американский футбол, а после него пил пиво. В то время я чувствовал себя менее гомосексуальным, как в отношении восприятия себя, так и в отношении моих гомосексуальных чувств».

Разговор с другом-натуралом

Когда клиент сообщает другу-натуралу о своей борьбе с гомосексуальностью, это становится важной частью терапии. Такое решение требует тщательного размышления и может стать крайне разрушительным, если друг не сможет отреагировать положительно. С другой стороны, если друг способен выслушать, понять и принять борьбу своего друга, это приведет к углублению дружбы. Разговор с другом-натуралом может быть поистине исцеляющим.

Мужчине с ВСП сложно принять и интернализировать принятие себя другом-натуралом, поскольку он имеет подсознательный страх (искажение, основанное на стыде) того, что «если бы мой друг-натурал знал о моей гомосексуальности, он бы меня не принял». Раскрытие, поэтому, убирает еще один уровень защитного отделения, находящийся между ним и мужчинами-натуралами. «Пока я не сказал ему, что борюсь с ВСП, когда мы обнимались, я чувствовал, что краду у него что-то, — объяснил один клиент. — Но теперь, когда я рассказал ему о своей борьбе, когда мы обнимаемся, я чувствую, что он дает мне что-то».

Исцеление происходит, когда основанная на стыде часть себя открывается и получает позитивную реакцию от важного другого. В момент, когда человек открывает что-то негативное, смущающее или стыдное человеку, которого он считает хорошим и благожелательным, а тот второй человек, услышав признание, все же принимает признающего, происходит трансформация. Посредством динамического взаимодействия происходит личностный рост.

Признание другу-натуралу

Каким же образом стоит клиенту рассказывать о своей гомосексуальной борьбе другу-натуралу, особенно такому, которым он восхищается? Судя по моим многим годам опыта, похоже, существует простой план, который отлично работает в такой ситуации.

Во-первых, обсуждая этот вопрос с другом-натуралом, рекомендуется избегать таких слов как «гей» или «гомосексуал». Вместо этого лучше говорить о своем опыте. К сожалению, многие гетеросексуальные мужчины подсознательно находятся под воздействием широко распространенной дезинформации и имеют тенденцию рассматривать своего гомосексуально ориентированного друга как «гея», то есть человека, фундаментально отличающегося от «натурала».

Поэтому стоит говорить скорее о дефицитах детства и потребности в признании мужчинами. Упоминание гомоэротизма лучше представлять не как идентичность, а как *последствие* и *симптом* этих ранних невосполненных потребностей.

Разговор с другом-натуралом лучше проводить в четыре этапа — или в течение одной встречи, или на протяжении некоторого времени.

Семейная обстановка. Необходимо поделиться информацией таким образом: «Мой отец был таким-то и таким-то... Отношения с матерью, старшим братом, младшей сестрой складывались так-то и так-то... Вот что происходило со мной в детстве [сексуальные злоупотребления, запугивания со стороны сверстников, и т. д.]». Клиент может затем описать тот дефицит, который заставляет его чувствовать неуверенность в своей мужской идентичности.

Последствия обстановки в семье. «Я чувствовал неуверенность или неадекватность по отношению к своей маскулинности и своей связи с мужчинами. Я не чувствовал себя парнем. Я не знал, как восполнить этот дефицит внутри себя».

Однополые исследования. «В результате этих чувств я начал искать связь с мужчинами, и этот поиск привел меня к сексуальному поведению и действиям. Но они оставили меня неудовлетворенным; они не представляли собой меня и не соответствовали моим ценностям».

Исцеление посредством подлинной дружбы. «Таким образом, в результате моих сексуальных экспериментов, я понял, что на самом деле я ищу не секса. Что я действительно хочу, так это здоровых эмоциональных отношений с другими мужчинами. Наша дружба важна для меня как возможность восполнить мои естественные мужские эмоциональные потребности и как возможность завершить свою гетеросексуальную идентичность».

Ответственность (необязательный пятый шаг). Клиент может попросить своего друга потребовать отчитываться перед ним о любых гомосексуальных действиях и фантазиях. Это соглашение лучше всего работает, если оно взаимно, то есть друг-натурал сообщает о своих «падениях» в той борьбе, которая актуальна для него.

Когда рассказ о борьбе построен именно таким образом, большинство гетеросексуальных мужчин, похоже, проявляют понимание. Когда борющийся честно открывается перед зрелым и заботливым другом-натуралом, ответ почти всегда позитивен.

Что требуется нашему клиенту от друга-натурала

Нашим клиентам необходимо видеть вполне определенную реакцию от своих друзей-натуралов. Во-первых, клиенту необходимо *понимание*, а не *покровительство*; ему

требуется понимание природы его борьбы, а не наклеивание ярлыка «гей». Друг-натурал должен искренне разобраться в проблемах своего друга и проникнуться ими. Чтобы достичь такого понимания, клиент должен будет дать своему другу полную информацию о своем развитии, дефицитах, потребностях и желаниях, которые сформировали основу однополого влечения.

Во-вторых, клиенту требуется *принятие*. Он должен увидеть, что его признание не изменило, даже незначительно, и не уменьшило фундаментальное принятие его другим парнем. Ему необходимо увидеть четкую демонстрацию этого безусловного принятия своим другом.

В-третьих, ему требуется *поддержка* друга в своей продолжающейся борьбе. Мужчина-натурал должен активно поощрять стремление своего друга достичь тех целей, которые тот перед собой поставил.

В-четвертых, клиенту необходимо проявление интереса, с тем, чтобы он мог свободно рассказывать своему другу правду о своем поведении. Фактически, он говорит: «Пожалуйста, спроси меня об этом». Иногда клиент чувствует разочарование, если его друг, изначально проявив понимание и поддержку, больше никогда не затрагивает эту тему. Обычно наши клиенты боятся заговорить о своем расстройстве еще раз, чтобы не «докучать» другому парню и не «надоедать» ему. Следовательно, важным шагом в процессе признания другу-натуралу является прямая просьба: «Мне нужно, чтобы ты спрашивал меня о том, как у меня все продвигается». Такой прямолинейный подход помогает освободить общение между двумя мужчинами. Он также дает другу-натуралу свободу в выражении своей реакции.

Каждый из этих шагов является результатом предыдущего. Гетеросексуальный друг не может выражать интерес, если он не *поддерживает* мужчину с ВСП; он не может его поддерживать, если он его не *принимает*; и он не может принять его, пока не *поймет*. Меня всегда удивляла поощрительная и поддерживающая реакция мужчин-натуралов на борющихся с ВСП мужчин.

Пример работы с сопротивлением признанию

Приведенная ниже запись терапевтической сессии содержит пример настойчивого сопротивления признанию. Во время этой сессии как терапевт, так и клиент признают, что у Аарона есть прекрасная возможность исцеления, если он расскажет о своей борьбе Дейву, своему другу. И все же Аарон, кажется, не в состоянии сделать первый шаг.

— Я хотел рассказать Дейву, но это настолько сложно!

— Давай сосредоточимся на том, почему именно это кажется сложным. Что ты чувствуешь?

— (*сосредотачивается, через некоторое время*) Дискомфорт... боль.

— Обратись к этой боли.

— Боль происходит от стыда

— (*игнорирует интерпретацию и возвращается к испытанной эмоции*) Но где ты ее чувствуешь?

— В желудке. Как я ее воспринимаю? Тошнота... нервозность. Беспокойство.

— Оставайся с этими ощущениями (*мягко*) просто посиди с ними. (*через некоторое время*) Где они сейчас?

— В груди. Давление в груди.

— Сосредоточься на нем. Как именно ты ощущаешь это давление?

— Теснота. Как будто мое сердце в тисках.

— (*мягко, ободряюще*) Давай побудем с этим чувством тисков, сжимающих сердце.

[Переходя ко второму треугольнику]

— Ты можешь вспомнить, когда ты еще испытывал это чувство сжимающей тесноты?

— (*сразу же*) Конечно — когда я боялся, что надо мной будут смеяться, или делал что-то глупое, или выглядел тупицей в школе.

— Хорошо. Что именно ты чувствовал?

— Я чувствовал, что тону, падаю... как будто я ничто, полный ноль.

— Ага. Это чувство перекликается как-то с идеей рассказать Дейву?

— Он отстранится, отвернется от меня.

— И из-за этого ты почувствуешь...?

— Я почувствую себя ужасно! Типа, «О боже. Я действительно отвернул его от себя».

Аарон понимает, что его неспособность сделать «настолько сложный» шаг происходит из парализующего страха упреждающего стыда, из ожидания, что его унизят из-за обнаружившихся слабостей, стыда за то, что он поделился стыдом. То есть страха, что он попадет в двойную ловушку. Терапевт посоветовал Аарону открываться своему другу постепенно, используя схему, приведенную ранее.

Как оказалось, каждый следующий этап раскрытия своей проблемы был встречен Дейвом с пониманием и поддержкой. Месяц спустя, Аарон и Дейв решились — с помощью своей мужской группы по изучению Библии — стать друг для друга «партнерами по ответственности», при этом Дейв работал над своим (гетеросексуальным) пристрастием к интернет порнографии.

Негативные проекции на мужчин-натуралов

Соппротивление этому процессу иногда основывается на геевских стереотипах о мужчинах-натуралах. «Натуралы грубые, невежливые, равнодушные, тупые куски д...ма. Дикари». Клиент обычно бывает очень удивлен, когда по прошествии некоторого времени, его друзья-натуралы рассказывают ему о своих собственных сомнениях и неуверенности в своих силах. Такие откровения бесценны в процессе развития чувства общности и формирования равных условий для развития взаимности между двумя мужчинами с разными исходными сексуальными ориентациями.

Наибольшим препятствием к исцелению является стыд, который мужчина с ВСП испытывает по поводу своей глубокой потребности в однополой эмоциональной заботе. Чувство «я должен был давно это перерастить» коренится в стыде, вызванном отвергающим отцом. Один клиент сообщил по секрету:

Это старые ощущения, я их испытывал, еще когда ребенком оказывался в группе других мальчиков. Чем более соревновательной была группа, тем более не по себе мне в ней было. Мне было легче с одним парнем, но когда их было двое, я всегда чувствовал себя лишним. Тогда я замыкался в себе и отстранялся. Я чувствовал себя третьим колесом. Я хочу быть с ними, но эти двое парней уже вместе, друг с другом. Я боюсь, что они поладят друг с другом лучше, чем со мной.

Проблема упреждающего стыда

Примером двойственности — страха, но и желания искреннего контакта с любящими мужчинами — является история этого тридцатипятилетнего мужчины. Встав перед выбором: дружба с мужчиной-натуралом или в противном случае гомосексуальные действия, этот клиент со слезами на глазах признался: «Я очень хочу завести друзей, но одновременно надеюсь, что никого не найду, и смогу предаться [геевским] фантазиям».

В приведенной ниже записи терапевтической сессии он описывает посещение города, где живут два его лучших друга. Оба — мужчины-натуралы, они знают о его гомосексуальной борьбе и поддерживают его на протяжении многих лет. И все же, ужиная со своими друзьями, он решил совершить гомосексуальные действия после прощания с ними. После года терапии, он понимал, что совершает сознательный выбор, идя на анонимный гомосексуальный контакт вместо того, чтобы улучшить отношения со своими близкими, но натуральными друзьями.

Он начинает с утверждения, что, как ему кажется, мужчины-натуралы не дают ему то, что ему необходимо; ему требуется больше, а именно, секс.

Я просто не чувствую связи с ними. Чего-то не хватает. Я не могу почувствовать связь с ними на каком-то веселом, близком уровне, на уровне причастности. Я не чувствую той глубокой связи, которую я устанавливаю с парнем-геем, когда занимаюсь с ним сексом. Мои друзья могут сколько угодно говорить правильно и поступать по-правильному, но моя отстраненность настолько прочная, что я не могу впустить их в себя. Они любят меня, они видят меня, я думаю, что они любят то, что видят — мне кажется, я показываю им всего себя — но все же, этого недостаточно.

Потом он печально спросил: «Почему я не могу впустить их в себя?» Глубоко внутри он понимает, что ему не хватает собственной способности открыто принимать дружбу своих друзей-натуралов, и дело здесь не в них.

Осознав это, он злится на себя (что может привести к дальнейшим гомосексуальным действиям, которые направлены на наказание самого себя) и говорит: «Гейство — это все, чего я заслуживаю, потому что внутри меня что-то не так. Я настолько испорчен... в чем моя проблема? Почему я не могу просто быть таким же, как они?»

— Теперь ты осуждаешь себя за то, что ты не получил такой же заботы, какую получили они. Ты делаешь это, чтобы наказать себя. Но ведь вопрос стоит по-другому: «Почему я не могу впустить в себя их принятие?»

— *(безучастно смотрит в одну точку)*

В этот момент, с целью поощрить сострадание к себе, а не самокритику, терапевт дает прямую интерпретацию, основанную на предыдущем описании клиентом той атмосферы нарциссического стиля воспитания, в которой он рос в ранние годы своей жизни.

— Будучи ребенком, ты чувствовал, что твое доверие было предано. Ты верил, что тебя любили,

ты считал, что ты достоин любви, пока однажды ты в ужасе не понял, что эти люди [его родители] не любят тебя; они никогда не видели тебя. Эта ужасающая реальность была непереносима. Ты закрылся в своей роли хорошего маленького мальчика, но про себя решил никогда больше не доверять тому, что похоже на любовь... никогда.

— *(медленно кивает)*

— Сейчас, когда твои друзья демонстрируют любовь, ты не веришь ей и не можешь впустить ее в себя, не можешь погрузиться в нее, не можешь отдаться ей, чтобы она преобразила тебя.

— *(переполняемый внезапной печалью, говорит в слезах)* Мне грустно из-за того, что я так сильно ненавижу себя... *(рыдая)* Мне грустно, что я настолько напуган, что всегда выбираю одиночество...

— *(мягко)* Да...

— Если тебя любят, тебя контролируют *(со злостью)* Люди, которым ты доверяешь свое сердце, манипулируют тобой и контролируют тебя!

— *(сочувственно кивает)*

— Нах...й их, я лучше буду один! Именно это я выбираю, раз за разом...

— *(кивает, ждет и слушает)*

— Я хочу установить связь с другими... но не могу доверять их желанию установить связь со мной... Это невыносимо!

Сожаление о своей отстраненности

Один клиент заметил:

Я помню, как в детстве бывал в гостях у своих двоюродных братьев. Им было двенадцать, а мне — девять. Они знали, что я был застенчивым, и по-своему, пытались вытащить меня... каждый старался поиграть со мной... Но я наотрез отказывался играть с ними. *(тоскливо)* Если бы я только мог вернуться в то время и все изменить. Я отвергал их. Если бы я только открылся им!

Другой мужчина сказал: «Оглядываясь в прошлое, я вижу всех тех мужчин, которые встречались мне в жизни! Но я их не замечал, не обращал на них внимания и не пользовался тем, что они предлагали. Я отвернул их от себя. Я игнорировал их. Я был слишком недоверчив и поглощен собой».

Большинство наших клиентов сожалеют об утраченных возможностях и о своем защитном поведении. Они говорят о возможностях установить связь с другими мужчинами, которые они упустили, не принимая участие в совместной деятельности, пряча свои чувства, не принимая поддержку и отвергая предложенную дружбу.

Их наибольшее сожаление — о том, что они выбрали безопасность, а не решение проблем; самозащиту, а не эмоциональную уязвимость.

Отношения с женщинами

Главное внимание в мужской репаративной терапии уделяется исцелению отношений мужчины с представителями своего пола. Терапевт поощряет установление здоровых неэротических отношений гомосексуально ориентированного мужчины с другими мужчинами.

Однако наступает время, когда некоторые клиенты подходят к моменту готовности вступить в близкие отношения с женщиной. Эта готовность должна выражаться самим клиентом. Терапевт не должен подталкивать клиента к этому шагу так же, как он побуждает клиента стремиться к дружбе с мужчинами. Более того, терапевт не должен забывать, что любой успех в отношениях с женщиной не будет долгим без сохранения клиентом постоянной и приносящей удовлетворение мужской дружбы.

Для того, чтобы понять специфические проблемы, с которыми сталкивается мужчина с гомосексуальной ориентацией в своих отношениях с женщинами, мы должны понять классические триадные отношения, которые так предсказуемо обнаруживаются в историях наших клиентов. В этих отношениях мальчик оказывается на стороне матери, а отец изолируется от жены и сына. Изоляция от отца приводит к искажению представления мальчика о своем месте по отношению к мужскому и женскому полам. Отец остается для мальчика загадкой, а мать становится слишком понятной. В семье с более сбалансированной структурой отец предлагает мальчику мужскую перспективу. Он учит сына как строить отношения с женщинами, подает в этом пример. В семьях, где мать навязчива и стремится установить слишком близкие отношения с сыном, мальчик учится у отца, что лучшим способом отношений с матерью иногда может быть простое игнорирование ее.

Жизнь бросает вызов мужчинам и женщинам: им приходится прикладывать усилия, чтобы понять друг друга. Гетеросексуальных мужчин часто обвиняют в неспособности это сделать. Говорят, что они обычно нечувствительны к женским переживаниям. Парадоксально, что эта же нечувствительность позволяет гетеросексуальному мужчине строить близкие отношения с женщиной. Он не настолько понимает женщин, чтобы слишком остро реагировать и терять себя под влиянием их потребностей. Женщина — это загадка, но это и цена, которую должен заплатить мужчина за развитие своей гетеросексуальности.

Если гетеросексуальный мужчина может быть обвинен в нечувствительности, то гомосексуальный мужчина — в излишней восприимчивости и чрезмерной эмоциональной вовлеченности в женские переживания. Один клиент, анализируя свои неудавшиеся отношения с женщинами, сказал: «Я научился быть открытым с женщинами, но это были нездоровые отношения». Когда он рос, как и большинство предгомосексуальных мальчиков, он был слишком связан эмоциями матери.

Другой клиент сказал: «Я всегда ощущал ответственность за чувства матери. Я считал, будто я должен был делать так, чтобы она всегда была счастлива». У него не было отца, который мог бы вмешаться, чтобы устранить эту нездоровую чрезмерную близость, поэтому мы можем сказать, что он был брошен и предан мужчинами.

Давайте рассмотрим нормальное мужское развитие как серию колебаний маятника. В младенчестве мальчик совершает колебание в сторону женщины, так как он отождествляет себя с матерью. Затем он достигает противоположной точки амплитуды, когда начинает отождествлять себя с отцом. Достигнув нормальной мужской идентификации, он остается в этой полярности в течение детства и отрочества. Затем сексуальный интерес к женскому полу инициирует обратное колебание к женщине. Юноша обладает стабильной мужской идентичностью, поэтому он приходит к обновленной близости с женщиной. Можно сказать, он

защищен мужественностью и может пойти на риск эмоциональной близости, не чувствуя себя превзойденным и уничтоженным женщиной. Поглощение женщинами вызывает первобытный страх у всех мужчин, однако оно особенно угрожает мужчине, недостаточно защищенному мужественностью.

Без доспехов мужественности, защищающих от поглощающей матери, предгомосексуальному мальчику не остается никакого другого варианта, как отступить в ложное «я», которое поощряет в нем мать. Ложное «я» — творение матери. Ей нужен послушный хороший маленький мальчик. Поддаваясь матери, мальчик предлагает этот привлекательный образ для потребления ею, а за ним для самозащиты он прячет свое настоящее «я».

Термин «потребление» на самом деле улавливает многое из того, что переживает мальчик. Матери будто бы нужно использовать часть его. То, что она нуждается в потреблении, обычно является следствием эмоционально неудовлетворительных отношений с мужем, которые не дают ей удовлетворить естественную женскую потребность в близости с мужчиной. Не имея удовлетворительных отношений с мужем, она обращает взор на своего маленького сына (которого она может контролировать и придавать форму; к тому же у него нет тех отрицательных сторон, которые есть у ее мужа) и в свой собственнической любви «поглощает» его.

Вместо того, чтобы отказаться от своей сущности — которая включает природные мужские стремления — мальчик предлагает матери ложный внешний образ. Внешне он становится хорошим маленьким мальчиком, но в его душе сохраняется большая путаница в отношении собственных потребностей и своей идентичности.

Когда клиент подходит к проблеме вступления в близкие взрослые отношения с женщиной, драма его ранних отношений с матерью повторяется.

Две стадии отношений с женщинами

Давайте рассмотрим две стадии, через которые проходит клиент в гетеросексуальных отношениях.

□ Первая стадия: «несерьезные отношения» — характеризуются знакомством и дружбой.

□ Вторая стадия: «серьезные отношения» — характеризуются романтическими и сексуальными чувствами

Для мужчины с гомосексуальной ориентацией стадия несерьезного знакомства/дружбы слишком проста. Он обнаруживает, что может вести непринужденную беседу с женщиной так же легко, как когда-то со своей матерью или старшей сестрой. На самом деле продолжение таких отношений с женщиной часто служит обходным маневром, позволяющим отсрочить переход к романтическим/сексуальным отношениям. Для него переход от несерьезных/дружеских к романтическим/сексуальным отношениям полон скрытых опасностей и может быть обреченным на провал.

Испытывая нетерпение из-за поверхностности в отношениях, женщина обычно инициирует переход к романтическим/сексуальным отношениям. Она жаждет большей близости с этим необычным мужчиной, который в отличие от других, с которыми она встречалась, терпелив, нежен, внимателен, обладает хорошими манерами, очаровательный и интересный собеседник. Он с большим пониманием и интересом относится к ее переживаниям. Она вполне может быть в восторге от него. Она говорит: «Этому мужчине интересна моя душа, а не только мое тело». (Как мало она знает, в этом-то и есть часть проблемы!)

Примером того, как трудно мужчине с гомосексуальным опытом перейти от несерьезных отношений к серьезным, может стать история двадцативосьмилетнего студента-медика, который проходил у меня курс терапии. Этот клиент возложил на себя большое бремя. Будучи человеком, добивающимся больших результатов, он полагает, что может получить жену так же, как он получил свою степень по медицине — просто заставив себя сделать это. Во время первой стадии отношений он очарователен, остроумен и «настроен» на женщину. Он с легкостью устанавливает приятные отношения с ней в течение нескольких первых свиданий. Она души в нем не чаёт. Он же зовет себя «мастером первых свиданий». Потом он начинает чувствовать ее ожидания. Она вполне очевидно хочет большего. Вдруг он чувствует перемену, которая происходит с ним. «Что-то умирает во мне," — говорит он.

Во время третьего свидания с одной женщиной он сидел с ней в ресторане. Пока она о чем-то говорила, ему вдруг показалось, что прямо на его глазах она стала уродливой. Она начала докучать ему, ее голос стал раздражать его. Он отделался от нее и вступил в гомосексуальный контакт с незнакомцем, которого встретил в одном из баров. Это был классический случай защитного отчуждения. Ему нужно было «зарядиться» после того, как он был опустошен женщиной.

В отличие от гомосексуалиста, путь гетеросексуального мужчины к женщине лежит прежде всего через сексуальное влечение. Только потом он узнает женщину как личность и друга. Проблема молодого студента-медика заключалась в том, что он пытался копировать путь гетеросексуального мужчины к женщине. Он пытался сразу же встречаться с ней, что для гомосексуального мужчины равносильно провалу.

Вероятнее всего существует другой путь для мужчины с гомосексуальной ориентацией, и о нем мне говорили многие мужчины, которые с тех пор женились и расстались со своим гомосексуальным прошлым. Три этапа должны идти в обратном порядке: сперва дружба, затем любовь и, наконец, сексуальное выражение этой любви. Зачастую мужчина с гомосексуальным опытом будет в течение нескольких лет дружить с женщиной, прежде чем перейти к более серьезным отношениям. Такие клиенты в итоге говорят об эмоциональной и сексуальной удовлетворенности своими женами, но, что интересно, они говорят, что не испытывают сексуального влечения к другим женщинам. Это, возможно,

трудно понять гетеросексуальному мужчине, но это отличная новость для

жен!

Мужчина с гомосексуальной ориентацией испытывает два вида беспокойства: одно — в отношении мужчин, другое — женщин. Будучи с мужчиной, он всегда опасается, что будет отвергнут и не сможет получить его мужественности сполна. С женщиной он беспокоится, что ее будет слишком много, что она вторгнется в его внутренний мир, овладеет им, как, возможно, происходило в его ранних отношениях с матерью. Когда его отношения с женщиной становятся ближе, это беспокойство проявляется в виде страха перед сексуальными действиями. На самом деле этот страх связан не столько с сексуальными действиями, сколько с проблемой доверия. Если он поймет, что может установить и поддерживать доверительные отношения с женщиной, не боясь быть эмоционально поглощенным ею, сексуальное выражение его любви последует естественным образом.

Вызов

Вызов мужчине с гомосексуальным опытом — вступление в отношения с женщиной и сохранение при этом чувства самообладания. Задача терапевта при этом — следить за тем, как

клиент ощущает свое внутреннее «я». Терапевт помогает клиенту оставаться честным с самим собой, не давая ему уйти в ложное «я», что он может с легкостью сделать, как он делал это в отношениях со своей матерью. Хотя может быть множество вариантов ложного «я», типичными вариантами, возникающими в отношениях с женщиной, являются:

- пассивно-послушный;
- театральный артист;
- сопереживающий (способный на эмпатию) консультант.

Терапевт следит за тем, чтобы клиент, находясь рядом с женщиной, не отказывался от своего «я» и не соскальзывал в одно из этих ложных «я». Становясь слишком чувствительным к женским ожиданиям в отношении него, он отказывается от всех своих потребностей и желаний ради ее потребностей, тем самым теряя ощущение своего «я».

Доверие

Успешный переход к гетеросексуальному браку основывается на доверии. Мужчина задается рядом вопросов: Могу ли я доверить этой женщине свои чувства? Не повторит ли она со мной то, что проделывала со мной мать? Не будет ли она манипулировать мною, приводить меня в смятение? Сможет ли она принять меня таким, какой я есть, или задушит своими ожиданиями? Не будет ли он вести себя так, будто любит меня, а на самом деле будет использовать меня или пытаться контролировать меня? Смогу ли я быть самим собой?

Насущной задачей является замена ожиданий предательства чувством доверия.

Роль терапевта в том, чтобы стараться расслышать уступки своим старым представлениям. В частности, терапевт прислушивается к рассказам клиента о том, каковы, как ему *кажется*, ожидания женщины в отношении него. Мужчина часто проецирует эти ожидания из прошлого или преувеличивает их. Терапевт может предложить клиенту вернуться к женщине и проверить свои представления о ее ожиданиях. Терапевт в отношениях с клиентом играет роль наставника, предлагая клиенту мужскую перспективу. Терапевт — это отец, раскрывающий перед сыном мужскую систему взглядов, у которого мальчик учится быть мужчиной в отношениях с женщинами.

Женщины, на которых они женятся

Жены примерно 80 процентов тех мужчин с гомосексуальной ориентацией, с которыми я работал, знали, что их мужья ведут борьбу с гомосексуальностью. То, что жена знает о борьбе мужа, безусловно, полезно для мужчины. Жена может быть на удивление понимающей и терпеливой к его трудностям. Я не перестаю восхищаться способностью женщины принять проблемы мужа и поддержать его. Большинство женщин могут найти в себе огромные душевные силы, чтобы понять и поддержать своих мужей, если мужья честны с ними и включают их в свою борьбу. Жена обычно становится сильным и верным союзником, если муж делает ее партнером в борьбе. Но если она чувствует себя исключенной из процесса, — если муж скрытен и не нуждается в ней как в союзнике, — она может радикально изменить свое отношение к нему, отказать в поддержке и стать весьма критически настроенной.

Постоянная потребность в мужской дружбе

Какими бы успешными ни были отношения имевшего гомосексуальный опыт мужчины со своей женой, у него всегда будет сохраняться потребность в крепкой мужской дружбе. Многие

жены — даже те, которые не знают о том, что их мужья борются с гомосексуальностью, — рассказывают мне, что, когда их мужья проводят время со своими друзьями-мужчинами, они счастливее и заботливее дома, более эмоционально доступны для них и детей. И наоборот, когда мужья перестают общаться с мужчинами, когда им не удается сохранить мужскую дружбу, они становятся замкнутыми, угрюмыми и эмоционально недоступными для своих жен и детей.

Интенсивность сексуальных переживаний

Репаративная терапия критикуется гей-аффирмативными терапевтами как простая модификация поведения. Они говорят, что ее результатом является всего лишь подавление гомосексуальных чувств. В подтверждение своей правоты такие критики заявляют, что женатые мужчины с гомосексуальной ориентацией говорят, что их бывшие гомосексуальные переживания были более интенсивными, чем сексуальные переживания, которые они сейчас испытывают со своими женами. Это различие в интенсивности переживаний используется защитниками гомосексуализма в качестве доказательства репрессивного характера репаративной терапии.

Однако такое одностороннее рассмотрение «интенсивности» на самом деле является ошибочным критерием для оценки репаративной терапии. Однополый секс вырастает из невроза, и поэтому обладает невротической энергией. Принуждающая, вызывающая привыкание особенность однополого секса не связана с самим сексом, ее назначение — стабилизировать фрагментированную структуру личности.

Гомосексуалист использует секс для достижения многих вторичных целей: для придания ощущения порядка внутреннему хаосу и сдерживания чувства внутренней раздробленности. Гомоэротический оргазм обеспечивает временную снимающую напряжение связь с мужским полом, от которого мужчина-гей отделил себя в целях самозащиты. Героин также дает интенсивное ощущение, но опустошает человека, оставляя его эмоционально «выжатым», подавленным и нуждающимся в новой «дозе». Многие гомосексуалисты описывают такую же динамику эмоций, рассказывая о сексе. Страх, часто связанный с анонимными сексуальными контактами, добавляет дополнительный возбуждающий заряд интенсивности.

Один клиент, который имел более двух тысяч анонимных контактов, говорит, что ощущения при гомосексуальном контакте «невероятно интенсивны». «Это, без сомнения, самое приятное в моей жизни,» — добавляет он. Но все же он признается, что после чувствует себя «измотанным, подавленным и унылым». Такие чувства, сохраняющиеся от одного до трех дней, не могут просто объясняться гомофобией, они скорее указывают на зависимое поведение, которое является самонаказанием, поражением.

Хороший критерий того, что является «правильным», — это чувства, остающиеся у человека после сексуального контакта. Женатые мужчины с гомосексуальным опытом описывают качественное отличие их новых сексуальных переживаний. Хотя эти переживания менее интенсивны, они богаче и приносят больше удовлетворения в эмоциональном плане. Эти мужчины говорят, что испытывают чувство «правильности» и настоящей совместимости [со своими женами]. Один женатый человек сказал: «Когда я сравниваю опыт интимных отношений со своей женой и мой гомосексуальный опыт, мне кажется, что мы были маленькими мальчиками, игравшими в песочнице.»

Женатому мужчине с гомосексуальным опытом супружеские отношения могут показаться менее интенсивными, но они будут давать ему чувство правильности, удовлетворенности и благополучия. Вместо того, чтобы чувствовать себя истощенным, он обновлен и доволен собой,

он чувствует себя неотъемлемой частью гетеросексуального мира.

Суть гомосексуальности

В статье, которая послужила основой для нескольких глав книги «Shame and attachment loss», автор описывает концепцию влечения к собственному полу, понимаемого как репаративный драйв.

За двадцать лет клинической работы с эго-дистонными мужчинами-гомосексуалами я пришел к пониманию гомосексуальности как формы репарации. Концепция репаративного (восстановительного, исправительного или компенсаторного) влечения хорошо разработана в психоаналитической литературе. В нашем случае через гомоэротическое поведение человек пытается восстановить неудовлетворенные аффективные нужды по отношению к людям собственного пола (внимание, привязанность, одобрение), а также восполнить собственную половую идентичность (Николоси, 1991, 1993).

Гомосексуальное поведение временно облегчает стрессовые состояния, наблюдаемые у пациентов с влечением к людям своего пола, в частности: стыд, проблемы с уверенностью в себе, депрессивное настроение, которое я предлагаю называть «серой зоной», и социальную позицию «ложного я».

Мои клиенты не стремятся быть гомосексуальными, не желают гомосексуальности и не идентифицируют себя с гомосексуализмом, который находится в противоречии с их стремлениями и жизненными целями. Гей-жизнь их не удовлетворяет, поэтому они обращаются к терапии в надежде ослабить нежелательные влечения и развить свой гетеросексуальный потенциал.

Гомосексуальное отыгрывание для таких людей — это попытка восстановить психическое равновесие, чтобы поддержать целостность личности. Через гомосексуальный акт они бессознательно ищут утверждения своей подлинности, уверенности в себе, автономии и определенности с полом. Однако в итоге они обнаруживают, что не получили ничего из желаемого, — осталось лишь зудящее чувство, что все это ненастоящее, неподлинное, — и еще большее разочарование.

Гомосексуальность как попытка восстановить блокированную уверенность в себе

По мере того, как наши клиенты начинают вести настоящую жизнь, они обнаруживают, что растет их уверенность в себе. Жизнь в своем «подлинном я» приносит свободу, ощущение обладания собой, порождает здоровые социальные отношения. Поначалу наши клиенты могут путать уверенность в себе с детским отыгрыванием. Отыгрывание — это поведение, которое причиняет беспокойство и является старым неадаптивным способом существования. Здоровая уверенность в себе — нечто совершенно иное: она является фундаментом подлинных отношений и прямого, искреннего общения. Уверенность в себе — это позитивный и адаптивный способ освоения новых навыков и способов жить. Уверенный в себе человек действует сознательно и несет ответственность за свои поступки. Навыки уверенного поведения помогают клиенту удовлетворить потребность в идентификации с мужественностью и ведут к обретению мастерства взаимодействия в конфликтах, особенно в тех, которые часто возникают с другими мужчинами.

Рост уверенности в себе означает, что пациент начнет экспериментировать с новыми формами поведения (иногда, как ни парадоксально, даже с гомосексуальным поведением). Вместе с тем, уверенность в себе может принять обратную форму, форму намеренного воздержания — как

волевое решение воздерживаться от сексуальных актов с другими мужчинами.

Две противоположности: уверенность в себе и сексуальное отыгрывание

Наши клиенты интуитивно понимают, что опьянение от свободы делать все, что хочешь, нарушая нравственные нормы, переживание «полноты» жизни от секса с другими мужчинами — это нездоровое поведение. Их сексуальная жизнь характеризуется навязчивостью, компульсивностью, стереотипностью и повторяемостью; это непродуктивная попытка решения травматических конфликтов прошлого, в частности конфликтов между любовью и страхом, очень часто связанных с воспоминаниями о фигуре отца. Гомосексуальное поведение никогда не решает исходного конфликта; вместо этого, оно создает дополнительный внутриспсихический и межличностный стресс.

Гомосексуальное желание — это попытка заново открыть в себе свободное, экспрессивное, открытое, сильное, мужское Я, поскольку клиент ощущает себя униженным в этом отношении и нуждается в утверждении себя в качестве мужчины.

Гомосексуальный импульс в таком случае носит смысл репарации, т. е. восстановления, утверждения в половом отношении: мужчина стремится выглядеть привлекательным мужчиной в глазах других мужчин.

Гомосексуальное влечение: реакция на ложное Я (попытка восстановить мужскую роль)

Большинство мужчин не могут постоянно носить маску ложного Я, исполняя роли «пай-мальчика» или «своего парня», которые так часто встречаются у гомосексуально-ориентированных мужчин. Эти маски характеризуются подавлением своего Я, которое выглядит неподлинным, как будто ему что-то препятствует проявиться. В попытке исправить ситуацию эти мужчины впадают в противоположную крайность, демонстрируя бунтарское или шокирующее поведение, шалопайство или жестокость, играя роль «плохого парня» или «нарушителя сексуальных приличий». Кажется, что такое гомосексуальное поведение принесет освобождение через бунт против ложной роли «хорошего мальчика», роли довольно жесткой и ограничивающей. Нарушение норм в этом случае воспринимается как переход по ту сторону добра и зла, как проявление безграничной «свободы».

Ощущение опасности увеличивает возбуждение. Иногда это означает, что мужчина допускает (или даже активно ищет) возможность подвергнуться риску заражения СПИДом. Существует целая культура, посвященная поиску небезопасных контактов с ВИЧ-инфицированными. Это также поиск секса в общественных местах, например, в туалете или парке, где есть риск попасться кому-либо на глаза. Один из пациентов описывает волнение как «возможность быть пойманным за чем-то дурным, рискованным и незаконным. В этот момент у меня происходит выброс адреналина. Да пошли все...! Это дает мне энергию, смысл... Я чувствую себя живым. Это вдохновляет, это сильно. Пошли все на...! Я сам отвечаю за свою жизнь. Да, в этот момент я чувствую себя на пике эмоций».

Вот как 21-летний молодой человек, который занимается искусством, объясняет свои анонимные сексуальные контакты: «Мои сексуальные подвиги — я как бы заявляю ими: «знаете что, парни, я могу быть таким же плохим как и вы! У меня тоже шрамы от драк! Я все это прошел, и мне есть что рассказать». — Как будто хочу пустить пыль в глаза моим друзьям. — Я делал то, то и то. Со мной есть о чем поговорить, вот я какой!»

Другой 35-летний пациент, пытающийся преодолеть нежелательное гомосексуальное

влечение, вернулся из Амстердама, где проводил отпуск и где, между прочим, узнал места встреч и имел гомосексуальные контакты. Вот его слова: «Я хотел чувствовать, что могу делать все, что захочу. Я хотел почувствовать себя независимым. Я могу принимать собственные решения и быть открытым всему... Я могу быть собой, испробовать все и решать за себя; я могу пробовать, чувствуя собственную силу. В конце концов, моя воля сказать «нет» должна быть основана на моей свободе сказать «да»».

Насколько гомосексуальное поведение клиента является реальной попыткой «почувствовать собственную силу» через самоутверждение? Или в данном случае имеет место всего лишь рациональное обоснование регресса в терапевтическом процессе? Эти вопросы еще предстоит исследовать.

Гомосексуальное влечение: реакция на требования «серой зоны»

Ощущение себя живым, возбужденным, «в контакте», — вот что обещает гомосексуальность. Этот внутренний заряд, запал примитивного возбуждения спасает человека от бессилия, закрытости и депрессии, которые ощущаются в «серой зоне»: «Я так привык прикрывать мое уныние сексуальным возбуждением, что когда я чувствую, что унываю — знаю: возбуждение где-то рядом. Я мастурбировал, начиная с детского возраста трижды в день — чтобы не чувствовать себя неудачником... слабым, унылым».

Объясняя свои анонимные сексуальные контакты, другой 21-летний пациент говорит на своей первой сессии: «Как будто в мое тело вселяется жизнь. Я чувствую себя уверенно, сам с собой в ладу. Обычно же я забываю о своем теле; и проживаю день в режиме автопилота. Плохо ем и мало сплю».

«Серая зона» имеет аффективную ассоциацию с глубинным отчаянием, и может рассматриваться как состояние, предшествующее скорби. «Если я прикоснусь к моей грусти и пушу ее себе в сердце, такое ощущение, что я сольюсь с ней, она буквально пожрет меня», — делится с нами один из мужчин. Ожидание глубоко переживаемого уныния вызывает маниакальные защиты, включая ту, которой пациент больше всего хочет противостоять — гомосексуальное отыгрывание.

Гомосексуальное влечение: реакция на стыд (попытка восстановления самооценки)

Стыд — это обоюдоострый меч: он отсекает человека от его подлинного Я и от других людей. Человек, охваченный стыдом, ощущает себя униженным, верит в свою неполноценность, незначительность. Гомосексуальное отыгрывание, выполняя нарциссическую функцию, как будто обещает нечто противоположное этому негативу, а именно: внимание, восхищение, обожание и возрождение мужской уверенности в себе.

Оно как бы предлагает:

- компенсацию истощенной мужественности и личной слабости;
- близкий контакт, чтобы застраховаться от болезненной изоляции и отчужденности, которые характеризуют ощущения стыда;
- особое внимание и заботу, чувство уникальности (нарциссическое отражение личности), которые смягчают глубокие чувства унижения и неполноценности;

подтверждение того, что человек действительно обладает подходящим мужским телом.

Но эти обещания никогда не сбываются. 21-летний пациент выражает это следующим образом: «Я всегда задавался вопросом, почему все эти развлечения не приносят настоящего удовлетворения... Эти фантазии обретаю надо мной власть, потому что я чувствую себя недостаточно хорошим. Чего бы я не искал, что бы ни делал, все это для того, чтобы уберечься от чувства неадекватности, чтобы не чувствовать себя ничтожеством... Пустое удовольствие порнографии, как и любая другая анестезия, притупляет жизнь. Это какое-то темное удовольствие. Оно как бы «выключает» меня из жизни, отсекает от человеческих отношений. Что же заставляет меня делать это? Без этого я чувствую еще больше пустоту внутри, которая осуждает меня. И это удовольствие от порнографии ее хотя бы на некоторое время блокирует».

Стыд и нарциссизм

Нарциссическая функция влечения к людям своего пола хорошо проявила себя в одной из последних программ кабельного телевидения, где два героя обсуждали третьего привлекательного мужчину. Один гей говорит другому: «Мне он так нравился! Как бы мне хотелось либо быть им, либо иметь его».

Стыд и нарциссизм — это две стороны одного и того же, и вместе они играют существенную роль в понимании гомосексуальности. Нарциссизм — это защитная реакция против стыда, а гомосексуальность — это форма нарциссизма, которая защищает от стыда в области мужественности.

Нарциссизм — это главное препятствие исцелению от гомосексуальности, поскольку влечение к людям своего пола подразумевает нарциссическую иллюзию, будто через гомосексуальное поведение можно освободиться от этого стыда за свою неудавшуюся мужественность. Влечение к людям собственного пола — это иллюзия, компенсирующая чувство мужской неполноценности и стыд по этому поводу. Образно говоря, стыд как бы отрезает от личности «отрицаемую» или «осуждаемую» часть, связанную с мужественностью, а гомосексуальность служит заживлению раны путем заимствования мужественности у другого мужчины.

Момент стыда

Момент стыда — это момент конфликта между двумя борющимися импульсами: уверенностью в себе и стыдом. То есть, это столкновение жизненного и запретительного аффектов. Момент стыда имеет выраженное болезненное свойство, поскольку человек не может защитить себя от невыносимой несправедливости, которую ему не сформулировать. Ощущение стыда заключается в следующем: «Я не могу объяснить себя, и меня никто не поймет. Я никогда не смогу победить...». В результате аффект самоутверждения перестает работать. В моменте стыда присутствует замораживающее, парализующее действие; то, что один из пациентов описывает как «осязаемый страх, который препятствует моему общению с другими людьми. Я неподвижен, я онемел. Мой ум пуст, я готов терпеть оскорбления».

«Двойной тупик» и возникновение стыда

Стыд — это не эмоция, потому что в основе эмоции лежит движение (motion). Скорее, стыд — это полная противоположность эмоции. Это барьер, отделяющий гендерную идентификацию от всей личности. Результатом такого отделения является ложное Я, не полностью сформированное в отношении пола.

Значительное число наших пациентов имеют семейную предысторию, которая может быть определена как нарциссическая. В нарциссической семье ребенок помещается в коммуникативную структуру «двойного тупика» или «безальтернативного проигрыша». Если

он примет на себя ответственность за то, что он не чувствует к себе безусловной любви, то будет «награжден» родительской любовью и вниманием, нарциссическими и негармоничными. В этом природа стыда: принятие на себя ответственности за то, что ты недостойн любви. Однако, если ребенок все же продолжает самоутверждаться, настаивая на целостности своего собственного восприятия и внутреннего состояния, он наказывается невниманием и отдалением родителей.

Чтобы осознать, насколько тяжел для ребенка выбор в данной ситуации, необходимо понимать, что именно мы имеем в виду под родительской любовью, действующей из лучших побуждений, но негармоничной. Когда ребенок очень мал, негармоничность родителей ощущается как болезненное избегание, исключение ребенка, которое переживается не больше не меньше как безнадежная брошенность. Таким образом, если ребенок все же будет стремиться утвердить собственное восприятие себя, ему придется столкнуться с первичным страхом оставленности-аннигиляции.

Оставленность-аннигиляция как причина стыда

По существу, стыд фактически не заметен, как будто и не существует, невидим. Как выразился один пациент: «В этот момент <стыда> я могу исчезнуть, скрыться под скалой».

Южно-итальянское слово для стыда «scampriare» в буквальном переводе означает «исчезать».

Стыд — это аффективная смерть личности; он имеет эволюционные корни в инстинкте самосохранения. Полевые наблюдения за волками вскрывают функции состояния стыда. Принятие каждого волка стаей необходимо для его выживания, поскольку исключение из группы фактически неизбежно ведет к смерти. Изгнанный волк крадется и приседает в попытке опять присоединиться к стае, и такое поведение удивительно напоминает опыт наших пациентов, переживающих чувство стыда: впалая грудь, опущенные плечи, телесное изнеможение, ссутуленная спина.

«Двойной тупик» триадных нарциссических отношений в семье и возникновение стыда

Следствие попадания в ситуацию двойного тупика для ребенка является отделение от истинного Я, отречение от него, что для наших клиентов выражалось и в отречении от стремления к мужественности. Так рождается ложное бесполое Я. Затем возникает гомосексуальность как нарциссическая попытка восстановить личность, соединить мужчину с его мужской частью, разделенные стыдом. Влечение к людям своего пола замещает потерянную мужественность.

Стыд и скорбь

Чувство стыда предполагает, что человек обвиняет себя за потерю привязанности. Клиент может идентифицировать себя с болью и печалью родительской фигуры: будучи ребенком, он полагал, что сам вызвал боль родителя, и поэтому чувствует гнев. Стыд замещает его печаль и гнев, препятствуя их открытому выражению. Однако полное переживание этих двух ключевых аффектов (печали и гнева) в настоящем необходимо пациенту, чтобы начать горевать и начать процесс исцеления, поскольку стыд — это злой страж пути к его невыраженной печали.

Для ребенка, выросшего в нарциссической семье, стыд выполняет еще одну важную функцию: он сохраняет отношения с родителями. Стыд сохраняет ложную надежду, что если не оставлять попыток, то однажды родитель «заметит» его и проявит любовь к нему просто потому, что он есть. Таким образом, стыд вытесняет печаль.

Один клиент, переживавший скорбь, выразил это так: «Внутри меня есть пустота, которую я привык наполнять стыдом». Часто встречающаяся фраза «я полон стыда» намекает на настоящую функцию стыда: когда клиент отказывается от защиты стыда, он в полноте переживает недостаток родительской любви и ощущает его даже на телесном уровне.

Стыд в гендерной автономии

Как мы видели, родители мальчика, выросшего в нарциссической семье, не смогли поддержать сына в достижении гендерной автономии.

В некоторых случаях родители явно наказывают мальчика за его стремление стать самостоятельным мужчиной. Тогда он будет восстановлен в правах, только если согласится с посылкой: «ты не достаточно хорош для мужчины». В других семьях родители не поддерживают маскулинные старания мальчика, просто оставляя их без внимания. (Например, родители, которые систематически не защищали мальчика от третирования со стороны старшего брата). В случае с мальчиком, у которого чувствительный темперамент, или присутствуют биологические особенности, которые затрудняют его становление как мужчины, родители могли не заметить заложенные в нем природой маскулинные стремления, или же их попытки развития этих стремлений могли оказаться неудачными.

Все это переживается мальчиком как эмоциональное отдаление родителей.

Большинство людей с трудом понимают, как человек может чувствовать стыд, если другие люди ничего ему не сделали, всего лишь оставили его без внимания. На это я отвечаю: «Бывало ли с Вами, что Вы рассказывали анекдот, а над ним никто не смеялся?»

Мальчик поставлен перед выбором: либо стать подлинным, автономным, зрелым в отношении пола мужчиной (как того требует природа), либо же стать гомосексуалом вследствие опыта стыда, связанным с отсутствием родительской реакции на его мужские устремления. И он выбирает второе. Он чувствует себя недостойным реализовать свою истинную половую принадлежность. Угроза быть «выкинутым из стаи» привела его к приятию собственной неполноценности. Таким образом, он отказался от своих стремлений стать мужчиной.

Мы наблюдаем очень много стыда, когда пациент выражает свои маскулинные стремления терапевту. Клиент выражает свое взрослое желание привлечь мужское внимание, привязанность и одобрение, при этом показывая, что в действительности чувствует себя «слабым», «с изъяном», «глупым», «тупым» или просто «плохим». Один пациент выразился так: «Я понимаю, что нуждаюсь в мужском признании. Но искать его представляется мне слабостью». В его случае, гомосексуальные влечения — это компромиссные образования, возникшие из конфликта между желаемой маскулинной идентичностью и «постыдностью» ее поиска.

Клинический случай ожидаемого стыда за стремление к маскулинности

Планируя поездку домой, 23-летний клиент, воспринимающий себя геем, выразил желание провести время со старшим братом. Перед поездкой я предложил ему продумать, как этого достичь. Он был полон надежд, представляя, как хорошо они могли бы провести время вместе, взяв велосипеды и отправившись в горы на целый день.

Продолжая фантазировать, он представил, как будет недовольна его мать, которая всегда считала его «своим сынулей». «Она скажет (далее он подражает ее наставительному тону): «Надеюсь, мальчики, вы хорошо провели время?» Я знаю, что она будет улыбаться, но ее отношение будет неодобрительным, будто я что-то натворил. Я покусился на связь,

существующую между нами... Вот когда мне хочется уйти в мое вызывающее, ни от кого не зависящее гомосексуальное Я».

Чувство стыда рождается из непроверенного предположения, что человек сам по себе обречен на то, чтобы стыдиться; существует как бы внутренний обвиняющий голос: «я заслуживаю стыда». Стыд часто означает, что человек в детстве недополучил безусловной любви, и теперь принимает на себя ответственность за эту ситуацию, обвиняя себя в том, что недостоин того, чтобы быть принятым. Как признался один 45-летний мужчина: «Меня отвергают, потому что меня можно отвергнуть; меня не любят, потому что меня можно не любить». Стыд принуждает личность аффективно закрыться в себе и обвинять себя за желание самоутвердиться в своей подлинности.

Ожидание стыда

Ожидаемый стыд возникает автоматически, и для пациента представляется пришедшим извне, а не изнутри. Здесь терапевт указывает, что это воздействие является внутренней репрезентацией критикующего родителя. Родительский интроект активно возлагает на личность бремя стыда. Пациент, часто имеющий чувствительный темперамент, просто совершает с собой то, что, по его ощущению, родители выполняли по отношению к нему. Здесь присутствует вечный страх опустошающего упрека; за всем этим скрывается маленький мальчик, ожидающий, что его накажут.

Ожидание стыда становится установкой

Установка стыда — это такое отношение к миру, когда человек повязан ожиданием следующего конфликта между стыдом и уверенностью в себе. Находясь в «ложном я», человек постоянно ожидает, что станет объектом презрения за совершенно невинные проявления своего я. В ожидании этого он принимает «установку стыда».

Один мужчина описал это состояние так: «Я не чувствую, что отношусь к окружающим как к обычным людям, — скорее, как к своим судьям, затаившим дурные мысли обо мне. Я думаю: «Да, они правы относительно меня; я неудачник, слабак, у меня не получается вести себя естественно, я туплю; настоящее пугало, я веду себя как баба, голубой; я не мужчина». Я испытываю постоянную тревогу, что кто-то раскроет подделку, ведь я не тот, кем они меня считают. Я постоянно ожидаю, что меня отвергнут, но когда этот момент наступает, я никогда не готов к этому».

Проследив корни своего ложного Я из детства, 28-летний мужчина признается: «Ребенком я чувствовал, что я не являюсь частью нашей семьи. Ухмылки, презрительные унижительные взгляды — вот что было обращено ко мне. Я пытался понять, думал: «Что я сделал? Это из-за моего поведения? Или из-за того, как я выгляжу?»»

Другой мужчина описывает свой ожидаемый стыд как внутреннее ощущение того, что он недостоин любви: «На каком-то уровне я выражаю эту скрытую мольбу: «Пожалуйста, не напоминайте мне, что я недостоин любви. Если вы хотите быть мне другом, постарайтесь отвлечь меня от этой горькой правды»».

Стиль жизни, когда приходится скрывать правду

Эта постоянная бдительность из-за ожидаемого стыда ведет к особой жизни, когда приходится скрываться, избегать других, замыкаться в себе, быть пассивным.

В клинической практике мы видели, что ожидаемый стыд может быть настолько интенсивным,

что приближается к паранойе: тогда другой человек обвиняется в том, что может настроить всех окружающих против клиента. Клиент предполагает, что он незащищен против клеветы. Эта убежденность во всемогуществе другого (искажение, в основе которого лежит стыд) уничтожает любую веру в то, что сам клиент может напрямую влиять на других.

«Оскорбленный другой» имеет всю полноту власти. Пациент же — по-прежнему ребенок в мире взрослых, бессильный напрямую формировать мнения других о себе. Ассоциации с этим пугающим ожиданием обычно ведут к раннему подростковому возрасту, когда какой-нибудь задира настраивал других мальчиков против подростка; и даже к еще более раннему периоду — к «всемогущей» матери, которая могла настроить других членов семьи против него.

Несмотря на то, что дети могут испытывать стыд по целому ряду причин, предгомосексуальные мальчики почему-то стыдятся желания привязанности к своему отцу — стыдятся показать свои мужские устремления. Если речь идет об особенно чувствительном ребенке (а именно так чаще всего и бывает), то он стыдится своих эмоциональных потребностей, связанных с мужскими взаимоотношениями, чувствует себя недостойным внимания, привязанности и одобрения. Возможно, его стремление самоутвердиться как мужчине также угрожало стабильности отношений с матерью. В чем бы ни была причина, в результате возникают стыд и окончательный отказ мальчика от истинного мужского Я.

Центральным моментом репаративной терапии является помощь пациенту в переходе от ложного Я к истинному гендерному Я. Ниже приводятся некоторые примеры.

ИСТИННОЕ Я

Чувствует себя мужчиной
Ощущает себя адекватно, наравне с другими
Спокойный, уверенный, способный
Испытывает подлинные эмоции
Полон энергии
В ладах с собственным телом
Уверен в себе в спорте и другой физической активности
Ощущение силы, самостоятельности (автономии)
Принятие собственного несовершенства
Активный, решительный
Доверчивый
По отношению к другим людям
Ощущает единство с другими
Открытый
Непосредственный, непринужденный
Прощающий, принимающий
Искренний, подлинный
Ищет других
Скромность, смирение
Помнит и заботится о других

ЛОЖНОЕ Я

Не чувствует себя мужчиной
Есть чувство неполноценности, неадекватности
Беспокойный, недостаточно уверенный, неспособный
Эмоционально мертвый, или, напротив, гиперактивный
Истощенный
Тело воспринимается как объект, не Я
Неуклюжесть и беспокойство
Ощущение контроля со стороны других
Перфекционизм
Пассивный
Защитная позиция
Обособленный, отстраненный
Замкнутый
Контролирующий себя, сдержанный, «холодный»
Мстительный, обидчивый
Играет роль
Избегает
Самодраматизация
Другие мало волнуют

Уверенный, выражающий свое Я
Зрелый в отношениях
Уважающий чужую власть и силу
Чувствующий свои силы
Простой, открытый
Понимает противоположный пол
Другие мужчины — такие же, как он

Отсутствие гомосексуальности

Я редко сталкиваюсь с гомосексуальностью. Я могу ее представить, но она не имеет власти надо мной

Неуверенный, сдержанный
Незрелый в отношениях
Негодующий на силу и власть других
Жертва
Двойная жизнь, скрытный
Не понимает противоположный пол
Притягивается таинственностью других мужчин

Гомосексуальность

Я мыслю как гей. Сексуальное влечение к парням поглощает все мое внимание, в этой перспективе я смотрю на мир

Терапия создает безопасную среду, в которой у клиента появляется возможность исследовать, заново пережить и освоить травматический опыт. Корректирующий опыт терапии позволяет получить свободу от старых повторяющихся моделей, которые препятствовали развитию, и установить новые подлинные отношения. Появляется внутреннее чувство сплоченности и внутренней цельности. По мере того, как растет ощущение настоящей близости в отношениях, происходит снижение иллюзорной силы гомосексуализма.

Когда личность освободится от пугающей силы скорби и связанных с ней защит, начнется становление новой идентичности. Сталкиваясь со своими иллюзиями и искажениями, клиент будет проявлять любопытство относительно своего настоящего Я: «Когда я откажусь от ложного Я, кем я буду?»

Через проработку скорби происходит трансформация самоидентичности, — проще говоря, возникает скромное, но твердое убеждение, что «я достаточно хорош».

Потеря привязанности и проработка скорби в репаративной терапии

Фаза гендерной идентификации характеризуется всплеском желания достичь половой компетентности. Когда на этой стадии развития случается сбой, происходит повреждение идентичности. Проработка скорби помогает клиентам преодолеть это повреждение.

Модель трехсторонней нарциссической семьи полезна для понимания мужской гомосексуальности, в основании которой лежит неудача построения отношений привязанности с родителем того же пола. Мы не всегда обнаружим фундамент нарциссической семьи, рассматривая мужчин с влечением к своему полу; однако, в нашей клинической работе с мужчинами, которые хотели бы преодолеть гомосексуальные влечения, мы часто видим доказательства ее существования.

В нормальных семьях дети знают, что они важны сами по себе; они ощущают, что их нужды и чувства важны для их родителей. Однако нарциссичные родители, действуя заодно, «в команде», часто не видят в ребенке самостоятельную личность с присущими его полу особенностями. Они не проявляют вдумчивое понимание, не создают поддерживающую эмоциональную среду для развития мужского «я» своего сына.

«Обесценивание» («пристыживание») маскулинности либо «неспособность ее извлекать»

Недавние биологические исследования позволяют предположить, что у некоторых мальчиков, когда они были еще в утробе матери, в результате сбоя происходит неполная маскулинизация мозга. Когда такие дети достигают возраста двух лет, а именно проходят через фазу формирования половой принадлежности, «всплеск желаний» достижения мужской компетентности будет гораздо ниже, чем у обычного мальчика. Такой мальчик может не развить обычную мужскую идентичность, если родители не занимались активно ее «извлечением» из него. Такие родители не обесценивали попытки сына в его стремлении стать мужчиной; они просто не смогли по-настоящему оценить особую нужду мальчика в том, чтобы кто-то активно помог ему в вопросе развития в нем его настоящего пола.

Проблема неправильной настройки

В нарциссической семье ребенок ценен не сам по себе, а служит «для» родителей. В этой семье, через отчетливо различающиеся отношения с каждым из родителей, мальчик получает с их стороны неправильный настрой в своих попытках приобрести мужское самосознание. Некорректный настрой проявляется в том, что ребенок часто ощущает себя игнорируемым или приниженым со стороны отца, тогда как мать манипулирует им, чтобы иметь в нем близкого компаньона.

В таком случае, возникает гнев по отношению к самому себе как защита против слабости и неспособности разорвать связь с матерью для того, чтобы приобрести мужскую идентичность. В дополнение к гневу против самого себя, ребенка могут вынуждать плохо себя чувствовать по поводу своих печалей: «Ты расстраиваешь всех остальных», «Нет причин для грусти, и тебе не на что жаловаться».

Безуспешные попытки мальчика реализовать свое половое предназначение в структуре нарциссической семьи ведет к потере привязанности. Совокупно влияя на сына, родители причиняют ему травму ненужности-аннигиляции, о чем он в дальнейшем будет скорбеть как мужчина. Это основная травма, которая приводит во взрослом возрасте к гомосексуальным наклонностям.

Темперамент мальчика как ключевой фактор

Темперамент является ключевым фактором в неспособности идентифицировать себя со своим полом.

Какой-нибудь другой мальчик, менее чувствительный в плане темперамента (быть может, даже брат мальчика), который более открыт, эмоционально устойчив и с сильным характером, может более настойчиво добиваться внимания отца, и отцу сложнее игнорировать такого сына. К тому же, сильный и более открытый мальчик имеет больше общего с отцом и является для него более привлекательным. Сильный и уверенный мальчик вряд ли разовьет слишком интимную связь с матерью, а также не будет искать ее защиты как средство уклониться от вызова маскулинности.

Однако эмоционально ранимый мальчик — чувствительный, интуитивный, общительный, мягкий и легко уязвимый — подвергается гораздо большему риску получить травму половой идентичности. Тогда он просто может отказаться воспринять вызов мужественности. Такой мальчик нуждался в особой поддержке для того, чтобы оставить более комфортный мир матери. Возможно, его отец не причинял ему травмы, но просто не смог исполнить свою роль, сущностно важную для данного мальчика, которая заключалась в том, чтобы активно вызвать наружу его истинную мужскую сущность.

Потеря привязанности и стыд

Клиенты выражают не только ощущение гендерного дефицита, но также более глубокое, невысказанное чувство потери и пустоты. Многие мужчины пытались описать это по-своему. Именно эта безнадежность и является источником гомосексуальных импульсов. Она также является источником глубочайшего сопротивления к лечению со стороны клиента.

В плане развития мы можем наблюдать сначала потерю привязанности, а затем и гендерный дефицит. Если гомосексуальность является формой потери привязанности, тогда встает вопрос: «Почему одни дети, испытывающие нетвердую привязанность, в конце концов адаптируются к потере, а другие нет, и развивают неадаптивные защиты против нее?» В поиске ответа прежде всего необходимо понять, что защита ребенка не является гомосексуальностью сама по себе, но выражает себя в дефиците гендерной идентичности, которое только впоследствии человек будет бессознательно пытаться восстановить путем гомосексуального поведения.

Один из клиентов говорит следующее:

«Посещение порно-сайтов для геев каждый раз открывало мне, насколько глубоко я нахожусь в депрессии. Я понял также, что знал, что у меня депрессия, но не делал ничего, чтобы ее снять. Власть образов гей-порно отражает мою собственную неадекватность. Картинка влияет не потому, что на ней изображен кто-то, но потому, что я кем-то не являюсь. И я могу пойти и отвлечься на то, кем является он, либо столкнуться с болезненной реальностью того, кем не являюсь я сам».

Стадия гендерной идентификации, как и многие другие стадии развития ребенка, отмечена желанием достичь определенной компетентности. Однако вместе с этим биологически обусловленным желанием на результат влияет и примешивающийся нарциссический элемент. Когда на этой стадии развития происходит сбой, то человек становится особо уязвимым к стыду. Такое понимание гомосексуального состояния видит в нем не просто гендерный дефицит, но также внутреннюю травму идентичности. И это подводит нас к вопросу о проработке скорби.

Скорбь и корректирующий опыт в терапии

Человек с проблемой гомосексуальности проявляет психологические черты, характерные для всех клиентов, которые оказались втянуты в патологические переживания скорби. Сюда относится чрезмерная зависимость самооценки от мнения других людей, плохая эмоциональная адаптация, мысли о самоубийстве, нестабильность и незащищенность, сложности в установлении и поддержании долгосрочных интимных отношений. Эти симптомы являются защитой против переживаний о потере естественных привязанностей к обоим родителям. Горькая насмешка заключается в том, что человек, провозглашая себя геем (веселым — с англ.), на самом деле таким образом строит защиту от глубокой печали, стоящей за этим.

В последующем, терапевт попытается предложить «корректирующий опыт»; то есть быть для человека «хорошим родителем». Он не будет его наказывать, но будет стараться выслушивать, понять и даже придать значимость этой скорби. Терапевт также должен признать и интерпретировать первичную защиту клиента, которой является ожидание быть пристыженным за ощущение этой потери. Важнейшая функция стыда — защита от скорби. Легче винить себя (и проводить всю оставшуюся жизнь, наказывая себя за то, что не чувствовал любви), чем столкнуться с реальностью того, что «точная настройка» с родителем

не произошла, что не получилось сформировать привязанность по отношению к своему отцу. Клиенту необходимо открыто поделиться страхом стыда с терапевтом для того, чтобы начать процесс выздоровления.

Глубокой проработке печали часто препятствует глубоко укоренившееся сопротивление, именно из-за сильной боли, обусловленной потерей привязанности. Клиент буквально чувствует, что если он начнет выражать свою боль, то может умереть. Это чувство укоренено в биологии и присуще групповому поведению млекопитающих. Действительно, отвергнутый член стаи правильно чувствует, что он не выживет в одиночку.

Не боль, а страх боли является основным источником сопротивления в проработке скорби. И это безысходное качество стресса понятно, потому что с детства отделение означало аннигиляцию, потерю существования. Сейчас, будучи взрослым, клиент во время терапии все еще не уверен, что он может соприкоснуться с этой глубокой болью и при этом выжить. Таким образом, не переживание заново травмы, а именно страх пережить ее обуславливает сопротивление.

К проработке печали следует идти через присутствующие в настоящее время жалобы, а также внутренние конфликты, которые клиент сам видит в себе. Эти конфликты часто связаны со стыдом за попытки укрепиться в маскулинности. Когда эти конфликты затрагиваются, они ведут клиента к более глубоким эмоциям. Когда клиент позволяет себе почувствовать печаль и пустоту, связанную с потерей привязанности, чаще всего на поверхность выходят печаль и гнев.

Следующая стадия терапии требует значимой интеграции потери в личную историю жизни. Сейчас, будучи взрослым человеком, клиент с влечением к своему полу может воссоздать ясный связный нарратив, осознавая сейчас, в данный момент, того, что в прошлом произошла потеря привязанности.

Разрешение конфликта

Разрешение предполагает, что клиент должен решить для себя жить в реальном настоящем, строя реальные планы относительно будущего. Он выбирает здоровое отношение к реальности вместе с людьми, находящимися вокруг него сейчас — не ожидая от них, что они будут лучше, чем есть сейчас. Больше нет того невыраженного нарциссического «права», по которому окружающие должны компенсировать ему травмы прошлого.

Проработка скорби делает клиента более человечным. Это достигается за счет того, что отвергаются привычные механизмы, служащие защитой от ощущения глубокого унижения. Работа со скорбью является, по сути, напряженной борьбой между двумя закомплексовывающими аффектами (стыдом и страхом), с одной стороны, и двумя подлинными аффектами (печалью и гневом).

Для разрешения конфликта требуется принять потерю в свою схему жизни, найти ей место в своем мировоззрении и жизненном нарративе. Этот нарратив требует правильного понимания самого себя сегодня. По мере того, как клиент сталкивается с собственными иллюзиями и искаженным видением реальности, он в тоже время выражает любопытство по поводу собственной идентичности: «А кто же я на самом деле, если отбросить это ложное «я»?»

Разрешение конфликта является катализатором личного роста, трансформирования идентичности, а также установления новых путей взаимоотношений. Это означает, что нужно вырастать из эмоциональной изоляции и постоянного одиночества, а также вновь вкладывать

силы в построение естественных отношений с лицами того и другого пола. По мере того, как способность к подлинной близости увеличивается, иллюзорная привлекательность однополых отношений становится все более очевидной.